

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
ИСТОРИИ СССР
ДООКТЯБРЬСКОГО ПЕРИОДА**

СБОРНИК СТАТЕЙ

МОСКВА 1989

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Баскаль А.Д. Итоги и задачи изучения рукописей Гавриила Урика как ранних источников по истории славяно-молдавской книжности XV века	4
Семенченко Г.В. К характеристике редакций жития ростовского епископа Исаяи	33
Плигузов А.И. "Прение с Иосифом"	49
Яковенко С.Г. Переписка папских нунциев в Речи Посполитой (вторая половина XVI в.). Изучение и публикация источников	78
Богданов А.П. Памятник русской педагогики XVIII века. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы)	96
Медушевский А.Н. Законодательство как источник по истории поместно-вотчинного землевладения в России (XVI-XVIII вв.)	145
Иванов В.А. Деятельность губернаторов центра России 50-60-х годов XIX века в освещении мемуаристов	180
Меликов Н.К. Общественное сознание пореформенного крестьянства в публицистике Г.И.Успенского	210

Редколлегия:

д.и.н. Б.Г.ЛИТВАК (ответственный редактор), д.и.н. В.А.КУЧКИН, к.и.н. А.П.БОГДАНОВ (ответственный секретарь)

Утверждено к печати Институтом истории СССР АН СССР

Подп. в печ. 29.II.89. Формат 60x84/16. Тираж 300 экз.
14,5 п.л. 10,88 уч.-изд.л. Цена 1р.70к. Заказ № 101

Участок оперативной полиграфии Института истории СССР АН СССР
117036, Москва, ул. Дм.Ульянова, 19

© Институт истории СССР АН СССР

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник продолжает традицию оперативного издания архивных открытий и новых источниковедческих разработок по проблемам преимущественного внимания Отдела источниковедения истории СССР дооктябрьского периода.

Большое внимание уделяется источникам по истории культуры. А.Д.Паскаль подводит итоги сложной работы по выявлению, атрибуции и изучению славяно-молдавских рукописей XV в. В.Г.Семенченко предлагает текстологический анализ редакций жития Исаии Ростовского. "Прение с Иосифом" – своеобразный катехизис отечественных "нестяжателей" XVI в. – анализируется в работе А.И.Плигузова. А.П.Богданов предлагает вниманию читателей первое издание стихотворного сочинения конца XVI в. для начальной школы, написанного под несомненным влиянием педагогических идей Я.А.Коменского, на основе отечественной традиции. Необходимую работу для углубленного анализа донесений папских нунциев – важного источника по истории украинских и белорусских земель, входивших во второй половине XVI в. в состав Речи Посполитой – проделал С.Г.Яковенко, предлагающий в своей статье исследование археографии и историографии вопроса. Статья А.Н.Медушевского ставит вопрос об источниковедческих возможностях законодательных актов XVI–XVIII вв. и помещает эти памятники в контекст аналогичных материалов других европейских стран. Н.К.Меликов делает первый шаг в исследовании столь ценного источника изучения сознания пореформенного крестьянства, как публицистическое творчество Г.И.Успенского, выделяет основные темы и источниковедческие подходы. В.А.Иванов, продолжая уже традиционную для Отдела работу по изучению мемуаров чиновников, привлекает к исследованию новые материалы: источники 1850–1860-х гг. по Московской и Калужской губерниям.

Сборник рассчитан на широкий круг лиц, интересующихся отечественной историей и в первую очередь источниковедческой проблематикой.

ИТОГИ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ РУКОПИСЕЙ ГАВРИИЛА УРИКА
КАК РАННИХ ИСТОЧНИКОВ ПО ИСТОРИИ СЛАВЯНО-МОЛДАВСКОЙ
КНИЖНОСТИ XV ВЕКА*

В истории славянской книжной культуры особое место принадлежит памятникам письменности, созданным на территории Молдавии XV–XVI вв., сыгравшей значительную роль в продолжении и развитии традиций южно-славянской письменности. Особенно это характерно для XV века, когда турецкое завоевание Болгарии и Сербии привело к известному упадку этих центров

* В статье приняты следующие сокращения в ссылках: Цамблак – Яцмирский А.И. Григорий Цамблак. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904; Рукописи – Яцмирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905; Из рукописей – Яцмирский А.И. Из славянских рукописей. Тексты и заметки. М., 1898; Из истории проповеди – Яцмирский А.И. Из истории славянской проповеди в Молдавии. Неизвестные произведения Григория Цамблака, подражания ему и переводы монаха Гавриила // Памятники древней письменности и искусства. CLXIII. 1906; ПС XV – Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV века, хранящихся в СССР (Для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). Сост. А.А.Турилов М., 1986; Панаитеску – Panaitescu P.P. Manuscrisele slave din biblioteca Academiei R.P.R. București., 1959, vol. I; Турзеану – Émil Turdeanu. Les lettres slaves en Moldavie: le moine Gabriel du monastère de Neamțu (1424–1447) // Revue des études slaves. Paris, 1951, XXVII, p. 267–278; Мирча – Ion Radu Mircea. Contribution à la vie et à l'œuvre de Gavriil Uric // Revue des études sud-est européennes. București, 1968, VI, 4, p. 573–594; Константиnescу – Radu Constantinescu. Texte românești în arhive străine. București, 1977; Богдан – Damian P. Bogdan. Paleografia româno-slavă. Tratat și album. București, 1978.

славянской книжной культуры. В книгописных мастерских Молдавии того времени складывается и окончательно оформляется собственный ("молдавский") тип письма с характерной устойчивостью графических форм, ориентацией на определенную орфографическую норму (тырновский извод) и приемами оформления рукописных книг. Переписываемые на славянском языке, они находили распространение не только в самой Молдавии, но и в соседних с ней странах, в том числе и на Руси, оказав в них определенное влияние на развитие книжного письма и литературы.

Изучение славянской книжной культуры, существовавшей на территории Молдавского феодального княжества, невозможно без привлечения самих памятников этой культуры – рукописных книг, созданных на территории Молдавии или выходцами из нее. Среди них важное значение имеют рукописи выдающегося книжника и писца из монастыря Нямец Гавриила Урика, являющиеся самыми ранними датированными кодексами из известных к настоящему времени славяно-молдавских книг. Этим объясняется тот значительный интерес, который вызывают его рукописи у исследователей, являясь наиболее достоверными источниками для реконструкции ранних этапов существования славяно-молдавской книжности.

Наиболее полно деятельность Гавриила была рассмотрена известным русским славистом А.И.Яцимирским, который в результате многолетнего изучения истории славянской письменности в Молдавии выявил 30 рукописных книг периода 1389–1450 гг. и написанных, по его мнению, Гавриилом (одна из них – в копии XV века). В своей монографии о Григории Цамблаке, являющейся итогом его разысканий, Яцимирский утверждал, что Гавриил – имя в постриге Григория Цамблака, бывшего киевского митрополита, вернувшегося в 1420 году в Нямец. Эта гипотеза о тождестве монаха Гавриила с Григорием Цамблаком подверглась в дальнейшем критике со стороны ряда исследователей: Э.Калужняцкого, Д.Богдана, Э.Турдеану, Р.Мирча, С.Уля, Р.Константинеску и других, в работах которых атрибуции рукописей, принадлежащих Гавриилу, отличны от предложенной Яцимирским и не во всем согласуются друг с другом.

Остановимся поэтому подробнее на перечне рукописей Гавриила, составленном Яцимирским в связи со сделанными к настоящему времени новыми описаниями отмеченных им рукописей и наблюдений над ними указанных выше авторов, а также находками неизвестных ранее рукописей Гавриила, сохраняя первоначальную нумерацию и датировку рукописей по Яцимирскому /Цамб-лак.С.345-378/.

I. Ветхий Завет (отрывок), конец 20-х годов XV в.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде Библиотеки Академии Наук СРР. По мнению Панаитеску, эта рукопись написана в XV веке в Молдавии, в школе копииста Гавриила из Нянца /Рукописи.С.621-623; Панаитеску. С.85/.

II. Евангелие-тетр 1429 г.

Находится в Оксфорде, в фонде Bodleian Library. Ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца¹.

III. Евангелие-тетр 1436 г.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре /Рукописи. С.627-628/ теперь - в Музее Искусств СРР и принадлежность ее Гавриилу определяется на основании записи писца².

IV. Евангелие-тетр конца 40-х годов XV века (около 1448-1450) - 2 листа.

Один лист, по утверждению Яцимирского, находился в Нямецком монастыре /Рукописи. С.629-630/. В каталоге Панаитеску не отмечен, местонахождение его в настоящее время неизвестно. Второй лист был подарен Яцимирским Публичной библиотеке в Петербурге /Из рукописей. С.33, 156; ПС XV-606/³.

V. Евангелие-тетр 30-х или 40-х гг. XV в.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде БАН СРР. По мнению Панаитеску, эта рукопись XV века и написана в Молдавии /Рукописи. С.628-629; Панаитеску. С. 113-114/.

VI. Апостол 30-х гг. XV в.

По мнению Яцимирского, часть рукописи написана Гавриилом, а утраченные ее начало и конец дописаны в начале XVII века. Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь -

в фонде БАН СРР. По описанию Панаитеску, рукопись составная, написана в Молдавии, лл. I-83, I54-I59 об., I66 написаны в XVI веке, лл. 84-I53, I60-I65 об. - в XV веке /Рукописи. С. 643-644; Панаитеску. С. I22-I23/.

УП. Архирейский требник, начало второй половины XVII в.

По предположению Яцимирского, это южно-русская копия с недошедшей рукописи I4I5-I4I7 гг., написанной Григорием Цамблаком, и сохранившая испорченный пересказ записи оригинала об этом /Цамблук. С. 2II, 350-353/. Рукопись ранее находилась в Новоямецком монастыре в Бессарабии, теперь - в фондах ЦГА МССР⁴.

УШ. Октоих 40-х гг. XV в. (глас I-4).

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде БАН СРР. По мнению Панаитеску, эта рукопись XV века и написана в Молдавии /Рукописи. С. 664; Панаитеску. С. I34/.

IX. Октоих 40-х гг. XV в. (глас 5-8).

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде БАН СРР. В каталоге Панаитеску отмечена как рукопись XV века, происходящая из Молдавии /Рукописи. С. 666-667; Панаитеску. С. I35-I36/.

X. Октоих 40-х гг. XV в. (глас 5-8).

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде БАН СРР. По мнению Панаитеску, эта рукопись XV века и написана в Молдавии /Рукописи. С. 664-666; Панаитеску. С. I34-I35/.

XI. Минея служебная, октябрь 40-е гг. XV в. (I445-I448).

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде БАН СРР. По мнению Панаитеску, по филиграни (кабан) рукопись датируется второй половиной XVI века и написана в Молдавии /Рукописи. С. 680-68I; Панаитеску. С. I46/.

XII. Минея служебная, ноябрь I448 г.

Рукопись ранее находилась в Новоямецком монастыре и до недавнего времени считалась утраченной⁵. Сейчас находится в фондах ЦГА МССР и ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца /ПС XV-I2I/.

XIII. Минея служебная, декабрь 40-е гг. XV в. (I445-I448).

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь — в фонде БАН СРР. По каталогу Панаитеску она относится к XV веку и написана в Молдавии /Рукописи. С.681; Панаитеску. С. I46–I47/.

XIV. Минея служебная, февраль I445 г.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь — в фонде БАН СРР. Ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца /Рукописи. С.681–682; Панаитеску. С. I47/.

XV. Минея служебная, март I447 г.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь — в фонде БАН СРР. Ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца /Рукописи. С.682; Панаитеску. С. I47–I48/.

XVI. Минея служебная, май 40-е гг. XV в. (I445–I448).

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь — в фонде БАН СРР. По мнению Панаитеску, рукопись составная: в основную часть кодекса, написанного в Молдавии в XV веке, вставлены листы из другого, написанного в XVI, а не в XV веке, как считал Яцимирский /Рукописи. С.684–685; Панаитеску. С. I49–I50/.

XVII. Слова (I6) Григория Богослова I424 г.

Рукопись ранее находилась в Новонямецком монастыре⁶, теперь — в фонде ОР ГБЛ⁷. Ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца.

XVIII. Иоанн Златоуст. Маргарит. I443 г.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре и хранилась как два отдельных фрагмента, но была определена Яцимирским как единая. Теперь находится в фонде БАН СРР и ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца /Рукописи. С.7I5–7I6; Панаитеску. С. I68–I7I/.

XIX. Слова постнические Василия Великого I444 г.

Рукопись находится в фонде А.И.Хлудова в ГИМ и ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца⁸.

XX. Слова постнические Исаака Сирина I389 г.

По мнению Яцимирского, писец Гавриил, переписавший эту рукопись в лавре св.Афанасия на Афоне, есть никто иной, как Гавриил из Нянца в юности /Цамблак, С.27, 33-34, 360-362/. Рукопись была приобретена архимандритом Леонидом /Кавелиным/ в Палестине, затем подарена им Оптиной пустыне, откуда впоследствии поступила в ОР ГБЛ (ф.214, № 462). Пять листов из этой рукописи остались у еп.Порфирия Успенского, а затем перешли в его фонд в ГИБ /собр. П.Успенского. Q.I.903/. Составители современного описания отмечают, что рукопись южно-славянская и написана несколькими писцами⁹. Сравнение ее с доступными датированными рукописями Гавриила из Нянца показывает сильное отличие в графике, орфографии и манере письма.

XXI. Лествица Иоанна Лествичника 1446 г.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде БАН СРР. Ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца /Рукописи. С.727; Панаитеску. С.178/.

XXII. Сборник 30-х гг. XV в.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в фонде БАН СРР и ее принадлежность Гавриилу определяется на основании недатированной записи писца. Панаитеску датирует рукопись первой половиной XV века /Рукописи. С.737-741; Панаитеску. С.191-195/.

XXIII. Сборник слов и поучений, начало 30-х гг. XV в. (ок. 1432).

Рукопись ранее находилась у Яцимирского, теперь - в его собрании в БАН СССР. По его мнению, это черновая рукопись Гавриила /Цамблак. С.298-299, 364-366; ПС XV-2305/, однако она написана несколькими почерками, отличными от его почерка.

XXIV. Сборник 1438 г.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, но Яцимирский был знаком лишь с факсимиле ее первой страницы, изданной еп.Мелхиседеком. Теперь рукопись в фонде БАН СРР и ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца. Панаитеску датирует ее 1439 годом /Рукописи. С.

796-797; Цамблак. С.366-367; Панаитеску. С.245-248/.

XXV. Сборник I441 г.

Рукопись ранее находилась в Нямецком монастыре, теперь - в Фонде БАН СРР и ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца. Яцимирский рукопись не видел /Рукописи. С.794-795; Цамблак. С.367-368; Панаитеску. С.248-250/.

XXVI. Сборник I447 г. (фрагмент).

Рукопись находится в Музейном собрании ОР ГБЛ¹⁰ и ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца.

XXVII. Сборник I448 г.

Рукопись ранее находилась у Яцимирского, теперь - в его собрании в БАН СССР. Ее принадлежность Гавриилу определяется на основании записи писца /Из рукописей. С.28-30; Цамблак. С.369-376; ПС ХУ-121/.

XXVIII. Сборник полемиический, конец 40-х гг. ХУ в. (I448-I450).

Рукопись ранее принадлежала Яцимирскому, теперь - в его собрании в БАН СССР /Из рукописей. С.28-30; ПС ХУ-1304/.

XXIX. Сборник конца первой половины ХУ в. (после I435 г.).

Рукопись находится в БАН СРР. По мнению Панаитеску, она написана двумя писцами /I:лл.1-95об.; П:лл.96-101од/ в Молдавии в ХУ веке, а не тремя почерками Гавриила, как считал Яцимирский /Рукописи. С.208-210; Панаитеску. С.92-95/.

XXX. Сборник I450 г.

По утверждению Яцимирского, рукопись из его собрания и ее принадлежность Гавриилу определялась ученым на основании записи писца /Из рукописей. С.156; Цамблак. С.378/. Ее местонахождение в настоящее время неизвестно.

Кроме указанных рукописей, Яцимирский отметил поздние сборники, содержащие копии с недошедших автографов Гавриила. Это, во-первых, перевод текста послания константинопольского патриарха Матфея к воеводе Александру Доброму от 21 июля 1401 года о посольстве Григория Цамблака в Молдавию, сохранившийся в Требнике середины XVI века. Рукопись была

приобретена в 1892 году Румянцевским музеем у яского антиквара Шараги, а последний лист из нее был найден у него же Яцмирским^{II} /Цамблак. С.81-82; Из истории проповеди. С. LXVI-LXVII/. Во-вторых, это перевод окружного послания от 6 апреля 1443 года восточных патриархов против Флорентийского собора, сохранившийся в сборниках 1512 года /Из рукописей. С.69-70/, 1557 г. /Из рукописей. С.85-91/, 1629 г. /Из истории проповеди. С. LXVIII/.

Возвращаясь к указанным Яцмирским тридцати рукописям, можно заметить, что из них лишь пятнадцать датированы и содержат указание на написание их Гавриилом, одна не датирована, но содержит запись с его упоминанием, а принадлежность остальных рукописей Гавриилу Урику определялась исследователем по почерку или из тождества Гавриила и Григория Цамблака. При этом, однако, Яцмирский отмечал, что следует говорить о различных почерках Гавриила.

Во-первых, это "индивидуальная скоропись греческого типа, точнее, округлый полуустав, переходящий в скоропись, очень характерными формами букв е, б, г, ч, м, ъ, ѵ, ѧ, и др. Этим почерком переписаны 6 отдельных рукописей (IУ, XXIII, XXIV, XXV, XXVI, XXX) и все записи на датированных целых рукописях".

Во-вторых, это "крупный или мелкий, четкий и красивый полуустав типичного "молдавского" письма. В рукописях "выходных"... он заслуживает скорее названия литургического письма, даже устава, если последний термин принимать условно /П, Ш/ ...".

В-третьих, это "такой же полуустав, но несколько широкий, с более низкими буквами и в более толстых линиях, в известной степени сохраняющий индивидуальные черты первого почерка. Этим письмом написано 7 рукописей - У, УШ, XI, IX, XIII, XVI, XXI" /Цамблак. С.380-381/.

Оставшиеся 14 рукописей, не названные Яцмирским, видимо были отнесены им ко второй категории почерка Гавриила.

Атрибуция Яцмирского подверглась критике последующими исследователями с двух сторон: во-первых, в вопросе о проис-

хождении Гавриила Урика в связи с гипотезой Яцимирского о тождестве первого с Григорием Цамблаком; во-вторых, оспаривалась точность его палеографических наблюдений.

Румынский славист Эмиль Турдеану, критикуя предложенную Яцимирским классификацию очерков Гавриила, отмечал, что среди рукописей первой категории IV, XXIII, XXVIII не имеют подписи писца и определены Яцимирским лишь на основании сходства их почерка с почерком датированных (т.е. XXIV, XXV, XXX). Турдеану, ссылаясь на факсимиле рукописи XXIV, пишет, что почерк этой рукописи не скоропись, а полуустав. Авторство же Гавриила рукописей XXV и XXX оспаривалось им на том основании, что почерк рукописи XXV совсем не похож на почерк рукописей XV, XXI, XXVI, который характеризуется Турдеану как "твердый и элегантный почерк, его буквы четкие, хорошо прописанные, единообразные и идентичны почерку рукописей XV, III, II, XVII". /Турдеану. С.272/. Почерк же рукописи XXV отличается, по мнению Турдеану тем, что он "нетвердый и некрасивый, коверкает самые трудные буквы, такие, как Ж и Д, его Ж часто заливает чернилами и похоже на пятно в строке, некоторые буквы ~~З~~, А, М явно отличаются от букв Гавриила" /Турдеану. С.272/. Не возражая против второго типа почерка Гавриила по Яцимирскому, который признается Турдеану как "молдавский полуустав", румынский исследователь сводит к нему и третий тип по Яцимирскому, среди рукописей которого лишь одна датированная признается написанной тем же полууставом, что и другие датированные рукописи Гавриила, а происхождение остальных шести рукописей (V, VIII, IX, XI, XIII, XVI) ставится Турдеану под сомнение.

Таким образом, Турдеану, отмечая свойственным для Гавриила употребление не трех, как считал Яцимирский, а одного, полууставного почерка, отвергал подлинность двух рукописей (XXV, XXX), считая, что они были произвольно приписаны Яцимирским Гавриилу "для расширения его деятельности и придания ей большего интереса". Более того, исходя из принадлежности этих рукописей личному собранию Яцимирского, Турдеану недвусмысленно обвинил его в фальсификации, сомневаясь в ау-

тотентичности записи на рукописи ХХХ, местонахождение которой к тому времени уже было неизвестно.

Итак, Турдеану отнес к рукописям Гавриила лишь тринадцать из списка Яцмирского, двенадцать из которых датированы, а одна — с записью Гавриила, но без даты и написана, по его мнению, около 1430 года.

В 1959 году румынский славист П. Панаитеску публикует первый том описания славянских рукописей из Библиотеки Академии Наук СРР, в фонды которой поступила большая часть рукописного собрания Немецкого монастыря /Панаитеску. С. VI-VII/. При этом, как уже нами отмечалось, Панаитеску отверг атрибуцию Яцмирского для десяти рукописей.

Указанную работу Панаитеску использовал в своей статье. Георге Михаилэ, давая обзор старославянских текстов, написанных на территории Румынии, отмечая лишь пять рукописей Гавриила (XIV, П, XV, XVI, XXIV)¹².

Другой румынский славист, Ион Раду Мирча в своей статье, посвященной деятельности Гавриила, также выразил сомнение в аутентичности рукописи ХХХ из коллекции Яцмирского. Обратив внимание на то, что в тексте приводимой Яцмирским записи писца употреблен глагол "скончати" в I-м лице единственного числа аориста, в отличие от обычно употребляемого Гавриилом 3 лица единственного числа аориста "свърши с , свърши", исследователь посчитал вторую часть записи писца сомнительной и не исключал возможность ее подделки Яцмирским, чтобы найти аргумент в пользу своей гипотезы о тождестве Григория Цамблака с Гавриилом /Мирча. С. 581/. В то же время, соглашаясь с Турдеану об определении основного типа письма Гавриила, совпадающего со вторым и третьим видом по Яцмирскому, Мирча признает, в отличие от Турдеану, что существует и первый вид письма Гавриила по Яцмирскому, т.е. индивидуальная скоропись. Ею написаны рукописи XXII, XXIII, IV. Вывод об этом делается из анализа графики колофонов восьми датированных рукописей (XIV, XV, XVI, XXI, XXII, XXIV, XXV, П), которые написаны скорописью, как отмечал уже это Яцмирский. Кроме того, Мирча замечает, что в рукописи XXIV часть

текста (л.62) написана той же скорописью Гавриила. Этой же скорописью выполнены многочисленные маргиналии, исправления и добавления в текстах, отмечаемые исследователем на полях рукописей и между строк /Мирчя. С.586-587/. Поэтому, сравнительная факсимиле рукописей XXУП, XXУШ, IУ с указанными датированными рукописями, Мирчя признает их написание Гавриилом. Проведенное же им сравнение датированных рукописей Гавриила с недатированными и приписываемыми ему Яцимирским из хранилищ СРР привело Мирчю к тому же выводу, что и Панаитеску: их графика и бумага явно отличаются от рукописей Гавриила и они не могут приниматься во внимание. Это рукописи XXIX, IX, XIII, XI, I, У, VI, УШ, X, XVI.

Таким образом, Мирчя не ограничивает круг рукописей, написанных Гавриилом, лишь датированными, а присоединяет к ним еще три, выполненные скорописью (XXУП, XXУШ, IУ).

В 1969 году известный румынский палеограф Дамиан Богдан публикует работу, в которой воспроизводит фрагмент листа из рукописи Гавриила, обнаруженного им в 1939 году у антиквара Б.Полака в Бухаресте¹³.

В своем докладе на международном симпозиуме "Ученики и последователи Евфимия Тырновского" Георге Михаила в перечень рукописей Гавриила включил лишь датированные и с его упоминанием, присоединившись, таким образом, к мнению Турдеану, а отмеченные кроме них Мирчю назвал спорными¹⁴.

Изучение советских хранилищ другим румынским славистом, Раду Константинеску, позволило ему ввести в научный оборот значительное число славяно-молдавских рукописей. В предпринятом им исследовании рукописной традиции слов Григория Богослова в славяно-румынской письменности важное место занимает рукопись I413 года из ЦГДА (Мазурин I494). Это список Лествицы Иоанна Лествичника и Слов (I6) Григория Богослова, в колофоне которой содержится указание на написание ее попом Доментианом и Гавриилом. Путем кодикологического анализа Константинеску заключает, что рукопись написана двумя писцами - А и В. Писец А, отождествляемый им с Гавриилом Уриком, переписал большую часть рукописи, а писец В, которым являлся нас-

тоятьель Нямецкого монастыря поп Доментиан, закончил ее переписку¹⁵. Таким образом, в научный оборот была введена еще одна, ранее неизвестная рукопись Гавриила, расширяющая хронологию его деятельности. Кроме того, исследователь еще раз проанализировал классификацию почерков Гавриила, предложенную Яцимирским, но при этом использовал оглавление снимков-образцов почерков Гавриила из монографии русского слависта. Это: а) почерк Гавриила, писца афонской лавры св.Афанасия, написавшего упоминавшуюся рукопись 1389 года; Константинеску справедливо отмечает несоответствие его почерка почерку Гавриила Урика, б) обычный почерк Гавриила Урика - рукописи ХП, ХУШ, ХП, в) более жирный почерк Гавриила Урика - рукописи ХХI, ХУ, У, г) скорописный почерк Гавриила Урика - рукописи ХХУП, ХХУШ (ее местонахождение Константинеску не смог указать), IV, д) черновая скоропись Гавриила Урика - рукопись ХХШ; этот вид письма, по мнению Константинеску, не типичен лишь для Урика, не встречается только в XV веке, а является общим для писцов, встречаясь в маргиналиях /Константинеску. С.20-22/.

Константинеску специально рассмотрел рукопись ХХУП, вызывавшую сомнение своей записью у предшествующих исследователей. Признавая подлинность рукописи и аутентичность записи Гавриила, исследователь все же оговаривается, что если это и подделка, то подделка уникальная и совершенная (Константинеску. С.14/.

Эта работа не была использована Демрианом Богданом, опубликовавшим на следующий год специальное исследование по румыно-славянской палеографии. Давая в нем перечень рукописей Гавриила, Богдан основывается на списке Мирчя, но не учитывает рукопись 1413 года. В то же время исследователь указывает на неизвестные ранее автографы Гавриила. Это Псалтирь 1437 года¹⁶ и фрагмент Сборника (1423-1450), образцы почерков которых воспроизводятся им в приложении¹⁷. Дамиан Богдан также довольно подробно анализирует графику письма Гавриила, выделяя в нем устав (заголовки), полуустав (текст), и скоропись (колофоны) /Богдан. С.179/. Особое внимание румынский палеограф уделит скорописи Гавриила, которая по его классификации образует второй вариант первого типа скорописи и которая, по

его мнению, является собственным изобретением Гавриила /Богдан. С.247-248, 253/.

В 1988 году нами были обнаружены еще два, неизвестных ранее, автографа Гавриила Урика. Первый – это фрагмент рукописи XXVI, находящийся в ЦГАДА¹⁸. Второй – обширный Торжественник триодного типа (Златоуст) из ГБЛ (ф.98, № 462). Рукопись была подробно описана Константинеску, который дал следующее прочтение записи писца на л.448об.: "Тшилъ исписа сѣи златоустъ въ лѣто 6999(1491). съврѣши же сѣ мѣсеца августа 19" /Константинеску. С.9-10/. Однако ее изучение показывает, что исследователь не обратил внимание на то, что на месте количества десятков стоит не ч(90), а н(50), что дает другую дату написания рукописи – 1451 год¹⁹. Кроме того, в имени писца ѱ написана другим пером и другими чернилами сверху затертой и выцветшей части записи писца. Очевидно, перед нами случай ошибочного позднего поновления плохо различимой, начинающейся на краю листа части записи, которая, по нашему мнению, читались ранее как "Гаврїиль". Это подтверждает и совпадение почерка рукописи с почерком доступных нам рукописей Гавриила Урика при их сравнении.

Подводя итоги атрибуции автографов Гавриила, необходимо отметить, что палеографические наблюдения Яцимирского в основном подтвердились последующими исследователями, которые признают существование двух типов почерка Гавриила: полуоштава (т.е. объединение второго и третьего типа по Яцимирскому) и индивидуальной скорописи. Дамиан Богдан добавляет к этому и устав, которым писались заголовки рукописей. Соответствующей корректировке подверглось и рукописное наследие Гавриила, определенное Яцимирским (см. Приложение). Не исключено, что перу Гавриила принадлежало большее число рукописей. Так, существование трех служебных Миней позволяет предполагать написание Гавриилом остальных девяти Миней. Вероятно и предположение Яцимирского о переписке Гавриилом Уриком полного круга богослужебных книг (таких, как Служебник ефимиевского типа, Октоих, Триоди, Часослов и т.д.).

Как уже нами отмечалось, атрибуция Яцимирского части рукописей Гавриилу была основана на гипотезе о тождестве Гав-

риила с Григорием Цамблаком. Прежде чем перейти к ее критике последующими исследованиями, отметим, что вопрос о происхождении Гавриила решался в литературе до работ Яцимирского по разному. Т.Ф.Успенский, например, предполагал, что это мог быть южнославянин²⁰. П.А.Сырку отмечал, что язык рукописей Гавриила – среднеболгарский, но при этом в синоксаре Евангелия–тетр 1429 года отсутствуют упоминания болгарских святых, при том, что упомянуты два сербских (Симеон, Савва). Отсутствие же сербизмов в тексте привело его к заключению, что Гавриил мог быть румыном²¹.

По гипотезе Яцимирского, Гавриил – имя Григория Цамблака в схиме, принятой им в Нямецком монастыре, что позволяло исследователю считать, что по происхождению Гавриил был болгаринном, родившимся, "скорее всего в самом Тырнове" /Цамблак. С.27/. Предположение русского слависта об идентичности Григория Цамблака и Гавриила Урика было основано на ряде доказательств, предварявшихся общими рассуждениями о возможности такого допущения. Это аналогичные примеры принятия схимы иерархами византийской, русской, южнославянской и румынской церковей, появление непосредственно за датой смерти Цамблака по известиям русских летописей (1419–1420 гг.) в начале 20-х гг. XV века в Нямце деятельного и образованного переписчика книг Гавриила, не получавшего повышения за свой более чем тридцатилетний труд по переписке книг, высоко ценившийся в средние века, и оставшегося при этом простым монахом, словно скрывая свое происхождение, сан и положение. По мнению Яцимирского, такое поведение Цамблака было следствием ряда крупных неудач в церковной и политической карьере, приведших бывшего киевского митрополита к скромным занятиям переписки рукописей в Нямецком монастыре, с которым он был связан в начале своей писательской, проповеднической и административной деятельности. Исходя из списка выявленных им рукописей Гавриила, Яцимирский ставит ряд вопросов, которые, по его мнению, могут быть разрешены лишь в случае признания идентичности Гавриила и Григория Цамблака: что делал Гавриил до 50 лет, откуда он прибыл в Нямецкий монастырь, чем занимался раньше и почему неизвестны его рукописи,

по крайней мере, первых двух десятилетий XV века. Кроме того, Яцимирский приводит 19 прямых и косвенных, по его мнению, доказательств такого тождества этих двух лиц /Цамблак. С.228-253/, которые рассмотрим далее. Отметим лишь, что кроме этих доказательств, Яцимирский в своих построениях ссылается и на наименование в произведениях Григория Цамблака Нямецкого монастыря Пантократоровым, где он был игуменом /Цамблак.С.105-112/.

В рецензии К.Ф.Радченко на работу Яцимирского отмечалось, что последний неправомерно переносил наименование Пантократоровой обители из заголовков произведений Цамблака на Нямецкий монастырь. Кроме того, Радченко упрекал Яцимирского в необоснованном привлечении самых разнообразных и не всегда достоверных известий о Григории Цамблаке и Гаврииле — от Быстрицкого помянника XV века до сообщений архимандрита случкого XVIII века Михаила Козачинского. Рецензент также сомневался в справедливости атрибуции рукописей Гавриила, в первую очередь недатированных, находя аргументацию автора слабой²². В своем ответе на критику Яцимирский заметил, что рецензент не рассмотрел обстоятельно все пункты аргументации его гипотезы, без чего критические замечания не имеют силы²³ и не ответил на последующее выступление оппонента²⁴.

Украинский историк Михаил Грушевский считал работу Яцимирского лишенной метода, слабой и интересной лишь новым материалом. При этом Грушевский отмечал, что о смерти Цамблака, кроме русских летописей, вполне ясно сообщал достаточно осведомленный современник — польский король Владислав Ягелло в письме к папе Мартину у²⁵. Этот же исследователь в другой своей работе связывал смешение Гавриила с Григорием Цамблаком в молдавских источниках и сведения о его митрополитстве в Молдавии с местной традицией, получившей свое развитие у историка молдавской церкви еп.Мелхиседека²⁶.

Несмотря на указанную критику, работа Яцимирского оставалась единственной, посвященной Гавриилу Урику, до 40-х гг. нашего века.

В 1939 году выходит работа румынской исследовательницы Екатерины Пискупеску о славянской литературе Молдавии и Ва-

лахии XV века, в которой она использовала тезис Яцимирского о тождестве Гавриила и Григория Цамблака²⁷. Это вызвало резкую критику со стороны Дамиана Богдана, который ссылался при этом на известие Владислава Ягелло о смерти Цамблака, на отсутствие сведений о Гаврииле в Нямецком монастыре до 1424 года и на отсутствие ожидаемого местоимения "аз" в колофоне Сборника 1438 года, содержащего житие Иоанна Сучавского, написанного Григорием Цамблаком. Затем Богдан отметил, что пометы "Цамблак", которые Яцимирский считал сделанными Гавриилом на полях своих рукописей рядом с произведениями Цамблака, выполнены в XVIII веке еп. Пахомием. Кроме того, изучая в связи с предстоящим изданием Быстрицкий помянник XV века, румынский славист пришел к выводу, что упоминающиеся в нем старец Гавриил и писец Гавриил — разные лица, т.к. во всем тексте памятника ни разу не упомянуто одно и то же лицо дважды²⁸. При этом Богдан обратил внимание на то, что Яцимирский неправильно разделял текст памятника, в котором упоминание о Гаврииле выглядит следующим образом: "помѣни Господи дыша рабѣ своихъ: монаха Антониа; Висариона; монаха Паисиа Оурика и сына его, монаха Гавриила съписателъ; Афанасиа, отца Савова; Иосифа; Илариона"²⁹, высказав при этом предположение, что прозвище Урик, ставшее именем, относится к писцу уриков (документов). Кроме того, румынский славист отводит аргумент Яцимирского о смешивании в текстах рукописного Помянника Нямецкого монастыря XVIII века и печатного списка 1858 года нямецких игуменов Григория Цамблака и Гавриила монаха, ссылаясь на раздельность написания сведений о каждом из них³⁰.

Критику гипотезы Яцимирского продолжил другой румынский славист — Эмиль Турдеану, посвятивший этому вопросу отдельную статью³¹. Ставя под сомнение аутентичность Сборника начала XVII века, включавшего переписку в среде церковной администрации, на которой неоднократно ссылался Яцимирский и местонахождение которого неизвестно, Турдеану отвергал ряд аргументов Яцимирского. Это сведения об игуменстве Цамблака в Нямеце, о его трудах по переписке книг, о наименовании Ня-

мецкого монастыря Пантократоровым. Кроме того, Турдеану отмечал, что ссылки Яцимирского на монастырскую традицию в изображении Цамблака несостоятельны в связи с позднейшей реставрацией церкви Вознесения в Нямеце после пожаров, а наименование Нямецкого монастыря Пантократоровым восходит лишь к XVI в. Гавриила Урика же Турдеану считал происходящим из Молдавии (по рождению или национальной принадлежности) и обучавшегося ремеслу писца у своего отца – Паисия Урика, писца уриков-актов, составлявшихся в воеводской канцелярии³². В другой работе, упоминавшейся ранее, Турдеану уточняет это предположение, производя этноним Урик от венгерского *örök* (вечность), ссылаясь на значение этого слова в румынском языке, как "грамота на вечное владение землей", справедливо отмечая, что неизвестно, учился ли Паисий в Молдавии или эмигрировал из Болгарии или другой страны, а его сын был молдаванином по происхождению или месту проживания, оставляя, таким образом, вопрос о национальной принадлежности Гавриила открытым /Турдеану. С.269-270/.

Другой путь к определению происхождения Гавриила Урика избрал румынский исследователь Ион Юфу. По его предположению, русско-украинский извод старославянского языка, употреблявшегося в письменности Молдавии, в начале XV века во время Александра Доброго сменяется среднеболгарским (тырновским) в связи с его ориентацией на деятельность более высоко организованной к тому времени валахской воеводской канцелярии, откуда им были приглашены писцы и книжники, среди которых и был Гавриил, рукописи которого написаны в хорошо выдержанном среднеболгарском изводе. Это позволяло Юфу определять Гавриила по происхождению из Угровлахии³³.

Такое представление вызвало возражение у Сорина Уля, который считал, что на начальных этапах усвоения славянской письменности в дунайских княжествах, как в Валахии, так и в Молдавии, язык церкви, книжный язык был древнеболгарский, а не русско-украинского извода. Распространение же среднеболгарского (тырновского) извода в книжности Молдавии Уля объяснял прямым (а не опосредованным – через книжников Валахии).

воздействием болгарских книжников, среди которых на первом месте – ученик Евфимия Тырновского Григорий Цамблак, принявший в качестве "презвитера великой церкви молдавляхийской" активное участие в организации молдавской церкви, в атмосфере деятельности которого и сформировался Гавриил Урик³⁴.

Другой румынский славист, Ион Раду Мирча, выразил сомнение в употреблении слова "урик" в значении "составитель уриков" в начале XV века, ссылаясь на то, что в Молдавии это значение отмечено в источниках лишь с 1600 года. По его мнению, Паисий Урик, отец Гавриила, происходил из молдавской семьи, к которой принадлежал советник воеводы Илиаша, сына Александра Доброго, Уричел Михаил, упоминающийся при заключении договора 1433 года с Польшей /Мирча. С.578–580/. К этой точке зрения присоединился и Георге Михаилэ³⁵.

Болгарская исследовательница Елена Коцева, изучавшая александрийский (попгерасимов) тип письма в болгарских рукописях, предположила, что по характеру почерка (индивидуальная скоропись) рукописи Гавриила XXIII, XXVII, XXVIII могут быть отнесены к продукции болгарской школы попа Герасима³⁶. Этот тезис оспаривал Константинеску, настаивая не на болгарских, а на сербских протографах славяно-молдавских рукописей времени начального оформления славяно-молдавской книжности /Константинеску. С.21–22/.

Таким образом, подводя итоги изучения проблемы происхождения Гавриила Урика, необходимо отметить, что благодаря работам румынских славистов гипотеза Яцимирского о тождестве Григория Цамблака с Гавриилом Уриком в настоящее время установлена³⁷, при этом часть исследователей, в первую очередь румынских, считает его молдавским книжником, а другая часть – в основном болгарских – болгарским или учеником болгарских книжников. Точка зрения последних основана главным образом на том, что рукописи Гавриила среднеболгарского (тырновского) извода и содержат древнейшие списки сочинений Евфимия Тырновского, его ученика Григория Цамблака и древнеболгарской литературы. Так, в Сборнике 1438 года находим жития Иоанна Рыльского, Иллариона Мегленского, похвальные слова Михаилу

из Потуки, Иоанну Поливотскому, св.Наделе (все - Евфимия Тырновского), житие Иоанна Нового Сучавского (Григория Цамблака), краткое житие Кирилла Философа /Панаитеску. С.245-248/. В Сборнике I44I года помещены похвальное слово св.Георгию (Григория Цамблака), житие св.Филофеи (Евфимия Тырновского), слово на Вербное воскресенье (Григория Цамблака)³⁸. Однако все же нельзя не признать, что имеющиеся источники не позволяют в настоящее время однозначно определить национальную принадлежность этого первого известного нам книжника средневековой Молдавии.

Разнесение рукописей Гавриила по различным хранилищам СССР и СРР и отсутствие достаточно полных и исчерпывающих описаний и каталогов книжных собраний также не позволяет считать окончательными определяемые к настоящему времени объем, состав и хронологию рукописного наследия Гавриила Урика. Вероятно, можно ожидать в будущем новых находок его рукописей или фрагментов из уже известных, что особенно актуально для рукописных собраний СССР в связи с составлением Археографической комиссией АН СССР Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР.

Среди проблем изучения рукописей Гавриила по прежнему остается в целом открытым вопрос об их протографах, возникающий также в связи с проблемой так называемой "коллекцией Студиона". Обнаруженная румынским исследователем Ионом Кюфу группа рукописей XV-XVI вв. в монастыре Драгомирна, попавших туда из монастыря Молдовица (оба - в СРР), была идентифицирована им как копия коллекции житий, слов и поучений, предназначенных для церковных праздников годового цикла и составленная при участии Евфимия Тырновского³⁹. Оставляя в стороне спорный вопрос о месте написания этой коллекции (Тырнов, монастырь Студион в Константинополе или Афон), необходимо отметить попытку болгарской исследовательницы Павлины Бойчевой определить "коллекцию Студион" как один из источников Сборников Гавриила⁴⁰.

Актуальной и малоизученной еще представляется и проблема традиции использования рукописей Гавриила Урика и приемов

его работы последующими поколениями книжников и переписчиков в связи с деятельностью книгописных центров средневековой Молдавии, в первую очередь – монастырских. В условиях языковой ситуации в Молдавском княжестве XV–XVI вв. (славяно-молдавский билингвизм), когда язык книжности был достаточно независим и чужд языковым нормам общения, что характерно для донационального периода развития литературы⁴¹, традиционализм в книжности, следование образцам, во многом определяло характер и состав переписываемых кодексов. Так, было установлено, что почти все Евангелия–тетра, написанные в Молдавии во второй половине XV века, восходят к списку Гавриила 1429 года, а миниатюры этой рукописи послужили также и образцами для церковной настенной живописи⁴².

Вопрос о традиции использования рукописей Гавриила как образцов неразрывно связан с проблемой, которая в литературе специально еще не ставилась – книгописная школа Гавриила и его ученики. Тем не менее одного из них можно указать уже сейчас. Это монах Касиан, переписавший в 1467–1470 гг. четыре рукописи: Минея служебная, август 1467 г. (СРР, библиотека монастыря Путна, 557), Милея служебная, ноябрь 1467 г. (СРР, библиотека монастыря Путна, 564)⁴³, Псалтырь 1470 г. (ГПБ, Погодин № 4)⁴⁴, Слова (16) Григория Богослова 1470 г. (ГБЛ, ф. 178, № 922)⁴⁵. Сравнение последней рукописи со списком 1424 года Гавриила Урика показывает, что Касиан во всем следовал традициям Гавриила, используя его рукопись, как образец. При этом мы имеем редкий случай копии⁴⁶, что подтверждается при палеографическом и текстологическом анализе. В самом деле, Касиан полностью следует тексту рукописи Гавриила, сохраняя даже сделанные последним маргиналии, исправления ошибочно написанных слов и пропущенного текста. При этом Касиан подражает Гавриилу в оформлении рукописи, сохраняя тот же тип заставки и инициалов, применяет свойственные Гавриилу приемы написания кодексов – нумерация тетрадей с характерным оформлением колоцифер, скорописью, в отличие от полуустава, которым написан основной текст, выполнены маргиналии и отмечено число листов, на которых помещены отдель-

ные произведения в рукописи. Наконец, нами обнаружено 29 случаев перескока строки, свидетельствующие о том, что свой кодекс Касиан переписывал непосредственное с рукописи Гавриила. Предположение, что Касиан славянскому письму мог учиться у Гавриила Урика, находит свое подтверждение и в графике его письма. Его скоропись, которой выполнены маргиналии и колофон рукописи (как и в остальных его трех рукописях), по наблюдению Дамиана Богдана представляет единственный пример употребления этого типа графики (второй вариант I типа курсива по Богдану) в славяно-молдавских рукописях XV века, кроме рукописей Гавриила /Богдан. С.247/. Все это, по нашему мнению, позволяет считать Касиана непосредственным учеником Гавриила Урика, работавшего, скорее всего, также в Нямецком монастыре⁴⁷. Как уже отмечалось в литературе, очевидно, создание Касианом этих рукописей находится в прямой связи с ктиторской деятельностью господаря Стефана Великого, а именно — строительством монастыря Путна в 1466—1470 гг. Организация монастыря требовала создания определенного комплекса книг, в первую очередь богослужебных. Сохранился ряд кодексов, написанных по повелению господаря и предназначенных для нового монастыря⁴⁸, в круг которых вполне логично могут быть включены и рукописи Касиана, написанные также по повелению Стефана Великого, о чем и сообщает переписчик в кратких колофонах своих рукописей. Заметим, что их лаконичность — даже не указано место написания рукописей и их предназначение — находит свое объяснение в оригиналах-образцах: таких же кратких колофонах Гавриила, а явная спешка Касиана (торопливый, прыгущий почерк, многочисленные ошибки) говорит, вероятно, о необходимости завершения рукописи ко времени освящения главного храма в Путне, состоявшегося 3 сентября 1470 года⁴⁹.

В заключение остается заметить, что все еще не ясен вопрос о "фальсификациях" Ядмирским ряда рукописей. Так, обнаружение Златоуста 1451 года не позволяет категорически отрицать существования Сборника 1450 года⁵⁰. Наконец, не решен окончательно вопрос об объеме и характере переводческой деятельности Гавриила.

- I Успенский Т.Ф. О некоторых славянских и по славянски писанных рукописях, хранящихся в Лондоне и Оксфорде // *ВМФП*. 1878. Кн. XI. Ч. СС. Отд. II. С. 83-93; Сырку П.А. Заметки о славянских и русских рукописях в Bodleian Library в Оксфорде. СПб., 1908. С. 1-13; Emil Turdeanu. The oldest illuminated moldovean ms. // *The slavonic and East-European Review*. Londra. 1951, vol. I, XXIX, P. 456-469; A. Pennington. A union catalogue of cyrillic manuscripts in British and Irish collections. London, 1988, P. 242-244.
- 2 Elena Lința, Lucia Djamo-Diaconița, Olga Stoicovici. *Catalogul manuscriselor slavo-române din București*. 1981. P. 15-17; Emil Lăzărescu. *Trei manuscrise moldovenești de la Muzeul de artă R.P.R.* // *Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare*. București, 1964. P. 547-552; fig. 1-8.
- 3 Отчет имп. Публичной библиотеки за 1898 год. СПб., 1902. С. 106.
- 4 Яцимирский А.И. Рукописи Новонямецкого монастыря в Бессарабии // *Древности: Труды Славянской комиссии имп. Московского общества*. М., 1898. Т. 2. Вып. 2. С. 86. Местонахождение ее любезно указала нам В.С. Овчинникова, подготовившая современное описание коллекции рукописей Новонямецкого монастыря.
- 5 Указ. соч. № 12.
- 6 Указ. соч. С. 91-92.
- 7 Записки Отдела рукописей (Рос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. М., 1952. Вып. 14. С. 85; ПС XV-62; Radu Constantinescu. *Note privind istoria bisericii române în secolele XIII-XIV* // *Studii și materiale de istoria medie*. București, 1973, vol. VI, P. 183.
- 8 Попов А.Н. Первое прибавление к описанию рукописей и каталогу книг церковной печати А.И. Хлудова. М., 1875. С. 7; ПС XV-115.
- 9 Кудрявцев И.М., Каменева Т.Н., Шапов Я.Н. Описание собрания рукописей Оптиной пустыни. М., 1953. Т. 3. № 462 (машинопись).
- Ю Отчет Московского Румянцевского и Публичного музеев за 1867-69 гг. М., 1871. С. 25; Отчет о занятиях рукописями в библиотеках и других учреждениях Москвы и С.-Петербурга в течение сентября и октября 1896 года магистранта К.Ф. Радченко. Киев, 1898. С. 56-57; ПС XV-119.
- II Отчет Московского Румянцевского и Публичного музеев за 1892-94 гг. М., 1895. С. 15-18.
- 12 Георге Михаилэ. Славяно-румынские тексты как источник для словаря книжнославянского языка // *Romanoslavica XII. Filologie*. București, 1965, P. 27-29.
- 13 Bogdan P. Damian. *Compendiu al paleografiei romano-slave*. București, 1969, II, P. 58. Издание осталось нам недоступным.
- 14 Георге Михаилэ. Рукописи Гавриила Урика Нямецкого и их литературное значение // *Търновска книжовна школа*. 2. София, 1980. С. 81-88; См. также: Gheorghe Mihăilă. *Studii de lingvistică și filologie*. Timișoara, 1981, P. 48-58.
- 15 Нельзя не отметить известную противоречивость позиции автора, с одной стороны, уверенно приписывающего рукопись Гавриилу Урику /Константинеску. С. I, 17/, с другой - не исключающего возможность отождествления Гавриила со стар-

- цем Гавриилом /Константинеску. С.20/.
- 16 Александр Лебедев. Рукописи церковно-археологического музея императорской Киевской Духовной Академии. Саратов, 1916. Т. I. С.2; ПС ХУ-94.
 - 17 Богдан. С.104-106, илл. XI (подпись ошибочна), ХVI.
 - 18 Подробное см.: Паскаль А.Д. Автограф древнемолдавского книжника XV века из ЦГАДА // Советские архивы. М., 1988. № 5. С.88-89.
 - 19 Это отмечают и составители современного описания: Кобрин Б.В. и др. Описание собрания Е.Е.Егорова (ф.98). М., 1964-1985; см. также: Damaschin Mios. Materiale românești din arhive străine // Studii și materiale de istorie medie. București, 1973, vol. VI, P.332.
 - 20 Успенский Т.Ф. Указ. соч. С.93.
 - 21 Сырку П.А. Указ. соч. С.5.
 - 22 ЯМНП. ССCLV, октябрь. СПб., 1904, С.419-435.
 - 23 Яцимирский А.И. Ответ К.Ф. Радченко // ЯМНП. ССCLVШ, март и апрель. СПб., 1905. С. 419-431.
 - 24 Радченко К.Ф. По поводу "ответа" г.Яцимирского // Там же. С.432-437.
 - 25 Записки научного товариства имени Шевченко. 1905. Т.VI. Библиография. С. 14-15.
 - 26 Историја Украјини Руси. Львов, 1905. Т.V. С.402-403.
 - 27 Ecaterina St. Piscurescu. Literatura slavă din Principatele Române în veacul al XV-lea, după manuscrisele slave din Biblioteca Academiei Române. București, 1939. Издание осталось нам недоступным.
 - 28 Damian P. Bogdan. Despre manuscrisele slave din Biblioteca Academiei Române. București, 1940, P.17-30.
 - 29 Demian P. Bogdan. Pomelnicul mănăstirei Bistrița. București, 1941, P.52.
 - 30 Damian P. Bogdan. Despre manuscrisele slave... P.20. Другая работа его осталась нам недоступной: Iarăși despre identitatea lui Grigorie Tamblac-Gavriil de la Neamț preconizată de A.J. Jacimirski // Hrisovul. I. București, 1941, P.465-466.
 - 31 Emil Turdeanu. Gregore Camblac: faux arguments d'une biographie // Revue des études slaves. Paris, 1946, XXII, P.46-81.
 - 32 Указ. соч. С.67.
 - 33 I. Iufu. Despre prototipurile literaturii slavo-române din secolul al XV-lea // Mitropolia Olteniei. Craiova, 1963, 7-8, P.511-535. Работа осталась нам недоступной.
 - 34 Sorin Ulea. Gavriil Uric - primul artist roman cunoscut // Studii și cercetări de istoria artei. București, 1964, vol. II, 2, P.235-263.
 - 35 Георге Михаїлэ. Рукописи Гавриила Урика... С.81.
 - 36 Елена Коцева. Александрійско-попгерасимово писъмо в български ръкописи от втората половина на XIV в. // Старобългарска литература. София, 1971. Т. I. С.392.
 - 37 Можем указать лишь на одну попытку вернуться к гипотезе Яцимирского: еп. Нестор. Руски летописни известия за киевско-литовския митрополит Григорий Цамблак (1414-1419) Текстовете и коментари // Търновска книжовна школа. З. София, 1984. С.340-346.
 - 38 Панаитеску. С.248-250. Обзор изданий указанных памятни-

- ков по рукописям Гавриила приведен в статье Георге Ми-
хаилэ /Рукописи Гавриила Урика.../.
- 39 Эл. Юфу. За десеттомца колекция Студион /из архива на рум-
ынския изследовач Ион Юфу //Проучвания по случай П Меж-
дународен конгрес по балканистика /Studia balcanica/
2. София, 1970, С.299-342; Критические замечания об этой
гипотезе см.: Климента Иванова. Житино-панегричното
наследство на търновската книжовна школа в балканската
ръкописна традиция // Търновска книжовна школа, 2. Со-
фия, 1980. С.212-214.
- 40 Павлина Бойчева. Традициите на Търновска книжовна шко-
ла и делото на Гавриил Урик // Търновска книжовна школа.
2.София, 1980. С.180-181; она же. Молдова - центр румын-
ско-българского церковного и культурного общения в XV
веке // Etudes balcaniques. София, 1977. № 1. С.91.
- 41 Толстой Н.И. К вопросу о древнеславянском языке как об-
щем языке южных и восточных славян // Вопросы языкозна-
ния. 1961. № 1. С.51; Ильшешенко Т.П. Языковые контакты
(на материале славяно-молдавских отношений). М., 1970.
С.24-26, 80; История литературий молдовенешть. Вол.1.
Де ла орижинь пинэ ла 1840. Кишинэу, 1986. С.77-79; Ра-
евский Н.Д. Контактеле романичилор ресэритень ку сла-
вий. Пе базэ де дате лингвистиче. Кишинэу, 1988. С.229-
231; Slava veche și slavona românească. București, 1975,
P.250-301; Al.Rosetti. Istoria limbii române. I. De la
origini până la începutul secolului al XVII-lea. Bucu-
rești, 1986, P.428-430.
- 42 Sorin Ulea. Gavriil Uric - primul artist... P.262-263.
- 43 Repertoriul monumentelor și obiectelor de arta din tim-
pul lui Stefan cel Mare. București, 1958, P.373-376.
- 44 Гранстрем Е.Э. Описание русских и славянских пергамен-
ных рукописей: рукописи русские, болгарские, молдовлахий-
ские, сербские. Л., 1953. С.89; Климента Иванова. Бъл-
гарски, сърбски и молдовлахийски кирилски ръкописи в сбир-
ката на М.П.Погодин. София, 1981. С.31-33.
- 45 Музейное собрание рукописей: Описание (Под ред. И.М.Куд-
рявцева. М., 1961. Т.1. №22.
- 46 Лихачев Д.С. Текстология. На материале русской литерату-
ры X-XVII вв. Л., 1983. С.214.
- 47 Заметим, что список 1424 года также представляет собой
копию, сделанную Гавриилом с собственной рукописи 1413
года. Можно ожидать, что при сравнении Псалтыри 1470 го-
да, написанной Касаном, со списком Гавриила 1437 года
обнаружится аналогичный случай копии.
- 48 Repertoriul monumentelor... P.373-376.
- 49 Славяно-молдавские летописи XV-XVI вв. М., 1976. С.64,
70; Mircea Păcurariu. Istoria bisericii ortodoxe române.
București, 1980, vol.I, P.395.
- 50 Статья была уже подготовлена, когда нам удалось обнару-
жить еще один, ранее неизвестный, автограф Гавриила.
Это Торжественник (Златоуст) триодного типа, в составе
которого содержится текст жития Иоанна Сучавского /ПС
XV-1595/. Рукопись находится в ЛОИИ, собрание Н.П.Лиха-
чева (к.238 оп.1) № 364. Необходимо отметить, что ее
внешние характеристики в целом совпадают с кратким опи-

санием Сборника 1450 года; данным Якимирским /Из рукописей: С.156; Из истории проповеди. С.ХХП; Цамблак. С.378/. К сожалению, обнаруженный автограф дефектен - обрезаны первый и последние листы рукописи: поэтому не представляется возможным настаивать на несомненной идентификации нового автографа Гавриила с исчезнувшим Сборником 1450 года.

Приложение

Краткий перечень рукописей Гавриила Урика с воспроизведением его записей, в которых титулы раскрываются, восстанавливаемые буквы заключены в скобках

I. Датированные автографы

1. Дествица Иоанна Дествичника и слова (I6) Григория Богослова I413 г.

2°. 353 л., бумага, полуустав. Запись на л.355об.: "В лѣт/о/ 692I поп Доментианъ съврши сѧ книга. рѧкож Гаврииловож".

Москва. ЦГАДА.Ф.196. I494.

2. Слова(I6) Григория Богослова I424 г.

2°. 266 л., бумага, полуустав. Запись на л.266об.: В лѣт/о/ 6932 Гаврииль монах исписа сѧ книгѧ".

Москва. ГБЛ. Ф.218. I78.

3. Евангелие-тетр I429 г.

2°. 312 л., пергамен, полуустав. Запись на лл.85об., I41об., 231об.: "Въ дѣ/ни бл/а/гочѣстиваго и Х/рист/олюбиваго г/осподи/ на Ио/анна/ Александра воеводы, господаръ вѣсеи Молдовлахииской земли и бл/а/гочѣстивой его г/оспо/жди Марины, еже она желаниемъ възделѣвши любви Х/ристо/вех словесъ рачителница потѣшав сѧ даде и съши-са сѧ тетроеу/агт/ель в лѣт/о/ 6937 и съврши сѧ мѣ/с/а/ца марта в I3 дѣ/нь". Запись на л.312: "Бл/а/гоизволениемъ о/тѣ/ца и научениемъ с/ы/на и съвршениемъ с/ва/т/а/го д/оу/ха оучини сѧ/ сѧ тетраеу/агт/е/ль въ дѣ/ни бл/а/гочѣстиваго и Х/рист/олюбиваго г/осподи/на Ио/анна/ Александра воеводы господаръ вѣсеи земли Молдав-лахииской и бл/а/гочѣстивой его г/оспо/жди Марины, еже она желаниемъ раждегши сѧ любви Х/ристо/вѣи словесъ рачителница потѣштателно даде и исписа то въ лѣт/о/ 6937 и съврши сѧ мѣ/с/а/ца марта въ I3 дѣ/нь рѧкож Гавриила монаха с/ы/на Оурикова иже и исписа въ Нѣмецком м/о/настири".

Оксфорд. Bodleian Library. Cod. canonici graeci. 122

4. Евангелие-тетра I436 г.
2^о. 309 л., пергамен, полуустав. Запись на л.307об.: "Исписа сѧ сии тетраеу/аг/г/е/ль монастири Нѣмецкому ржкож Гавриила монаха, с/ы/на Урикова при игуменѣ Силуанѣ. почѧ же сѧ м/ѣ/с/ѧ/ца априлиа 6 д/ѣ/нь и съврѣшиа въ второе лѣто м/ѣ/с/ѧ/ца фев/р/ариа 3 д/ѣ/нь в лѣт/о/ 6944".
Бухарест. Музей Искусств СРР.4.
5. Псалтырь I437 г.
4^о. 183 л., пергамен, полуустав. Запись на л.183: "Се азъ Гавриилъ исписах сии пс/а/лтирь. начах от I-го августа и до дек/абр/а/10. съврѣших в лѣт/о/ 6945".
Киев. ЦНБ АН УССР.КДА.21.
6. Сборник I438 г.
2^о. 331 л., бумага, полуустав. Запись на л.330: "В лѣт/о/ 6947 м/ѣ/с/ѧ/ца сеп/темвриа/ 23 съврѣши Гавриилъ сии сборник".
Бухарест. БАН СРР. I64.
7. Сборник I441 г.
2^о. 307 л., бумага, полуустав. Запись на л.307 об.: "Гавриил исписа сии сборник в лѣт/о/ 6949".
Бухарест. БАН СРР. I65.
8. Мargarit Иоанна Златоуста I443 г.
2^о. 371 л., бумага, полуустав. Запись на л.370об.: "Гавриилъ исписа сии Margarit в лѣт/о/ 6951".
Бухарест. БАН СРР. I36.
9. Слова постническия Васия Великого I444 г.
1^о. 303 л., бумага, полуустав. Запись на л.308: "Гавриилъ исписа сих книгъ в лѣт/о/ 6952".
Москва. Гим.Хлудов 8.
10. Минея служебная. февраль I445 г.
2^о. 208 л., бумага, полуустав. Запись на л.208 об.: "Гавриилъ исписа сих книгъ в лѣт/о/ 6953".
Бухарест. БАН СРР. I22.
11. Дествица Иоанна Дествичника I446 г.
2^о. 231 л., бумага, полуустав. Запись на л.231 об.: "Гавриил исписа сии лѣствичник в лѣт/о/ 6954".
Бухарест. БАН СРР. I43.

12. Минея служебная, март 1447 г.
2^о. 266 л., бумага, полуустав. Запись на л.266об.: "Гавриль исписа сѣи комать минеа в лѣт/о/ 6955".
Бухарест. БАН СРР. 123.
13. Сборник 1447 г. (фрагмент)
2^о. 4 л., бумага, полуустав.
Москва. ЦГАДА. Ф.188. 778.
2^о. 10 л., бумага, полуустав. Запись на л.10: "Гавриль исписа сѣи книгѣ в лѣт/о/ 6955".
Москва. ГБЛ. Ф.178. 923.
14. Сборник 1448 г.
4^о. 478 л., бумага, скоропись. Запись на л.478: "Гаврил исписа сѣи книгѣ в лѣт/о/ 6956".
Ленинград. БАН СССР. 13.3.19/Яц.
15. Минея служебная, ноябрь 1448 г.
2^о. 288 л., бумага, полуустав. Запись на л.288: "Гаврил исписа сѣи мѣсць в лѣт/о/ 6957".
Кишинев. ЦГА. Новонямец. 4.
16. Сборник 1450 г. (?)
4^о, бумага, полуустав, переходящий в скоропись. Запись: Гавриль исписа сѣи комать книги в лѣто 6959. скончашь мѣсца дек/емврия/: дѣни оуже 86-тимь лѣтомь сѣи".
Местонахождение неизвестно, ранее была в собрании А.И.Яцимирского.
17. Торжественник (Златоуст) 1451 г.
2^о. 448 л., бумага, полуустав. Запись на л.448об.: "Гавриль исписа сѣи злат/о/устъ въ лѣт/о/ 6959. съврьши же самъ/с/а/ца август/а 14".
Москва. ГБЛ. Ф.98. 462.
Ц. Недатированные автографы.
18. Сборник первой половины XV в.
2^о 260 л., бумага, полуустав. Запись на л.206об.: "Гавриль монаха".
Бухарест. БАН СРР.149.
19. Сборник полемический, первой половины XV в.

4°.189 л., бумага, полуустав, переходящий в скоропись.
Ленинград. БАН СССР. ІЗ.З.20/Яд.

20. Торжественник (Златоуст), с житием Иоанна Сучавского:
первая половина XV в.

4°.500 л., бумага, скоропись.

Ленинград. ЛОИИ.к.238.оп.І.№364.

21. Сборник, первой половины XV в. (фрагмент)

4°.10 л., бумага, скоропись.

Бухарест. БАН СРР. фонд.фраг-
ментов славянских рукописей.15.

22. Евангелие-тетр, первой половины XV в. (фрагмент).

4°. I л., бумага, скоропись.

Ленинград. ГПБ. Q.I.1219.

23. Сборник (?), первой половины XV в. (фрагмент)

I л.

Бухарест. собр. Д. Богдана(?)

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РЕДАКЦИЙ ЖИТИЯ РОСТОВСКОГО ЕПИСКОПА ИСАИИ

В нашей литературе до сего времени далеко недостаточное внимание уделяется анализу такой разновидности исторических источников, как жития русских святых, извлечению содержащейся в них информации, отделению правды от вымысла. Для решения этих проблем необходимо конкретное изучение различных русских житий и прежде всего – установление соотношения между различными их редакциями.

К числу недостаточно изученных литературных памятников средневековой Руси следует отнести житие ростовского епископа Исаи. В литературе выделены две редакции рассматриваемого памятника – распространенная (Р), дошедшая в большом количестве списков, самые ранние из которых датируются первой четвертью XVI в.¹, и краткая (К_I). К_I известна мне по двум рукописям XUI в.², по одной из которой она была опубликована. Издатель К_I, а вслед за ним В.О.Ключевский считали, что К_I первична относительно Р³. Но решающих доказательств в пользу этой точки зрения приведено не было. Автор вводной статьи к изданию К_I утверждал, будто рукопись, в составе которой она была ему известна, "по внутренним признакам относится к XIII в.". На самом деле это – рукопись первой половины XUI в."⁴. В.О.Ключевский выводил первичность К_I из посылки, что более поздние редакции по объему были большими, чем ранние. На деле позднейшее редактирование могло сводиться и к сокращению ранее написанного. В каждом отдельном случае вопрос о соотношении распространенных и кратких редакций следует решать путем конкретного сопоставления их текстов.

Р открывается длинным предисловием к житию Исаи ("венец убо многоцветный... о святого житии"), отсутствующим в К_I. В.А.Кучкин установил, что это предисловие составлено под влиянием Пространной редакции Повести о Михаиле Тверском, написанной в 1319–1320 гг.⁵ Это различие между Р и К_I не решает вопрос об их соотношении. Предисловие очень легко

отделялось от собственно житийного текста (оно завершалось словами: "время же есть изъоставити слово свои, начало въсприимце исповедати о святого житии"), который почти во всех описках Р начинался с новой строки, либо с киноварного заголовка. Поэтому позднейший редактор мог не только приписать предисловие к ранее созданной редакции. Ему не оставалось и особого труда чисто (т.е. не задевая попутно собственно житийный текст) "вырезать" предисловие из ранее созданного произведения.

Жизнеописание Исаяи в Р и К₁ открывается рассказом об его жизни в Киево-Печерском монастыре. Со слов "сей убо блаженный Исаяя" и до слов "и крепкий воин превышнему царю является" в Р и К₁ читался практически одинаковый текст. Затем в Р следовали отсутствующие в К₁ слова: "Якож обычай убо некогда имеют земнии царие на рати храбръствовавшим воином болшее вьводаство поручати, господь же нашъ, видев от блаженнаго сего съпостата дьявола побеждена, и поручает убо ему болшее пастырство, яко да себе управив, и иных наставит теши к небесному царствию и велик тамо наречется и оугуби венца въсприимет. В лето 6932-е родися у князя Ярослава сми Изяслав. И того князя Изяслава боярин именем и того сын часто приходаше к преподобным Антонию, Феодосию и Никону. И повеле Антоний Никону пострици его и нарече ему имя Варлаам. И прииде некто от князя кажиик, держа в дому его вся, моляся Антонию, хотя быти чернец. И повеле его Никону пострици и нарече имя ему Ефрем. В лето 6559 постави Изяслав князь в Киеве церковь монастырь святого Дмитрия. Игумена Варлаама постави, вывед ис Печерскаго монастыря святому Дмитрию. А на его место постави Феодосия в Печерский монастырь. И по Варлааме игумене..." Далее в Р и К₁ читается рассказ о поставлении Исаяи игуменом Дмитровского монастыря.

Сопоставление первой части жития Исаяи (повествования об его жизни до поставления в Ростов) по Р и К₁ показывает идентичность общих для сопоставляемых редакций текстов и использование ими в качестве источника слова 8-го Киево-Печерского патерика (далее: КП) Кассиановской редакции, сложившейся в нача-

ле 60-х гг. XV в. житие Феодосия, написанное Нестором в конце XII в.)⁶, откуда взято известие о поставлении Исая игуменом Дмитровского монастыря, и, по-видимому, летописи (откуда скорее всего заимствовано известие, что Исая стал дмитровским игуменом в 1062 г.)⁷. Что же представляет из себя избыточный для K_1 текст, читающийся в Р? Фраза "И крепкий воин превышнему царю является", общая для Р и K_1 , логически тесно связана с последующим текстом ("Якоже обычай убо некогда имеютъ земные царие на рати храбрѣствовавшимъ воиномъ болшее въводаство поручати, господь же нашъ, видевъ отъ блаженнаго сего съпостата дьявола победена, и поручаетъ убо ему болшее паствирство, яко да себе управивъ, и иныхъ наставитъ теши къ небесному царствю и великъ тамо наречетоя и сутуби венца въсприиметъ"), который есть лишь в Р. Взятый в целом, этот текст подчеркивает мысль, что подобно земным царям, которые давали повышение по службе храбрым воинам, "превышний царь" (бог) возвысил ("поручаетъ убо ему болшее паствирство") своего "крепкого воина" Исая, победившего "съпостата дьявола". Мне кажется, что фраза "И крепкий воин превышнему царю является" скорее могла возникнуть не изолированно, а как составная часть следующего далее за ней в Р развернутого сопоставления небесных и земных воинов. Но в таком случае текст Р первичен относительно текста K_1 .

Часть приведенного выше текста Р, отсутствующего в K_1 , почерпнута из летописей (известие о рождении Изяслава в 1024 г. и о поставлении в Киеве церкви святого Дмитрия в 1051 г.)⁸, часть — из слова 8 КПП Касоиановской редакции (о пострижении в Киево-Печерском монастыре сына боярина Изяслава и княжеского казначея, о поставлении Варлаама игуменом монастыря святого Дмитрия)⁹. Иными словами, в K_1 , автор которой также использовал летопись и патерик, нет тех разделов из этих источников, которые не имели отношения к Исая и затрудняли понимание Р. Маловероятно, что автор Р обратился к тем же двум памятникам, которыми пользовался его предшественник, чтобы пополнить житие Исая оведениями, затрудняющими понимание этого произведения. Куда вероятнее иное объяснение

(предполагающее первичность Р): для придания житию Исайи большей логики автор К_I отредактировал Р таким образом, что убрал из ее текста все не относящиеся к Исайе известия, почерпнутые из КПП и летописи.

Рассказ об утверждении Исайи игуменом монастыря святого Дмитрия в К_I также короче, чем в Р:

Р

К_I

"... по божию строению приходит убо благоверный и великий князь Изяслав, сын великаго Ярослава, в монастырь к преподобному Феодосию и просит у него блаженаго Исаия в монастырь святого Дмитрия на игуменство. Преподобный Феодосие даруеть ему, яко великий дар, сего ж блаженаго. Святыи ж Исаия, не хоте преслужения створити. исходит убо с князем. Князь же вкупе и с блаженным приходит к митрополиту Ивану. Митрополит ж поставляет его на игуменство в монастырь святого Дмитрия в лето 6570.

По божию строению приходит убо благоверный и великий Князь Изяслав, сын великаго Ярослава, в монастырь ко преподобному Феодосию и просит у него блаженаго Исаия в монастырь святого Дмитрия на игуменство. И преподобный Феодосий даруеть ему, яко некий дар, сего ж блаженаго. И Иона митрополит поставляет его на игуменство в монастырь святого Дмитрия в лето 6570.

Сокращение текста в К_I приведено так, что никаких грамматических несообразностей в предлагаемом автором К_I варианте нет. Однако известные логические неясности в результате сокращения той части текста Р, в котором говорилось о приходе Исайи с князем к митрополиту, как мне кажется, всё же образовались. Из К_I нам не вполне ясно, почему "просит" Феодосия поставить Исайю игуменом князь, а "поставляет" его на игуменство митрополит. Из текста же Р всё ясно: князь просит Феодосия отпустить Исайю на игуменство в Дмитровский монастырь, затем представляет своего кандидата на игуменство митрополиту, который официально назначает ("поставляет") Исайю игуменом.

После рассказа о жизни Исайи в Киево-Печерском монасты-

ре, в рассматриваемых редакциях повествуется о его деятельности в Ростове по утверждению христианства. В основе этой части Р и К_I, по-видимому, лежало древнейшее предание, в котором содержался рассказ о деятельности Исайи в Ростове и об обретении его мощей¹⁰. Известие о поставлении Исайи ростовским епископом в 1077 г., возможно, попало в житие из летописи. Текст Р и К_I в этой части жития (до слов "и идеже идолы обретае, вся огню предаваше") идентичен. Далее в Р читается отсутствующий в К_I фрагмент текста: "И велико тщание о том имяше. Нищих же милуя и удовляя пищею и одежами и милосердуя о них, яко чадолюбив отец. И украшена обитель духу пресвятому является".

Рассказав о деятельности Исайи в Ростове, авторы Р и К_I переходят к описанию его прибытия на освящение церкви Богородицы в Киеве. Источник Р и К_I тут – слово 6-ое КПП Кассиановской редакции. В Р и К_I сохранены сравнение епископов с апостолами и версия слова 6-го КПП об их вызове на освящение церкви и приезда в Киев именно Исайи. Причина "великой печали" митрополита Иоанна по слову 6-ому КПП – не отсутствие епископов (как в Р и К_I), а отсутствие "каменной доски" для церкви Богородицы¹¹. Тексты Р и К_I восходящие к слову 6 КПП, практически идентичны. В К_I нет лишь ссылки на источник – отсутствует фраза "известно же о сем сказует в патерлице Печерском"¹². Былка на КПП, как мне думается, наводит на мысль о первичности Р: на используемый источник скорее мог указать тот, кто непосредственно заимствовал из него текст, а не тот, кто позднее редактировал написанный ранее памятник.

После восходящего к слову 6-ому КПП Кассиановской редакции рассказа в Р читался текст, близкий к протографу Лаврантьевской (Лавр) и Ипатьевской (Ип) летописей¹³:

Р	Лавр	Ип
Священа бысть церкви Печерская святая Богородица митрополитом Иоаном и епископом Лу-	В лето 6597 священа бысть церкви Печерская святая Богородица монастыря Фео-	В лето 6597 священа бысть церкви Печерская святая Богороди-

кою белгородским, Иваном епископос черниговским, и Исаием, епископом ростовским, в лето 6597 месяца августа 15 при благоверном князе Всеволоде державному Русския земли и чадома его Владимира Мономаха и Ростослава. В се же лето престависъ Иоан митрополит. Бе же сей Иоан муж хитр к книгам и учению, милостив к убогим и вдовицам, ласков к богату и убогу, смирен и кроток, молчалив, но речист, книгами святыми украшая печальныя. И сякова не бысть в Руси, ни по нем не будет сякова.

досъева Иоанном митрополитом, и Лукою, белгородьским епископом, Исаией черниговьским епископом при благородьнем князи Всеволоде державному Русьския земля и чадома его Володимера и Ростислава, воеводство держаще Киевьския тысяща Яневи, игуменьство держашу Иоану. В се же лето преставися Иоан митрополит. Бысть же Иоан муж хитр книгам, и учению, милостив убогим и вдовицам, ласков же ко всякому богату и убогу, смирен же и кроток, молчалив, речист же, книгами святыми утешая печальныя, и сякова не бысть преж в Руси, ни по нем не будет сяк.

ца монастыря Феодосьева Иоанном митрополитом, и Лукою белгородьским епископосъ, и епископом ростовским Исаией, и Иваном, черниговьским епископомъ, и Антонием, гурговьским епископом при благовернемъ князи Всеволоде державному Русьския земля и чадома его Володимера и Ростислава, воеводство держаще Киевьския тысяща Яневи, игуменьство держашу Иоану. В се же лето преставися Иоанъ митрополитъ. Бысть же Иоанъ си мужъ хитръ книгамъ и учению, милостив убогимъ и вдовицам, ласковъ же всякому к

богату и къ убогу,
 смиренъ же умом, и
 кротокъ и молчаливъ,
 речист же, книгами
 святыми утешая печальныя, и сякова
 не бысть преже в Руси,
 ни по немъ не будетъ такий.

Таким образом в рукописи Сол.806/916 представлен особый вариант К_I подвергшийся некоторому сокращению.

Лавр. и Ип., конечно, имеют некоторые отличия от Р, но в целом сравниваемые тексты очень близки. Другие сохранившиеся летописные своды рассказывают о событиях 1089 г. с существенными различиями по сравнению с Р. Помещенная после известия о смерти Иоанна похвала ему, помимо Лавр. и Ип., есть еще лишь в своде 1479 г.¹⁴ Но похвала Иоанну в своде 1479 г. имеет ряд существенных различий по сравнению с Лавр., Ип. и Р¹⁵. Текст известия об освящении церкви Богородицы, более или менее близкий к Р, есть еще в некоторых сводах конца XV — начала XVI в. Однако и здесь текст Р ближе к Лавр. и Ип.¹⁶.

Фрагмент летописного свода, используемый автором Р, читается и в К_I¹⁷:

Р

Священа бысть церкви Печерская святая Богородица митрополитом Иваном и епископом Лукою Белгородским, Иваном, епископом Черниговским, и Исаяем, епископом Ростовским, в лето 6597 месяца августа 15 при благоверном князе Всеволоде державному Русския земли и чадома его Володимера Мономаха и Ростослава.

К_I

Священа бысть церкви Печерская святая Богородица митрополитом Иоаном и епископом Лукою Белгородским, Иваном епископом черниковским и Исаяем, епископом ростовским, в лето 6597 месяца августа 15 при благоверном князе Всеволоде.

В се же лето преставись Иоан митрополит. Бе же сей Иоан муж хитр к книгам и учению, милостив к убогим и вдовицам, ласков к богату и убогу, смирен и кроток, молчалив, но речист, книгами святыми украшая печалныя. И сякова не бысть в Руси, ни по нем не будет сякова.

Но в K_I нет известия, не имеющих отношения к Исаяе, и, по-видимому, попавших в Р, вследствие механического переписывания ее автором текста, который в бывшем у него под руками своде следовал за рассказом об освящении в присутствии Исаяи в 1089 г. церкви Богородицы. Легко представить себе, что автор более ранней редакции по ошибке вписал в житие летописный текст, который соседствовал с рассказом об Исаяе, но не имел к нему никакого отношения, а автор более поздней редакции устранил эту несообразность, убрав этот не относящийся к предмету повествования раздел текста. Но крайне маловероятно, чтобы автор поздней редакции обратился к тому же источнику, которым пользовался его предшественник, чтобы сделать текст бессвязным и малопонятным, догрузив его деталями, не имеющими ни малейшего отношения к Исаяе.

Завершают Р и K_I рассказы о смерти Исаяи, обретения его мощей (возможно, восходящие к древнему преданию об Исаяе) и об установлении празднования памяти этого епископа (15 мая 1474 г.). В K_I эта часть жития значительно короче, нежели в Р. В рассказе о смерти Исаяи по K_I нет характерной для Р фразы: "И святаа и непопочная его душа от тленных и временных на вечная и нетленная преходит". В рассказе об обретении тела Исаяи в K_I пропущено характерное для Р указание об открытии мощей епископа "по пожаре града Ростова". В повествовании об установлении празднования памяти Исаяи вплоть до слов "священнику приходит с кадилью к гробу..." текст Р и K_I практически одинаков. Далее в Р читается отсутствующий в

К_Г фрагмент: "...чюдного и преблаженного отца, но отинуды заключен бывает притвор, идеже гроб святого. Но невозможно еси таковому светилнику до конца покровену быти, по евангельскому словеси: "Никто ж убо светилника възжег покрывает его с спудом или под одром полагает, но на свещник възлагает, да входящи видят свет". И пребывает убо святого гроб лета много в таковом небрежении. И по мнозем убо времени...". Затем в Р и К_Г следует: "...архиепископ тояж (святыя) сборныя бо-жия матери церкви, виде образ святого Исаия почитаем и поклоняем от всех, гроб ж его заключен в велице небрежении пребывающ...". Далее в Р читается следующий текст, отсутствующий в К_Г: "... и отнуд памяти не причастен таковий светилник. И велие попечение о сем имееше истинныи пастырь и велику тщету сие вменяше, яко таковому пречудному отцу в таковом небрежении на мнозе времени пребывающу, любовью убо многою подвигаем, сердечным желанием и великим благодарением, еже к святому, благии он архиерей, и ..."¹⁸. После следующего далее коротенького рассказа (общего для Р и К_Г) о перенесении гроба Исаия на новое место и об установлении празднования его памяти 15 мая 1474 г. ("... в 15 маиа съзывает священники тоя святыя церковь и молитву сътворивъ, кається прочюдному отца чюдоносному гробу (и) преносит оттуду блаженаго в святых Исаия в лето 6982 и полагает (его) с великою честью в новом гробе на тоиж стране близ дверей, иже от югу, идеже и донныне с верою приходящим к гробу его (и) подаетъ исцеление"). В Р приводится заключающая житие длинная молитва ростовского архиепископа, обращенная к гробу Исаия (со слов "И сичевья тогда глаголы святитель к святителю умиленне взираа на его гроб, веааше..."). В К_Г сохранился только конец этой молитвы: "О блаженный учителю нашъ, не престаи моля о нас с Богородицею и с святители, предстояще престолу Христову, да молитвами вашими избудем от глад и пагубы и нахоженна иноплеменных и от всех злых. И зде богоугодно и праведно поживем в будущем веце с всеми праведными и будем обещници вечных благ, славяще святую Троицу, отца и сына, и святого духа".

В некоторых случаях сокращения, проведенные автором К₁ сравнительно с Р в заключительной части жития, несколько искажают текст рассматриваемого произведения:

Р

И паки святыи Исаия не умедли, но скоро, яко на облаце, носим бысть.

И добре упас порученное ему Христово стадо словесных овецъ

яко николиж в притворе оном свеще горети у гроба святого или священнику приходит с кадиллом к гробу...

...преносить оттуду блаженнаго в святых Исаия в лето 6982 и полагает его с великою честию в новом гробе...

К₁

И паки святыи Исаия не умедли, но скоро на облаце носим бысть.

И добре упас порученное Христово стадо словесных овец.

яко николиже во притворе оном свеще горети у гроба святого священнику приходит с кадиллом ко гробу...

...преносить оттуду блаженнаго во святых Исаия в лето 6982 и полагает с великою честию в новом гробе...

Решающее значение для установления соотношения Р и К₁ имеет факт использования в чеодинаковой степени обеими редакциями двух одинаковых источников – свода, который под 1089 г. давал текст, близкий к протографу Лавр. и Ип., и КИП, начала 60-х и XV в. В К₁ нет разделов летописи и патерика (имевшихся в Р), которые не относились к Исаиё. Повторное обращение автора более поздней редакции к двум источникам, которым и пользовался автор более ранней редакции, для пополнения ранее созданного произведения фактами, не имеющими отношения к герою повествования и затрудняющими его понимание, очень маловероятно. Поэтому мне кажется, что мнение насчет первичности К₁ относительно Р требует пересмотра. К₁ – сокращение Р (в целом довольно умелое) с целью придания рассказу об Исаиё большей логики и динамизма, устранения из него деталей, не имеющих отношения к герою произведения.

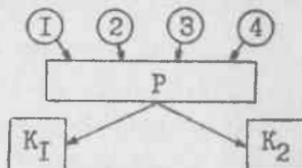
Просмотр 70 списков жития Исаиё позволил выявить еще одну особую редакцию, являющуюся сокращением Р (К₂). Она представлена в рукописи середины-третьей четверти XVI в. (БАН, 17.13.22,

л. 363 об. - 369 об.)¹⁹. Как и в K_1 , в K_2 , нет длинного предисловия к житию, заимствованного из Повести о Михаиле Тверском. Остальной текст K_2 в основном соответствует тексту Р. Если при написании K_1 был использован сравнительно исправный список Р, то источником K_2 был использован сравнительно исправный список Р, то источником K_2 был испорченный список Р. Первоначальный текст памятника в нем был основательно искажен. В приводимой ниже таблице учтены случаи, когда пропуск слов и целых фраз в K_2 нарушал грамматическую и логическую стройность её текста (слова и фразы, пропущенные в тексте K_2 , подчеркнуты):

Р	K_2
и в телеси <u>убо</u> яко ангел является	и в телеси яко ангел является (л.363об.)
и велик тамо наречется и сугубы <u>венца</u> восприимет	и велик тамо наречется и сугубы восприимет (л.364)
И прииде некто от князя кажник, держи в дому его вся, моляся Антонию, <u>хотя</u> быти чернец	И прииде некто от князя кажник, держа в дому его вся, моляся Антонию быти чернец (л.364)
А на его место постави <u>Феодосия</u> в Печерский <u>монастырь</u>	А на его место постави в Печерском (л.364об.)
И елико ж он, тшася дело равно апостолом сотворити, толико и господь наш, Исус Христе, праведный судия, дарует тому <u>дар</u> равен с апостола	И елико же он, тшася дело равно апостолом строрити, толико бог наш, Исус Христос, праведный судия, дарует тому равно со апостола (л.365 об.)
И полагает <u>его с великою честью</u> в новом гробе на <u>той же</u> стране, <u>близ дверей</u> , <u>иле</u> <u>от югу</u> , <u>идеже и донныне</u> с верою приходящим к гробу его подает исцеление	И полагает с верою приходящим ко гробу его подает исцеление (л.368 об.)

В K_2 искажена хронология некоторых событий. Основание церкви святого Дмитрия автор K_2 датирует 1044 г. (л.363; по П - 1051 г.), а дату поставления Исаяи на ростовскую владычную кафедру 1063 г. (л.364об.); (по Р - 1062 г.). Автор K_2 утверждает, будто о перенесении гроба Исаяи на новое место и об установлении празднования его памяти 15 мая 1474 г. позаботился "Иван архиепископ" (л.368). В различных списках Р владыка, организовавший перенесение гроба Исаяи на новое место, назван по-разному. Обычно этот владыка - безымянный ("благий/и/ онъ архиерей"). Но иногда безымянный владыка превращается в Иону ("благий Ионъ архиерей" см., напр.: ГБЛ, Шибан. 168, 2-я четв. XVI в.; ПБ, Сол.513/532, 3-е четв. XVI в.; 514/533, 1568/69 г.) или в Иоанна ("благий Иоанъ архиерей" - см., напр.: ГБЛ, Рогож. 714; ПБ, Соф., 1321, 1419; Толст. I-257 - I-ая пол. XVI в.; ПБ, Толст I-243 - XUI в.). Нет ни малейшего сомнения в первичности чтения "благий/и/ онъ архиерей", ибо в 1474 г. ростовским владыкой был не Иван, а Вассиан Рыло. Ошибочное удвоение буквы "и" в слове "благий/и/" одним из поздних переписчиков Р, по видимому, превратило безымянного ростовского владыку в Иону, которого еще более поздний* переписчик Р, очевидно, сделал Иоанном. Характерное для K_2 чтение "Иван архиепископ", несомненно, восходит к искаженному чтению "благий Иоан архиерей", характерному для некоторых списков Р.

Завершая статью, отметим, что соотношение рассмотренных в ней редакций и их источников выглядит следующим образом:

0 - дополнительные источники: 1 - древнее (возможно, II60-х - II70-х гг.) предание об обретении мощей Исаяи; 2 - Пространная редакция Повести о Михаиле Тверском (1319-1320 гг.); 3 - КШП Кассиановской редакции (1460-ые гг.); 4 - летопись.

- 1 Ср.: Барсуков Н.П. Источники русской агиографии. М., 1882. Стб. 229-230. В данной статье текст Р цитируется по одному из наиболее ранних ее списков (ГБЛ, Тр. 618. Л. 43об.-49). ГБЛ, Тр. 618 - рукопись из 248 листов в четверть. Ее водяные знаки - крут и тиара, близки к знакам: Брикe № 4924, 1517 г.; № 4927, 1527-1530 гг.; № 3073, 1519 г.; № 3074, 1521 г.; № 3075, 1515-1523 гг.
- 2 ПБ, Сол., 806/916. Л. 207об.-212об.; ГБЛ, Тихонр. 587. Л. 436-440 об.
- 3 Православный собеседник. 1858. Март. С. 434-450; Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник, М., 1871. С. 22-26.
- 4 ПБ, Соловецкое собрание, № 806/916. Л. 207 об. - 212об. Близкие аналоги филиграней этой рукописи находим в альбомах водяных знаков ХУП в. (Гераклитов А.А. Филиграния ХУП века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1962, № 498, 1628-1630 гг.; № 531, 1626 г.; № 532, 1629 г.; № 548, 1637 г.; Дианова Т.В., Костюхина Л.И. Водяные знаки рукописей России ХУП в. М., 1980. № 686, 1621 г.; № 691, 1623 г. На л. 114а рукописи читается запись "Божею милостию мы, великий государь и великий князь Михаилъ Федорович". Утверждение автора ввводной статьи к публикации К₁, будто в ней говорится об установлении празднования памяти Исаяи не в 1474 г., как в Р, а в 1274 г., ошибочно. На самом деле и в К₁ стоит дата 1474 г.
- 5 Кучкин В.А. Повести о Михаиле Тверском. М., 1972. С. 268-269.
- 6 Памятники литературы древней Руси (далее - ПЛДР). XI - начало XII века. М., 1978. С. 322-341. О редакциях КПИ подробнее см.: Абрамович Д.И. Патерик Киево-Печерского монастыря. СПб., 1911. Житие Феодосия существовало не только как часть КПИ, но и как самостоятельное произведение (например, входило в состав Успенского сборника XI-XIII вв.). Но в Р и К₁, по-видимому, использовано житие Феодосия из

КПП Кассиановской редакции (слово 8-ое КПП), сложившейся начале 60-х гг. XV в. (Абрамович Д.И. Исследование о Киево-Печерском Патерике. СПб., 1902. С.67-98). Ниже мы увидим, что в Р и К₁ определенно использовалось и восходившее к этой редакции КПП слово 6-ое (рассказ об освящении церкви Богородицы). Но коль скоро использовался КПП, не было смысла привлекать житие Феодосия из другой рукописи.

- 7 Рассказ о переводе князем Изяславом игумена Варлаама в монастырь святого Дмитрия и о поставлении вместо него печерским игуменом Феодосия есть и в житии последнего. Но в житии Феодосия (слово 8-е КПП) не указана дата этого события. Отметим, впрочем, что эта дата не указана и в дошедших до нас летописных сводах.
- 8 Полное собрание русских летописей (далее - ПСРЛ). М., 1962. Т.1. Стб.149, 155-159; Т.П. Стб. 136, 145-149.
- 9 ПЛДР. XI - начало XII века. С.322-341.
- 10 В сохранившихся редакциях жития Исая отмечено, что он был "почитаем и поклоняем от всех" еще до установления празднования его памяти 15 мая в 1474 г. В помещенном в своде 1479 г. под 1396 г. списке ростовских владык Исая, наряду с Леонтием, назван "чудотворцем" (ПСРЛ. М.-Л., 1949. Т.25. С.226). Следовательно, в момент составления этого списка, который по убедительному предположению А.А.Шахматова (Обозрение русских летописных сводов XIV-XV вв. М.-Л., 1938. С.158-159, 228, 262), восходил к ростовскому владычному своду конца XIV - начала XV в., Исая уже почитался как "чудотворец". Это почитание, по-видимому, основывалось на отраженной в Р и в К₁ легенде об обретении мощей епископа, которая была известна уже автору древнейшей редакции жития Леонтия. Последний писал, что при обретении мощей Леонтия, "обретоша множество мертвых", среди которых был и "блаженный Исая". По-видимому, легенда об обретении мощей Исая, равно как и легенда об обретении мощей Леонтия, отраженная в его древнейшей редакции и известная по крайней мере уже

в I220-х гг. (ПДР. XIII век. М., 1980. С.482), возникла в II60-х – II70-х гг., когда в Ростове задумали основать независимую от Киева кафедру, которая подчинялась бы непосредственно константинопольскому патриарху. (Голубинский Э.Е. История русской церкви. СПб., 1880. Т.1. I-ая половина. С.373–377; Приселков М.Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X–XII вв. СПб., 1910. С.135–149). Для обоснования претензий Ростова на церковную автокефалию там, очевидно, и принялись срочно создавать местный пантеон святых.

II Абрамович Д.И. Патерик. С.10–11.

I2 В Соловецкой рукописи, по которой опубликован текст K_I, нет еще характерной для Р фразы: "яко некоею божественною силою носиму быти блаженному". В рукописи ГБЛ, Тихонр. 587 она имеется.

I3 ПСРЛ. Т.1. Стб. 207–208; Т.П. Стб. 199–200.

I4 В ряде летописей есть лишь сообщение о смерти Иоанна: ПСРЛ. Пг., 1915. Т.4. Ч.1. С.135; Л., 1925. Т.5. Вып.1. С.149; СПб., 1910. Т.20. Ч.1. С.95; СПб., 1910. Т.23. С.25; Пг., 1921. Т.24. С.70; М.–Л., 1959. Т.26. С.45; М.–Л., 1962. С.27; М.–Л., 1963. Т.28. С.23, 178, в некоторых сводах этого сообщения нет (ПСРЛ, СПб., 1841. Т.3. С.3; М., 1965. Т.30. С.50).

I5 В тексте похвалы Иоанну в своде 1479 г. нет ряда слов и словосочетаний, общих или близких для Р, Лавр. и Ип. ("Иоан", "муж", "...убогим и вдовицам, ласковъ же к(о) (всякому) богату и убогу", "кроток", "молчалив" (в своде 1479 г. заменено словом "тих"), "но", "ни по нем не будет сякова (сяк, такой)").

I6 В частности, такая общая для Р, Лавр. и Ип деталь, как употребление слова "чадома" по отношению к детям Всеволода, для других сохранившихся летописных сводов не характерна. В них говорится о "детех" или "сынах (сыне)" Всеволода.

I7 Предположение, что автор K_I использовал другой летописный свод, сомнительно. В известии Р и К об освещении церк-

ви Богородицы есть одна общая (и не встречающаяся ни в одном сохранившемся летописном своде) деталь — сообщение об освящении церкви Богородицы не просто в 1089 г., а 15 августа. Эта общая особенность текста Р и К позволяет почти с полной уверенностью говорить, что в них читается фрагмент одного и того же летописного свода.

- 18 Весьма многозначительное, на мой взгляд, разночтение, являющееся еще одним доказательством первичности Р относительно К₁: очень маловероятно, чтобы автор первоначальной редакции, которая описывала установление празднования памяти Исаи в 1474 г., упустила такую решающую для уяснения существа дела деталь, что до 15 мая 1474 г. "чудотворец" был "отнуд памяти не причастен". Куда вероятнее, что она была опущена позднейшим редактором.
- 19 БАН, 17, 13, 22. Рукопись из 406 листов в четверть; переплет — доски в коже, застежек нет. На л. 301 помещена запись о продаже книги в марте 1671 г. Филигранные рукописи сходны с водяными знаками, показанными Брике под № 8038 (1555 г.) и № 11348 (1546 г.)

"ПРЕНИЕ С ИОСИФОМ"

"Прение с Иосифом Волоцким" – катехизис русского "нестяжательства". По воле автора "Прения" игумен Иосиф пятнадцать раз обвиняет монаха Вассиана Патрикеева в отступлении от монашеских заповедей, и пятнадцать раз Вассиан опрокидывает коварство Иосифа. Вассиан произносит свои речи как один из персонажей "Прения", что было сочтено исследователями достаточным основанием для атрибуции этого сочинения самому Вассиану Патрикееву.

Честь открытия "Прения" принадлежит, вероятно, К. И. Невостреву, который в конце 50-х гг. XIX в. указал С. М. Соловьеву список Синод. 738¹. А. С. Павлов (1863) обнаружил три родственных рукописи с текстами "Прения" – Солов. 94I/83I, 936/853, 985/875 и опубликовал это сочинение по соловецким спискам². Н. А. Казакова (1960) издала "Прение" по синодальному сборнику с разночтениями соловецких списков³. Публикация Казаковой была перепечатана Д. Феннелом (1969)⁴. В 1968 г. вышло в свет описание собрания М. Н. Тихомирова, указывающее еще один список "Прения" – Тих. 373⁵, которому Казакова посвятила специальную заметку (1974)⁶.

Имеющиеся издания "Прения" неудовлетворительны. Например, вместо "како и когда прииде на Москву Васиан" Павлов и Казакова напечатали "како иногда...", что привело Я. С. Лурье к неверному выводу о времени вступления Вассиана в спор с Иосифом⁷; в воспроизведении Казаковой текста Синод. 738 – 44 ошибки и 8 неоговоренных конъектур. Поэтому до появления новой публикации "Прения" будем цитировать его по Казаковой, исправляя по спискам ошибки прежних публикаторов.

Существуют разные мнения о времени создания "Прения". На основании упоминания "Прения" о смерти Иосифа (9 сентября 1515 г.) Павлов датировал его временем после 1515 г.⁸ Казакова посчитала вывод Павлова неубедительным, ибо: а) в "Прении" ведется спор с Иосифом "как с живым лицом"; б) "Прение" упоминается в послании Иосифа В. А. Челяднину (Каза-

кова вслед за А.А.Зиминым датирует это послание 1511-1515 гг.⁹; в) в "Прении" использованы фрагмент несохранившейся I редакции Вассианова "Собрания некоего старца" и "Слово о еретичех", созданные, как думала Казакова, несколькими годами ранее первоначальной редакции Вассиановской кормчей (1517 г.). Так Казакова обосновывает иную датировку "Прения" — между 1511-1515 гг., скорее всего около 1515 г., но прежде 9 сентября этого года, потому что заключительную фразу о смерти Иосифа Казакова считает позднейшей припиской, которой Вассиан хотел "опорочить поведение" Иосифа в "последние минуты жизни"¹⁰.

А.А.Зимин не принял доказательств Казаковой на том основании, что: а) в древнерусской публицистике полемика с идейным врагом велась "как с живым лицом" независимо от того, жил ли в момент спора противник или уже умер; б) в послании Челяднину Иосиф не обязательно упоминал "Прение", а скорее писал о несохранившемся произведении Вассиана, использованном и в "Прении"; в) цитирование в "Прении" двух сочинений Вассиана, включенных в его кормчую, указывает на создание "Прения" после завершения работы над кормчей (1517 г.). Следовательно, и "Прение" написано после 1517 г., но, вероятно, еще до падения Максима Грека (1525 г.) и направлено против ученика Иосифа — Даниила, игумена Волоколамского монастыря, а впоследствии (с 1522 г.) митрополита.¹¹

Павлов, Казакова и Зимин, рассуждая о времени создания "Прения", исходили из гипотезы о том, что автором "Прения" был Вассиан Патрикеев. Американский славист Д.Островский (1977) в неопубликованной диссертации¹², следуя наблюдениям Н.Зернова (1933)¹³, считает "Прение" сочинением более позднего времени, составленным по материалам подлинных произведений Вассиана. Д.Островский полагает, что: а) Иосиф в послании Челяднину описал не "Прение", а какое-то другое сочинение Вассиана; б) "Прение" было составлено не ранее "Собрания некоего старца" по владими́ро-суздальскому списку (этот вид текста Островский, вслед за Казаковой, условно датирует 1517 годом) и не позднее датировки списка Солов. 831/941,

то есть между 1517 и 1560-ми гг.; в) Автором "Прения" является бывший игумен Троице-Сергиева монастыря Артемий; г) "Прение" составлено в Соловецком монастыре в 1554-1555 гг.¹⁴

Зная о гипотезе Д. Островского, но не имея возможности познакомиться с его аргументами, в 1978 г. приступил к изучению "Прения" и автор этой статьи. Первый вариант публикуемой работы в декабре 1978 года обсуждался с А.А. Зиминим, и лишь в 1986 г. впервые был аннотирован в автореферате кандидатской диссертации¹⁵.

Начнем с обзора пяти известных списков "Прения". Четыре из них представляют единую традицию 60-х гг. XVI - 70-х гг. XVII в., уместающуюся в стенах Соловецкого монастыря. Один из старших списков включен в Сборник соловецкого монаха Варлаама Сяницы (ГПБ, Солов.831/941, далее: С₁; почерк Варлаама на л. I-146об., 302-314об., 331-442), середины 60-х гг. XVI в.¹⁶ Другой старший список 50-70-х гг. XVI в. - игумена Иакова Соловецкого (ГПБ, Солов.853/963, далее: С₂)¹⁷, затем следует рукопись 90-х гг. XVI в. (ГНТБ СО АН СССР, Тих.373, далее: Т)¹⁸ и фрагмент 50-70-х гг. XVII в., включенный в конвюльтный сборник ГПБ, Солов. 875/985 (далее: С₃)¹⁹.

Соловецкие сборники родственны по происхождению, причем кодексы С₁ и С₂ отражают круг литературы, бытовавшей в кельях настоятелей монастыря²⁰. Это сборники - исповедания веры, состоящие из патристических выписок, среди них сочинения Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Никона Черногорца, константинопольского патриарха Филофея, патриарха Германа, Максима Исповедника, Петра Дамаскина, Исидора Пилусиста, Илариона, Исаака Сирина; здесь фигурируют и материалы Максима Грека (отрывок из переведенных учеником Максима Селиваном Бесед Златоуста на Евангелие от Матфея - в С₁ на л. 315-402 об.) и сочинения Нила ("Предание" - в С₁ на л. 226-301 об.). В соловецких сборниках "Прение" приписано к "Слову ответну", созданному Вассианом в 1523-1524 гг.²¹ Варлаам Сяница в оглавлении С₁ (л. 4а) так обозначил эти произведения: "Васиана, Нилова ученика (первоначально было: "Васиана, Нила старцова ученика", затем исправлено - А.П.), Слово ответ-

но... и еже с Иосифом Волоцкым прение о еретикох" (добавлено: "на" - зачеркнуто). Указания Варлаама можно понимать двояко: либо "Прение" является сочинением Вассиана, либо передает споры Вассиана с Иосифом и тогда не обязательно принадлежит перу опального князя. В C_2 соответствующая часть оглавления утрачена, Т повторяет неясные слова заголовка Варлаама Синоицы, а позднейший список C_3 , осмысляя оглавление C_1 (о зависимости C_3 именно от C_1 см. ниже), снабжает "Прение" гораздо более определенным заголовком: "Того же инока пустычника Васьяна на Иосифа, игумена Волоцкаго, собрание от святых правил и многих книг собрано..." (л.57). Переписчик C_3 не был безусловным знатоком "нестяжательской" книжности: вторую часть Вассианова "Слова ответна" он принял за самостоятельное сочинение, а отрывок из 29 слова Пандектов Никола Черногольца - Повесть Нила Синайского - приписал Нилу Сорскому и Вассиану ("Предисловие Нила и Васьяна, ученика его, на Иосифа Волоцкаго собрано"), поэтому у нас есть достаточно оснований сомневаться в компетентности переписчика C_3 .

Пятый список "Прения" включен в сборник ГИМ, Синод.738 (далее: Син), 30-40-х гг. ХУП в., монастырскую рукопись неизвестного происхождения, с середины ХУПв. хранившуюся в патриаршей библиотеке. Здесь присутствуют сходные с соловецкой традицией отрывки патристики (Иоанн Златоуст, Исидор Пилузиот, Никифор Каллист, "Наказание" Илариона, Никон Черноголец). "Прение" сопровождается в Син "Ответом кирилловских старцев", то есть сочинением, возникшим в результате сокращения подлинного произведения Вассиана - "Списания на Иосифа" (1512 г.), но Вассиану не принадлежащим²². Переписчик Син не атрибутировал "Прение" опальному князю.

Соловецкие списки и список Син имели общий протограф, который не был авторским текстом, а представлял одну из стадий его деформации. "Прение" разбито на пункты, имеющие сквозную нумерацию. и в $C_1C_2C_3T$ Син отсутствуют 1, 2 и начало 3 пункта.

Соловецкие списки не идентичны. C_3 является копией с C_1 : пропуск "и 295-м и 297-м и 302-м. А в Василии" C_3

составляет ровно строку в C_1 ; один пропуск в C_3 объясняется тем, что частица "мъ" в C_1 кажется зачеркнутой; "бящеса" C_3 вместо правильного "бъщет" возникло, вероятно, по причине неясного написания слова под титлом в C_1 . C_2 чрезвычайно близок C_1 ; сходный с C_3 пропуск и отсутствие близости C_2 с Т, который, как увидим ниже, восходит к протографу C_1 , свидетельствует в пользу того, что C_2 был скопирован не с протографа C_1 , а непосредственно с C_1 .

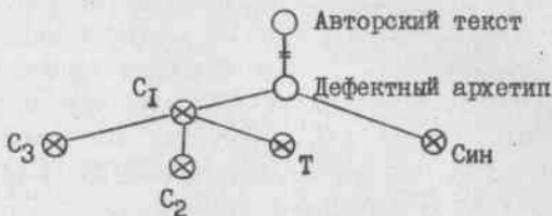
Список Т в одном незначительном чтении совпадает с Син ("а сия" $C_1C_2C_3$ - "а и сия" Т Син), но во всем остальном обнаруживает чрезвычайную близость к C_1 , к которому или к протографу которого и восходит. Индивидуальные чтения Т не повторяет ни один из известных списков: "новаго завета" $C_1C_2C_3$ Син - "новаго закона" Т; "прилозе" $C_1C_2C_3$ Син - "пролозе" (испр., перв. было: "прилозе")Т; "к церквам съборным" $C_1C_2C_3$ Син - "к церквам соборным мирским" Т; "вълюбиаши (вълюбиаши C_2) господа бога... всею душею твоею" $C_1C_2C_3$ Син - "вълюбиаши господа бога... всею душею твоею, всею крепостию твоею"Т; "горши" $C_1C_2C_3$ - "горша" Т - "греша" Син.

Список Син представляет особый извод "Прения". Здесь точнее переданы чтения источников "Прения": "источника" $C_1C_2C_3$ Т - "источника духа" Син и З редакция "Собрания некоего старца"; фрагмент фразы "по своих похотех сквернавых", пропущенный в $C_1C_2C_3$ Т, читается в Син и З редакции "Собрания"; "седми соборов" $C_1C_2C_3$ Т - "седми собор" Син и "Слово о еретицех". В Син уточнена неверная отсылка источника - "Собрания некоего старца": "В Иудине послание 78 зачало". Переписчик Син допустил несколько ошибок: "зачало 96" вместо "зачало 296" $C_1C_2C_3$ Т; "апостальстве" вместо "апостольстей" $C_1C_2C_3$ Т; "немяжну" вместо "немятежну" $C_1C_2C_3$ Т; "истипив" вместо "изступив" $C_1C_2C_3$ Т; "кануне" вместо "Никоне" $C_1C_2C_3$ Т.

Серию мельчайших разночтений, объединяющих Син с позднейшим списком C_3 ("монастыре" C_3 Син - "монастыри" C_1C_2 Т; "июня" C_3 Син - "июнь" C_1C_2 Т; "како второе" C_3 Син - "како в второе" C_1C_2 Т; "Русии" C_3 Син - "Росии" C_1C_2 Т; "и в съвете" C_3 Син - "и съвете" C_1C_2 Т) оцениваем не как родство генотипов,

а как фенотипическую общность – следствие трансформации языка и орфографии второй-третьей четверти ХУП в., независимо от-
звившихся на работе переписчиков С₃ и Син.

Стемма:

Сверка показала, что более ранний этап текстовой истории "Прения" отразил извод Син. Косвенно подтверждает это наблюдение состав синодальной рукописи, где к "Прению", озаглавленному в С₁ "Прение о еретикох", приписано другое сочинение "о еретикох" – "Ответ кирилловских старцев", причем подобно тому как "Прение" возникло в результате сокращения трех или четырех самостоятельных сочинений Вассиана (см. ниже), "Ответ" является сокращением его же "Списания на Иосифа", что свидетельствует о большей, чем в С₁С₂С₃Т, однородности подборки "нестяжательских" сочинений в Син. Отметим еще раз, что список Син, передающий наиболее близкий к авторскому извод "Прения", сохранил это сочинение как анонимное и вместе с сочинением, непосредственно Вассиану не принадлежащим.

Текст "Прения" обнаруживает зависимость от трех сочинений Вассиана Патрикеева. 3, 10 пункты восходят к "Собранию некоего старца", 4, 5, 6 пункты – к "Слову о еретичех", II – по всей вероятности к "Слову ответну". Попробуем уточнить характер этой зависимости.

3 пункт. Текст целиком выписан из 3-й редакции "Собрания", причем значительный фрагмент цитаты сам является цитатой, восходящей к 128 слову "Глав" Григория Синаита. Начнем с этой общей цитаты – приведем текст по наиболее ранним спискам "Глав" (сочинения Григория Синаита, жившего в 60-х гг. III в. – 40-х гг. XIV в., в восточнославянских списках известны о начала ХУ в., а старшая сербская рукопись конца

XIV в. ГБЛ, Овч.171.1 в интересующем нас месте дефектна). Публикуем текст 128 слова по рукописи 10-х гг. XVI в. ГБЛ, Троицк.186 (на вставном листе, л.97-97об., далее: Т) с разночтениями по ГИМ, Синод.923, нач. XV в. (л.70-70 об.; далее: С), ГБЛ, Рум.200, 20-х гг. XV в. (л.344об.-345, далее: Р), ГБЛ, Волок.438, 80-х гг. XV в. (л.69-69об., далее: В). Греческий оригинал 128 слова Григория Синаита издан: *Мigne, t. 150, col. 1292D-1293B*. Другая группа разночтений представляет текст списка 3-й редакции "Собрания" по кормчей Владимиро-Суздальского музея-заповедника В 5636/399 (л.517-518, далее: К) и списков "Прения" - С₁С₂С₃ТСин.

"Иже кроме духа пишущей же¹ и глаголющей, и церковь съзидовати² хотящей, душевны³ суть. Яко же негде рече божественны апостол: Духа не имуще⁴, таковыи бо повинни⁵ суть клятве, глаголющей: ⁶ Горе разумным в себе и пред собою художным. От себе бо глаголють, а не дух божи⁷ глаголяи в них, по господню словеси: От своих бо⁸ помысл прежде чистоты глаголющей⁹, духом мнения прельстишися. О сем бо глаголет притчя. Видех¹⁰ мужа, мневша¹⁰ ся в¹¹ себе мудра быти, упование же¹² паче¹³ имать безумныи его¹⁴. И¹⁵ еже не бывайте мудри¹⁶ о себе, премудрость запрещает нам. Но и сам¹⁷ испльненыи¹⁸ духа¹⁸ божественны апостол исповедуеть¹⁹, глаголя: Ни²⁰ бо доволни есмы о себе помныслити²¹ что²², яко от себе, но довольство наше от бога. Пред богом о Христе глаголем, не²⁴ таковых²⁵ бо²⁶ слова не сладка и

а Отсюда начинается текст С₁С₂С₃ТСин, б Доб. бо - зачеркнуто, в-в Написано на поле после знака выноса.

1 Нет ВК. 2 съзидати ВК. 3. душевны Р; душевны ВК. 4. Доб. и ВК. 5 повинны Р. 6 глаголющии РС. 7 Доб. есть РВСК. 8 убо РВСК. 9 глаголюще Р. 10-11 Нет ВК С₁С₂С₃ТСин. 12 Доб. его С₁С₂С₃Т. 13 Доб. его КС₁С₂С₃ТСин. 14 Нет КС₁С₂С₃ТСин. 15 Нет ВК С₁С₂С₃ТСин. 16 мудри РВСК С₁С₂С₃ТСин. 17 самыи Р. 18 спасительныи С₁С₂С₃ТСин. 19 исповедаеть КС₁С₂С₃ТСин. 20 не Р. 21 помышляти ВК С₁С₂С₃ТСин. 22 Нет С₂. 23 не КС₁С₂ТСин; нет С₃. 24 на В; но КС₁С₂С₃ТСин. 25 таковы С₁С₂С₃Т; таковыи Син. 26 Нет КС₁С₂С₃ТСин.

не просвещена, // не от живаго источника духа²⁷ приемлюще же²⁸ и глаголюще, но яко²⁹ от некоего езера³⁰ то новаго³⁰ сердца пиавице³¹ и змие³², и жабы похотем, и³³ възношения³⁴ и не³⁵ въздръжания имущаго, питающе³⁶, и вода разума их смръдящи³⁷, мутна же и тъпла, кже пиюще на възгнущение³⁸ и скаредие³⁹ и блевание преминуеми⁴⁰, обращаются".

Филиации списков убеждают в существовании общего архетипа списков СРГ, к которому К восходит через В или общий с В протограф: Вассиан, автор К, одно время занимавшийся книжной работой по соседству с волоколамскими постриженниками Досифеем Топорковым и Ионей Пушечниковым²¹, с большой долей вероятности мог выписать заинтересовавший его фрагмент 128 слова Григория Синаита непосредственно из волоколамской рукописи 80-х гг. ХУ в. (кодекс В). "Прение" в целом зависит от К и ни от какого другого списка, причем Син чуть ближе к оригиналу, С₁С₂С₃Т - чуть дальше.

Автор "Прения" не ограничился одной цитатой Григория Синаита и выписал из "Собрания" также послесловие к этой цитате, давая тем самым в руки исследователей решающее свидетельство того, что перед ним лежали не "Главы" Синаита, а 3 редакция "Собрания некоего старца".

"Собрание":

В евангелии от Матфея о обличении в зачале 75, а в Апостоле в Ивановех соборных посланиях: Горе им, иже в путь Каинов въходяще, по своих похотех и сквернавех - в зачале 229-м и 286-м и 295-м и 297, и 302. А в Василии Великом

С₁С₂С₃ТСин:

В евангелии от Матфея о обличении, зачало 75¹, в Апостоле в Иоаннових² съборных посланиях: Горе им, иже в путь Каинов ходяще³ - в зачале 229-м и 286-м⁴, и 295-м, и 297-м и 302-м. А в Василии⁵ Великом о том

27 Нет С₁С₂С₃Т. 28 Нет С₁С₂С₃ТСин. 29 Доб. же РВКС₁С₂С₃Т-Син. 30-30 тименнаго РВКС₁С₂С₃ТСин; тинаваго С. 31 пиявица РВКС₁С₂С₃ТСин. 32 змия РВК; змия С₁С₂С₃ТСин. 33-35 Нет С₁С₂С₃ТСин. 33 Нет КС₁С₂С₃ТСин. 34 възношения Р. 36 питающа Р. 37 смръдящи РКС₁С₂С₃ТСин. 38 Доб. же ВКС₁С₂С₃ТСин. 39 Доб. есть Син. 40 переменуемы К; нет С₁С₂С₃ТСин.

"Собрание":

о том же в Постнических словесех, число 29, 57, 58, 142, 161, 187. А в Златоустове слове 61-м: Не приобидети святых таин, и о обличении гресех братних. А во Апостоле же о премудрости духовней и плотской, зачало 96, и паки о лукавых самолюбцах и непокоривых, зачало 295, 296.

С₁С₂С₃Т_{Син}:

же в Постнических словесех, число 39, 57, 88, 142, 161, 187. В Златоустре, в слове 61-м: Не преобидети⁶ святых таин, и о⁷ обличении гресех братних. А в Апостоле о премудрости духовней и плотстей, зачало 296⁸, и паки о лукавых и самолюбцах и непокоривых, зачало 295, 296.

"Собрание некоего старца" использовано также в 10 пункте "Прения" (см. с. 242, 18-22 св.). II пункт пересказывает канонические правила об экономах и субъектах отчуждения церковного имущества, которые вероятнее всего выписаны из "Слова ответна" (с. 266, 15-10 св.; с. 269, 12-16 св.), однако слова "человекоугодиа ради" вводят особую тему и, возможно, восходят к 3 редакции "Собрания" (с. 242, 9 св.). В 15 пункте "Прения" также возможно влияние "Собрания" (ср. с. 242, 17-18 св.).

4 пункт "Прения" включает текст, близкий к Вассианову "Слову о еретицех" (с. 272, 1-4 св. - с. 273, 1 св.). В том, что "Прение" опирается на "Слово о еретицех", окончательно убеждают точные цитаты из этого сочинения, включенные в 5 и 6 пункты "Прения" (ср. с. 274, 15-11 св.; с. 274, 8-15 св.).

О содержании двух начальных несохранившихся пунктов "Прения" мы можем судить по шести отсылкам к 1-2 пунктам в пунктах 4, 5, 7, 8, 9, 10, 15. I пункт (он назван "предисловием... сих тетрапей") кратко резюмирован так: "...Яко же ты, Иосифе, и твои ученицы, преступив заповеди божиа, не токмо яко мирстии человецы живут, но и горши (грешни Син) того" (10 пункт); "А сие, Иосифе, пишеша и запрещаеша... похуляя сам

1 Доб а Син. 2 Ъвановых Син. 3 Доб. по своим похотех сквернавых - в Ъудине послание 78 зач[ало]. 4-5 Нет С₃. 6 преобедети Син. 7 Нет Син. 8 96 Син.

чюдотворцов своим жительством неподобным" (15 пункт). И 2 пункт имеет несколько более пространное описание: "Сие пишешь, Иосифе, от попа римскаго от Навата еретика, иже по крещении не даеше съгрешающим покаяния" (7 пункт); "Что, Иосифе, много пишешь о сем..., что не хочещи давати покаяния еретиком..." (8 пункт); "Которым еретиком кающимся, не приемля их покаяния, казнили их, сии суть мученицы, понеже несть грех не прашаем, аще кается. Ты же коея ради вины, Иосифе, не велиши давати съгрешающим покаяния?" (9 пункт).

Таким образом, утрачены рассуждения о "преступлении" заповедей и "неподобном жительстве" Иосифа и его учеников (1 пункт), а также спор с Иосифом, подобно еретика Навату не дающим покаяния кающимся, причем казенные еретики, не допускаемые к покаянию, вопреки канонической традиции объявляются мучениками (2 пункт). На 10 и 15 пункты, содержащие отсылки к утраченному 1 пункту, повлияло "Собрание некоего старца", однако, судя по краткому описанию, Вассианово "Собрание" не могло составить основной текст 1 пункта. В 4 и 5 пунктах, отсылающих читателя к несохранившемуся 2 пункту, процитировано "Слово о еретицех", но и оно не могло лечь в основу 2 пункта.

Дальнейшие рассуждения могут развиваться в двух направлениях. Казакова отказалась от поисков источника 1 и 2 пунктов и считала, что обвинения Иосифа в "преступлении" заповедей и сравнение его с Наватом являются оригинальным текстом "Прения". Поэтому в послании Иосифа В.А.Челяднину (I5II-I5I5 гг.), где волоцкий игумен описывает "тетрадку" Вассиана (о том, что Иосиф "подобен Навату еретика" и сам со своими учениками является "преступником") речь идет именно о "Прении". Зимин предложил иной подход: в послании Челяднину упоминается не "Прение", а другое несохранившееся сочинение Вассиана.

Автор этой статьи, развивая наблюдения Зимина, предположил, что это несохранившееся сочинение Вассиана - я назвал его "Тетрадкой I5II-I5I2 гг." - было описано Иосифом в послании Челяднину (отправлено не ранее второй-третьей недели

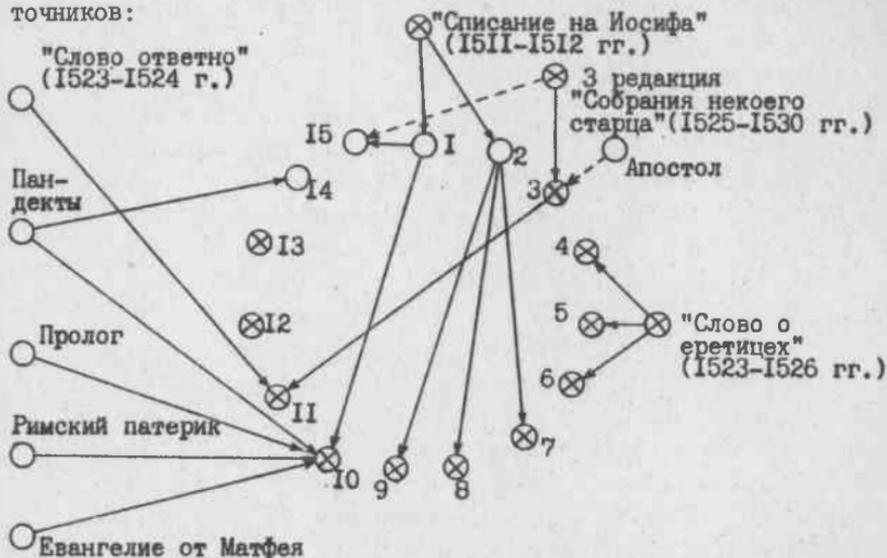
июня 1512 г., причем, вероятно, именно в конце июня – июле этого года²⁴ и позднее легло в основу 1 и 2 пунктов "Прения"²⁵. Эта гипотеза подтвердилась неожиданно скоро: Ю.В. Анхимюк обнаружил неизвестное прежде "Списание на Иосифа", вероятно, принадлежащее перу Вассиана и датированное июлем 1511 – июнем 1512 г. (Анхимюк допускает более широкую датировку: июль 1511 – июнь 1514 г.²⁶). "Списание" и есть та самая Вассианова "Тетрадка", где, как и в реконструированных 1–2 пунктах "Прения"; а) обличается "неподобное жительство" Иосифа: "...Иосиф с своими епископы златом и пиры митрополита превели на свою волю, да к тому уже не требе им держатися по писанию жити, но яжь, душе, пи и веселися, имаши стяжания многа и друзи многы силнии" (ГБЛ, Гранков, Пост.86/1–1975 г., л.236–236об.); б) Иосиф, не дающий покаяния кающимся, сравнивается с Наватом: "То бо государь князь велики разсудил, что Иосиф ему от своего злоумия и говорит и пишет и приказывает неправду. То есть Наватова ересь попа римского..." (и далее – изложение ереси Навата по 10(39) слову "Томиллий" Григория Богослова с толкованиями Никиты Ираклийского, л.232об.–235об.); в) казненные и недопущенные к участию, невзирая на их покаяние, еретики, названы мучениками: "Сия (еретики – А.П.) при концы каются и христиане исповедуются, а он (Иосиф – А.П.) не велел дати прощения, ни милости. Иных пожог, а иных велит в темницах поморити. Се же святыи Григорие Богослов мучение крещение от Бога вменитя, еже мучением и кровию, а огонь – та же мука" (л.233). Считаю, что 1 и 2 пункты "Прения" опирались на "Списание" Вассиана Патрикеева.

Если вспомнить о том, что цитируемые в "Прении" 3 редакция "Собрания", "Слово о еретицех" сохранились в составе 3 редакции кормчей, где могли содержаться и "Списание" и "Слово ответно" (из списка ВСМЗ вырвана гл.41, названная в оглавлении странно для канонического компендиума "произволники"), то допустимо предполагать, что автор "Прения" черпал материал именно из Вассиановой кормчей.

Другие источники "Прения" – 43 и 7 главы Пандектов Ни-

кона Черногорца, 22 зачало евангелия от Матфея, 2 слово Иоанна Златоуста из Пролога Симонова монастыря, слово Григория Беседовника из Римского патерика (10 пункт) и 21 глава Пандектов Никона Черногорца (пункт 14). Если уточнение Син: "В Нудине послание 78 зач[ало]" (пункт 3) восходит к авторскому тексту, то в число источников "Прения" следует включить и Апостол.

Объединим все полученные нами результаты в стемму, где учтем внутренние отсылки между пунктами "Прения" и обоснованное нами в специальных работах²⁷ время создания этих источников:

Не подлежит сомнению, что "Прение" не могло быть создано ранее конца 20-х годов XVI в., следовательно, не подтвердилась ни одна из ранее предложенных датировок этого сочинения.

Заметим, что там, где автор "Прения" выходит за рамки четырех установленных нами произведений Вассиана, он цитирует источники, которые более нигде в Вассиановых трудах не используются. Таковы отсылки к 7 и 43 главам Пандектов, 22 зачалу евангелия от Матфея, Римскому патерику. Исключение составляет упоминание автором "Прения" 2 слова Златоуста из Симоновского пролога – Вассиан в 3 редакции "Собрания" (с.

244, 24 св.) ссылается на это слово, но не уточняет, что знает его именно по прологу Симонова монастыря.

Позиция автора "Прения" мотивируется аргументами, отличными от системы аргументации автора "Списания на Иосифа", "Собрания", "Слова о еретичех" и "Слова ответного".

Прием на покаяние еретиков, отрекшихся от своей ереси, совершался в соответствии с чинопоследованием, предусмотренным 95 правилом VI вселенского собора (Кормчая, л.205-205об.)²⁸. Вопрос о еретиках детально обсуждался Иосифом, Даниилом и Вассианом, допускавшими различные толкования канонических предписаний и исторической практики христианской церкви по отношению к еретикам. Добросовестное изложение их мнений составляет основу 4,5 и 6 пунктов "Прения" там, где цитируется Вассианово "Слово о еретичех". Но едва автор "Прения" выходит за границы цитаты, и его комментарии теряют текстовую близость к "Слову о еретичех", в "Прении" возникают неожиданные трансформации дефиниционного ряда. Автор "Прения" осуждает Иосифа за то, что он не велит давать причастие "согрешающим" и "отступникам" (7 пункт), "еретикам" (8 пункт), "согрешающим" (9 пункт).

Канонически утвержденное разделение тех, кто находится вне тела церкви, установлено Аристиновым толкованием на I правило Василия Великого: это "еретики", "раскольники" и "подцерковники" (Кормчая, л.224-226 об.). Прием кающихся еретиков осуществляется первым чином (через перекрещивание), раскольников приобщают к церкви вторым чином (миропомазание), для подцерковников считается достаточным покаяние (ср.7 правило II собора и 20,47 правила Василия Великого - Кормчая, л.88, 232-232 об., 239 об.-240).

Подборка о еретиках в Вассиановой кормчей (I2-I5 главы I2 грани) обсуждает ересь донатиа́н, последователей карфагенского епископа Доната - они почитали мучеников за веру, стремились к расколу церкви и считали, что таинства теряют силу, если совершившие их были опорочены связями с виновными. Отсюда - объявленная донатиа́нами необходимость перекрещивания обратившихся еретиков и тех, кто были крещены ерети-

ками. Вассиан нигде не путает еретиков с согрешающими и нигде не использует термина "отступник" (ГБЛ, Пискарев 39, л. 339об.-345 об).

"Отступники" как особая категория отпадших от веры являются изобретением московского православия конца 50-х гг. XV века. Это - калька с латинского "scismaticus". "Схизматиком" в сентябре 1458 г. называл московского митрополита Иону ("московского монаха Иону", как гласит папская булла) папа Пий II²⁹. Резоны подобного определения ясны: католики убеждены, что единство христианства в догматическом отношении подерживается папой, поэтому не признавший Флорентийской унии (1439) и власти папского ставленника латинского патриарха Константинополя Григория Маммы митрополит Иона - "схизматик" и "мятежник" (*rebellis*). Русские книжники в 1459 г. перевели слово "scismaticus" как "отступник", а "первоначальным отступником" нарекли патриарха Григория Мамму, подписавшего Флорентийскую унию³⁰.

"Отступники" входят в православную полемическую литературу и со страниц Иосифова послания Нифонту Суздальскому (1492-1494), где на основании жития Григория Богослова, рассказывающего о "времени отступления" жителей Константинополя, еретики одновременно названы и "отступниками"³¹. Возможно, отвечая на полемический выпод Иосифа, в 1511-1512 гг. Вассиан Патрикеев выписал из жития Григория Богослова этот эпизод: сначала "весь град отступил апостольския церкви", а потом, по молитве Григория, "все приступили к апостольстей церкви" (ИТД, Гранк., Пост.86/1 - 1975 г., л.231). Тех, что "отступил" от церкви, Вассиан не спешит объявлять еретиками и, не принимая терминологии Иосифа, предлагает такую градацию отступлений от православия: истинные христиане → те, кто "ототупает" от веры → еретики кающиеся → еретики непокаяющиеся. В 15-16 словах "Книги на еретиков" находим развитие начальной идеи Иосифа об особой злостности еретиков, пришедших во времена "отступления", - здесь уже ясно обозначена разница между дисциплинарными мерами к еретикам (их разрешается принимать, "еще каются") и "отступникам" (кото-

рых никакое покаяние не спасет). Так задается иная (неканоническая) градация отпадения от христианства: православные → еретики → отступники. Показательно, что автору 15-16 слов "Книги на еретиков" (будущему митрополиту Даниилу?) не удается подтвердить своих доводов и целесообразность введения самого термина "отступник" ссылками на 73 правило Василия Великого о "Христовом отметнике" ("иже от Христа отвержется..., на исходе же жития сподобится святого причащения") и I правило Григория Нисского ("еще кто Христовы веры отвергся... и покаяся обратився, время имать на покаяние...")³², ибо там никаких "отступников" не упоминается, а речь идет об "отметниках" и тех, что "отвергся" веры, причем и тем и другим в случае покаяния предписывается давать причастие, то есть они приравнены к "подцерковникам" Аристинова толкования на I правило Василия Великого.

Автор "Прения" не был знаком с этими поворотами полемики, выходящими за пределы традиционного пастырского богословия, и потому в "Прении" рядом с ординарными "согрешающими" ставит "отступников", трижды упрекает Иосифа в том, что тот не велит давать покаяния согрешающим и еретикам, хотя Иосиф на таких запретах не настаивал, а Вассиан, опытный канонист, никогда бы не объединил еретиков с согрешающими.

В 10 и 13 пунктах "Прения" использован ход иосифлянской критики "нестяжателей", опробованный Даниилом II мая 1531 года: это обвинение в "похулении" чудотворцев Вассианом (10 пункт), Вассианом и Нилом (13 пункт). Однако развитие этой темы в 10 пункте "Прения" приводит к неожиданному результату: опровержение святости самого Иосифа, а в 13 пункте - к оценке каноничности агиографических сборников Нила Сорского.

Работа Нила над полным кругом четых *миней* (конец XV в. - 1508 г.) не сопровождалась критическими исправлениями текста житий, что было установлено К.В.Покровским, Я.С.Лурье и Ф.Лилленфельд³³. Автор "Прения" приписывает Иосифу Волоцкому выступление против авторитетности *Нилых миней*, откуда будто бы были "изметаны" чудеса святых. Между тем Б.М.Клосс

показал, что оригиналы житийных сборников Нила — ГБЛ, Волок. 630, Троицк. 684 (л. I-272), МДА 207 (л. 2-17) и ГИМ 126 (отдельные листы сборника — в ЦГАДА, ф. 1192, оп. 2, № 564) были переписаны и правлены Нилом Сорским вместе с волоколамским монахом Нилом Полевым в начале XVI в., а в 1513/14 г. Нил Полев, духовный сын будущего митрополита Даниила (ГБЛ, Волок. 39, л. I), привез их в Волоколамский монастырь и вложил в монастырскую библиотеку, причем с торжественной записью об авторско-редакторской работе Нила Сорского над этим сводом (ГИМ 126, л. 253 об.). В 20-х гг. XVI в. сборники Нила были затребованы митрополитом Даниилом в Москву и копировались митрополичьими писцами (ГБЛ, Троицк. 684, л. 273-491 об., МДА 207, л. 18-161 об., укажем новонайденную рукопись — копию со сборника Нила: ГИМ, Барсов 1400, 20-х гг. XVI в.)³⁴. Мы видим, что в 10-20-х гг. XVI в. волоколамские постриженники не сомневались в достоинствах житийных сборников Нила, копировали их тексты с полным доверием и вряд ли могли выступать против Нила с обвинением в "похулении" чудотворцев.

Для автора "Прения" обычным условием полемики монашеских корпораций является противопоставление авторитетов Иосифа и Нила, тогда как антагонизм между этими подвижниками не был очевидным фактом для современников Ивана III и Василия III. Иосифляне охотно переписывали сочинения Нила³⁵, причем в сборнике Ануфрия Исакова конца 20-х гг. XVI в. Нил, как и повсюду в рукописной традиции, назван "великим старцем" (ГБЛ, Волок. 577, л. 17). Кодекс 30-х гг. XVI в., которым по очереди владели волоколамские старцы Пафнутий и Иларий Рыков, постригшийся на Волоке князь С. И. Микулинский, монах Досифей, называет Нила Сорского "ревнителем древних святых отец" (ГИМ, Епарх. 342, л. 5). Похвальное предисловие, составленное к трудам Нила Сорского, по-видимому, Нилом Полевым (ГИМ, Епарх. 349, л. 84)³⁶, копировалось Симеоном Крылошанином в 1530 г. (ГИМ, Епарх. 343, л. 91; см. также сборник 30-40-х гг. XVI в. принадлежавший Исааку Сумину, ученику старца Епифана Ленкова — Епарх. 350, л. 84 об.).

Факт распространения иосифлянами сочинений Нила Сорско-

го с лестными характеристиками их автора в 10–20-х гг. и даже 30-х гг. XVI в. несомненно свидетельствует о пиететном отношении к Нилу в Волоколамском монастыре и при митрополичьей кафедре, занятой иосифлянином Даниилом, где вплоть до 1539 г. политику определяли волоколамские постриженники. Об отсутствии раннего антагонизма между авторитетами Иосифа и Нила говорят и пребывание волоколамских монахов в пустынях под Кирилловым монастырем (вплоть до 1512–1513 гг., то есть уже после смерти Нила) и мирное соседство сочинений Иосифа и Нила в компилятивном уставе Корнилия Комельского (вторая четверть XVI в.)³⁷.

Первая известная нам попытка противопоставить Нила Иосифу – слова Вассиана Патрикеева, повторенные на суде 1531 г. Досифеем Топорковым, племянником Иосифа Волоцкого: "Как твой Иосиф писал, – говорил Вассиан Досифею, – мой де старец Нил не обыскивал, не писал..."³⁸. Но здесь еще нет и тени тех многочисленных взаимных претензий, не исчерпывающихся "писаниями" Иосифа и Нила и разделивших волоколамскую и симоновскую монашеские корпорации, иосифлян и "нестяжателей". Столь выраженный антагонизм авторитетов Иосифа и Нила, какой мы находим в "Прении", уводит нас из 20-х гг. XVI в. в более позднее время, когда имя Нила стало замалчиваться в иосифлянской среде (см. сборники второй четверти – середины XVI в. Дионисия Лупы Звенигородского, Тихона Зворыкина и Трифона Ступишина, где сочинения Нила переписываются уже без упоминания имени автора: ГИМ, Епарх. 351, 314), а канонизация сорского пустышника стала невозможной.

Полемика Вассиана с Иосифом по вопросу о вдовьих священниках, как ее рисует автор "Прения", не имеет аналогий в сочинениях Иосифа. "Прение" сваливает на Иосифа вину за решения собора русской митрополии 1 сентября 1503 г. ("отговорил всем вдовцем не служить, и чистым, и нечистым"), хотя соборный приговор был утвержден митрополитом Симоном, семью высшими иерархами, архимандритами, игуменами и "всем священным собором"³⁹. Анализ Вассиановой кормчей и Сводной кормчей митрополита Даниила показывает, что в 20–30-х гг.

XVI в. в том и другом лагере серьезно обсуждали канонические основания христианского брака и проблему безбрачия клира и епископата. Будущие участники суда 1531 г. писали на эти темы собственные схолии (Даниил или Нифонт Кормилицын)⁴⁰, редактировали традиционные канонические тексты (Вассиановская редакция анонимной схолии на 71/73/81 карфагенское правило)⁴¹, однако ни разу не ставили вопрос так, как он обсуждался на московском соборе 1503 г. (и виленском соборе 1509 г.) — то есть не обсуждали законности отстранения от службы в мирских церквях овдовевших священников. Соединение полемики о каноничности московского собора 1503 г. (такую полемику вел, например, Феодосий Косой⁴²) с именем Иосифа оформилось, по-видимому, к середине XVI в., — так, в 50-х гг. в "Стоглав" была включена 79 глава, полная невозможных искажений и интерполяций; эта глава защищала решения собора 1503 г. о вдовых священниках и намеренно была приписана Иосифу Волоцкому⁴³.

Совершенно несовместимым со спорами между Вассианом и его противниками является опровержение "проповеди" учеников Иосифа, будто их патрон "свят и знаменосец, и пророчествовая дар приат" (10 пункт). "Знаменосец" — святой, чудотворец, совершающий знамения. В этом единственном значении использовали слово "знаменосец" Иосиф Волоцкий⁴⁴ и Зиновий Стенский⁴⁵. В том, что автор "Прения" понимал это слово точно также, убеждает и контекст использования термина "знаменосец" в другом месте "Прения", где "знаменосцами" именуются киевские и все русские чудотворцы. В пользу такого понимания слова "знаменосец" свидетельствует и синоптический ряд характеристик Иосифа: свят — совершает знамения — обладал даром провидения, пророчества. Следовательно, автор "Прения" знал о каких-то шагах иосифлян к канонизации Иосифа и совершающихся у раки волоцкого игумена чудотворениях.

В нашем распоряжении — прекрасно сохранившаяся иосифлянская книжность, где не могли не фиксироваться подобные ответственные начинания волоколамской корпорации. В 10-20-х

гг. XVI в. сочинения Иосифа переписываются как труды "грешного инока Иосифа", личные летописчики Иосифа вплоть до середины XVI в. не включают эпитета "преподобный"⁴⁶. Первые повествования о жизни Иосифа – отрывок "Повести" в Сводной кормчей 1531–1539 гг. (ГБЛ, Унд.27, л.85) и Надгробное слово Досифея Топоркова (после 1531 г.) не являются житиями, не содержат чудес подвижника и не могут стать основанием для канонизации. Активная деятельность волоколамских монахов, готовивших причисление к лику святых своих наставников, приобрела публичный характер лишь к середине XVI в., когда был создан цикл агиографических сочинений об Иосифе⁴⁷, жития Фотия и Кассиана, Феодосия Новгородского, Феодосия Плецеева, Акакия Тверского (ср. слова Акакия, записанные Вассианом Кошкой, о "старцах-пророках" Волоколамского монастыря⁴⁸).

Наблюдения над текстом "Прения" в той его части, которая не опирается на подлинные сочинения Вассиана, следует дополнить парадоксальной ситуацией, где автор "Прения", добросовестно пересказывая учение Вассиана, входит в противоречие с сочинениями опального князя. В II пункте автор "Прения" подробно рассуждает по поводу института экономов, необходимого для ведения хозяйственных дел каждой святительской кафедры. Сведения об экономах почерпнуты из Вассианова "Слова ответна". Вассиан действительно первое время ратовал за передачу управления имуществами кафедр в руки экономов, о чем оставил нам свидетельства в "Слове ответном" (1523–1524 гг.) и в канонической синтагме I и 2 редакций "Собрания некоего старца" (1517 – первая половина 20-х гг. XVI в.)⁴⁹. Однако наряду со "Словом ответным" автор "Прения" использует Вассианову 3 и заключительную редакцию "Собрания" (вторая половина 20-х гг.), где ссылка на II правило УП вселенского собора, канонически обосновывающее существование института экономов, была снята⁵⁰, – то есть Вассиан изменил точку зрения на этот вопрос, а автор "Прения" не заметил этого и соединил в своем сочинении разные стадии канонических поисков Вассиана.

В определении срока возникновения "Прения" может помочь

параллель между памятниками, вышедшими из двух противоположных лагерей общественной борьбы, между "нестяжательским" "Прением" и иосифлянским "Письмом о нелюбках". Ни один из этих памятников не мог непосредственно повлиять на другой, нет в них общих цитат или совпадения текстов, различен их жанр (прение – и патериковая статья), принципиально различаются идейные позиции их авторов. Однако оба произведения дают одинаковый перечень противоречий между волоколамской и кирилло-белозерской корпорациями: а) проблема приема кающихся еретиков; б) собор 1503 г. и вопрос о монастырских селах; в) личный конфликт Нила с Иосифом, а иосифлян – с Вассианом; г) запрет на общение иноков этих монастырей. Выше было показано, как менялись по прошествии десятилетий позиции противоборствующих сторон и как, все более удаляясь от реальной истории, трансформировались их взаимные представления друг о друге. Несомненная общность взгляда авторов "Прения" и "Письма о нелюбках", оценивавших конфликт монастырей с двух полюсов общественной борьбы, свидетельствует о том, что авторы этих сочинений смотрели на описываемые ими события, отступив на примерно одинаковое расстояние от них, имели сходную историческую перспективу, принадлежали к одному поколению.

Все известные на сегодняшний день обстоятельства, могущие служить объяснениями реальной исторической основы "Прения с Иосифом" и описание текстовой истории "Прения" убеждают нас в том, что этот памятник возник не ранее конца 40-х и не позднее первой половины 60-х гг. XVI века. Итак, "Прение" – это взгляд второго поколения "нестяжателей" на события двух первых десятилетий XVII в.; "Прение" – одна из первых попыток ретроспективного построения истории "нестяжательства".

Рецепция взглядов Вассиана в "Прении" была сделана писателем, занимавшим не менее радикальную позицию по ключевым вопросам социальной практики русского православия. Наибольшую близость к оригинальному тексту "Прения" обнаруживают сочинения и высказывания Артемия – постриженника Корнильева Комельского монастыря, с 1536 г. переселившегося в Порфирьеву пустынь близ Кирилло-Белозерской обители. Прежде 9

февраля 1551 г.⁵¹ Артемий был вызван царем в Москву, где недолго пробыл в кремлевском Чудовом монастыре, а затем по воле Ивана IV занял пустующее место настоятеля Троице-Сергиева монастыря. В июле 1551 г. Артемий самовольно покинул Троицу и переселился в Порфирьеву пустынь. В ноябре 1553 г. по приказу царя он был вновь привезен в Москву и жил в Андрониковом монастыре, вновь бежал оттуда в пустынь, но в январе 1554 г. был насильно возвращен в Москву, судим, и по приговору 24 января 1554 г. послан в заточение под надзор соловецкого игумена Филиппа Колячева. Не более года Артемий пробыл на Соловках, а затем, не без помощи своих тюремщиков, бежал в Литву⁵².

Рассмотрим четыре принципиальных вопроса, которым посвящено "Прение с Иосифом", сравнивая оригинальный текст "Прения" с 14 более или менее достоверно атрибутируемых Артемию посланиями⁵³, с судебно-следственными материалами конца 1553-начала 1554 г., отразившими учение Артемия⁵⁴, соборной грамотой 24 января 1554 г. по делу Артемия⁵⁵ и с отзвуками обвинений, предъявленных Артемию в 1554 г., как они записаны в Продолжении Летописца Начала Царства⁵⁶.

Соотношение Ветхого и Нового завета. 6 пункт "Прения" решает этот вопрос на основании цитаты из Вассианова "Слова о еретичех"; признается неотменной та часть "ветхого закона", что была "приведена к новому закону" в евангелиях, апостольских посланиях и правилах поместных и вселенских соборов. Логическое следствие этого положения — обвинение иосифлян, призывающих к казням еретиков помимо новозаветного опыта всепрощения; иосифляне, гордящиеся обличением ереси жидовствующих, получают вдвойне обидный упрек в ветхозаветничестве, в "жидовстве". Этот прием реализуется в 10 пункте "Прения", где сказано о "неподобных" игуменах, то есть о Иосифе и его учениках: "от таковых игуменов жидове рождаются". Указания на "жидовские" ереси иосифлян еще нет у Вассиана, зато в публицистике второй половины XVI в. эта тема известна (АИ, т. I, № 216). 15 пункт "Прения": "жидовство" иосифлян обличается указанием на две из десяти евангельских

заповедей блаженства — "взлюбиха господа бога твоего" и "возлюбиши искренняго своего, яко сам себе". Именно на эти заповеди Артемий указывал в послании не позднее 1551 г. как на "главнейшие заповеди господни" (РИБ, т. IV, стб. 1402–1403) и при обсуждении противостояния Моисеева десятизакония⁵⁷ десяти заповедям блаженства этим же двум заповедям отводил первостепенную роль (РИБ, т. IV, стб. 1205–1206, 1268, 1332, 1349). Аналогичные мысли в 1578 г. Иван Грозный высказывает в послании Яну Роките⁵⁸.

Отношение к еретикам. В 4 пункте "Прения", где цитируется Вассианово "Слово о еретицех", сказано вполне ясно: некающихся еретиков освященный собор проклинает, а цари их казнят, зато кающихся еретиков пастыри обязаны принимать на покаяние. Автор "Прения" выводит из этих слов две новые темы (9 пункт): "несть грех не прашаем, аще кается" — это буквально повторено в послании Артемия: "несть грех не прашаем, разве без покаяния" (РИБ, т. IV, стб. 1374), и "которым еретиком кающимся, не приемля их покаяния, казнили их, сии суть мученицы", что является свободным пересказом "Списания на Иосифа", созвучным представлениям Артемия, осуждавшего "рани и убийства и темницы и възы", запрещавшего "иных мучити" и уподоблявшего всех "пострадавших плотию" самому Христу (РИБ, т. IV, стб. 1366).

Обвинение Вассиана в "похулении" чудотворцев. Реальная почва подобных утверждений — протоколы майского суда 1531 г., однако, в отличие от судей опального князя, автор "Прения" обсуждает не авторитет отдельных святых, а вообще всякие "бесовские чудотворения и знамения" в опоре на цитату из 43 слова Пандектов Никона Черногорца — этой цитаты или хотя бы ссылки на 43 слово Пандектов нет в сочинениях Вассиана, зато Артемий в послании "возлюбленному брату" (ок. 1551 г.) писал о ложных знамениях именно так и приводил ту же цитату из Никона (РИБ, т. IV, стб. 1408):

"Прение":

О таковых пишеть чудотворе-
них и знамених ложных в

Послание Артемия:

И Никон Великий в 43-м слове
сказует много о творящих зна-

Никонстей книге, в слове 43-м: Бесовская се есть чюдотворения и знаменна, по божию поущению, ими же вестъ судбами бог...

менья... Бесовская суть действия, поущающу богу, ими же судбами вестъ...

Артемий из осторожности не переводил своих обличений в план близкого прошедшего времени, говоря в послании "возлюбленному брату" о ложных чюдотворениях вообще, однако известно, что из его уст "слышали, что всех чюдотворцов, верующих в Христа и чюдеса творящих", "похулил" (ПСРЛ, т.13, ч.1, с.233 - может быть, речь идет и новых чюдотворцах?).

Проблема монастырских сел. Способы "окормления" монастырей без эксплуатации крестьян автор "Прения" излагает близко к тексту "Слова ответна". Артемий в целом придерживался тех же взглядов (РИБ, т.IV, стб. 1236, 1440; ААЭ, т.1, №238, 249). Вассиан по воле автора "Прения" признается, что он "велит великому князю у монастырей села отимати", хотя мы знаем, что никаких канонических оснований для изъятия монастырских сел учение Вассиана не содержит⁵⁹. Артемий обращался по этому вопросу к Ивану IV весной 1551 г., "извещая разум свой", но не советуя "нужением и властию творити что таково". "...Враждуют на меня, говорят не так, как аз говорил, - писал Артемий царю, - А все ныне съгласно враждуют, будьтось аз говорил и писал тебе - села отнимати у монастырей. А не говаривал есми им о том. Разве межи собя говорили есмо, как писано в книгах быти иноком? И се наше мудрование, якоже и святии отци уставляют жити, яке по Великому Василию. А говорил есми тогда явственно, коли звали мене в Корнилиев..." (РИБ, т.IV, стб.1440). Последние слова Артемия едва ли не цитата из "Собрания" Вассиана Патрикеева: "И все святии отци о отвержении мира писаша: иноком жити по евангелию и по Апостолу, и по Великому Василию - сел не дръжати, ни владе-ти ими..." (с.240), но Артемий объясняет свою позицию не столь откровенно, как Вассиан. Его разговоры "межи себя" и "явственно" - инокам Корнилиева монастыря во всяком случае содержали резкое осуждение монастырских сел. И если Артемий

не мог "явственно" повторить эти слова царю, ему оставалось прибегнуть к испытанному оружию монаха — перу.

Д.Островский заметил, что слова "разум истинный" из 7 пункта "Прения" не находят аналогий в сочинениях Вассиана, зато являются одним из любимых словосочетаний у Артемия (РИБ, т. IV, стб. I213, I273, I275, I329, I341, I375, I382, I387, I406, I442).

Жанр "Прения" резко оригинален в русской письменности XVI века. Единственное сравнительно близкое сочинение — это "Стязание Филоктимона и Актимона", написанное Максимом Греком в 40-х гг. XVI в.⁶⁰. Максимова "стязание" посвящено той же теме, что и "Прение", и могло повлиять на автора "Прения с Иосифом". Кстати, Артемий был хорошо знаком с Максимом и его сочинениями и в 1551 г. способствовал переселению ученого грека из Твери в Троицу⁶¹.

"Прение с Иосифом" имеет среди своих литературных предшественников раннехристианские "стязания", восходящие к позднеримским протоколам прений о вере, постепенно вливавшимся в русло агиографии (таково житие Амфилохия Иконийского). Жанр прения относится к числу тех жанров, которые более других нуждаются в питательной среде реальности. В России XV — первой половины XVI в. ни о каких вероисповедных догматических диспутах не помышляли, князья церкви гордо отвергали предложения провести "собор о вере" — "занеже изложена нам православная вера на прьвом соборе..."⁶², а русские книжники читали "прения" лишь среди переводных сочинений — будь то "Прение Панагиота с Азимитом" или "Прение с хионы и турки" Григория Паламы. Первые русские образцы публичных стязаний о вере относятся к третьей четверти XVI в. и связаны с именем "ученика" Артемия — Ивана IV, который письменно спорил о вере с Яном Рокитой (1578 г.) и выступал против Антония Посевина (1582 г.). В середине XVI века Артемий был, наверное, единственным православным христианином, который рвался испытать свою веру и даже ездил из Печерского монастыря в немецкий Новый городок, дабы найти там "такого человека, с кем бы ему поговорить книгами" (ААЭ, т. I, с. 251). Неорди-

нарность поступка Артемия была столь очевидна для современников, что январский собор 1554 г. посчитал своим долгом оценить выдумку Артемия как "негораздую" и специально высказался о ненужности любых диспутов по вероисповедным вопросам ввиду безусловного превосходства "сущей православной веры" над верой "латынской", давно уже опровергнутой и преданной "отречению и проклятию" (ААЭ, т. I, с. 251-252).

Образец катехизисного построения текста, напоминающего стилистику "Прения", Артемия дал в послании Ивану IV, конца 1551 - начала 1552 г. (РИБ, т. IV, стб. 1434-1435).

Наша гипотеза об авторстве "Прения" согласуется с археографической судьбой списков этого сочинения: четыре списка из пяти, восходящие ко вторичному дефектному архетипу текста, переписывались в Соловецком монастыре, куда Артемий прибыл по приговору суда в феврале 1554 г. и где, очевидно, нашел единомышленников. Сам Артемий мог привезти "Прение" на Соловки, мог сделать это и опальный благовещенский поп Сильвестр, переведенный в Соловецкий монастырь после 1560 года из Кириллова монастыря (РИБ, т. XXXI, стб. 265), так как Сильвестр был знаком с Артемием и имел доступ к его книгам. Список "Прения", представляющий первоначальный вид дефектного архетипа, сохранился в Синод. 738 - сборнике, попавшем в ХУ в. в патриаршую библиотеку, что, возможно, свидетельствует о создании или распространении "Прения" именно в Москве.

Итак, наиболее вероятное время создания "Прения с Иосифом" - начало 1550-х годов, наиболее вероятный его автор - старец Артемий. В рукописной традиции и в сознании младших современников "Стоглава" встретились сочинения "нестяжателей" двух поколений - Вассиана и Артемия: Вассианова кормчая второй половины 20-х гг. и "Прение с Иосифом" начала 1550-х гг., где содержатся excerpts из "Слова о еретичех", "Собрания некоего старца", "Списания на Иосифа" и "Слова ответа". Теперь у нас есть основания различить два этих потока, заново оценить историческую дистанцию, разделяющую ранних "нестяжателей" 10-20-х годов и их последователей и учеников середины XVI столетия.

- I Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1960. Кн. III. Ч. 5-6. С. 387.
- 2 Павлов А.С. Poleмические сочинения инок-князя Вассиана Патрикеева (XVI ст.) // Православный собеседник. 1863. Сентябрь. Кн. 3. С. 95-112; октябрь. С. 180-210.
- 3 Казакова Н.А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 275-281. Далее эта книга цитируется сокращенно (Казакова) или в тексте в скобках указываются ее страницы.
- 4 A Historical Russian Reader / Ed. by J. Fennel and D. Obolensky. Oxford, 1969. P. 120-125.
- 5 Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 113-114.
- 6 Казакова Н.А. Новый список сочинений Вассиана Патрикеева // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 194-197.
- 7 Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV - начала XVI века. М.; Л., 1960. С. 434.
- 8 Павлов А.С. Исторический очерк секуляризации церковных земель в России. Одесса, 1871. Ч. I. С. 79.
- 9 Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 278-279.
- 10 Казакова. С. 154-155.
- II Земин А.А. Источниковедческие проблемы истории раннего нестяжательства // Ученые записки Казанского гос. пед. института. 1974. Вып. 121. С. 94-95.
- 12 Ostrowski D. A "Fontological Investigation of the Muscovite Church Council of 1503. The Pennsylvania State University, 1977. P. 186-239.
- 13 Zernov N. Moscow the Third Rome. 2 ed. London, 1938. P. 40.
- 14 Первое сообщение об итогах этой работы см.: Ostrowski D. Church Polemics and Monastic Land Acquisition in Sixteenth-Century Muscovy // The Slavonic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 3. P. 363.
- 15 Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства" первой трети XVI века. Автореф. канд. дисс. М., 1986. С. 17-19.
- 16 Сборник в 4^о, на 442 лл. Маркировочные знаки бумаги: "сфера-1" - Лихачев 3438 (1564 г.), "сфера-2" - Лихачев 3439 (1564 г.), "кувшин-1" - Лихачев 1885, 1886 (1567 г.), "розетка" - Лихачев 1894 (1567 г.), "кораблик" - Лихачев 1897 (1567 г.), сходен Piccard, "Anker" - УП, 63-64: 1560-1568), "астролябия" - Лихачев 1763, 1667, 1668 (1553-1555 гг.), "сфера-3" - Briquet 14056, 14057 (1548-1554 гг.), "кувшин-2" - нет в альбомах, "сфера-4" - нет в альбомах, "перчатка-1" - сходен Лихачев 3355 (1564 г.), "перчатка-2" - нет в альбомах, "сердце под короной" - Лихачев 1766 (1555 г.), "перчатка-3" - Briquet 10874 (1566 г.). На л. 407 в главе "Начало великим князем русским" последний указан Иван IV.
- 17 Сборник в 4^о, на 494 л. Бумага без филиграней, поэтому датирован рукопись по почерку.
- 18 Сборник в 4^о, на 586 лл. Маркировочные знаки бумаги: "кувшилик-1" - Briquet 12793 (1583 г.), "сфера" - сходна Лихачев 1892 (1567 г.), "кувшилик-2" - Briquet 12877 (1591 г.).
- 19 Конволютный сборник в 4^о, на 315 лл. Блок с сочинениями Вассиана - лл. 35-39 - имеет самостоятельное происхождение: маркировочный знак бумаги - "штут" - сходен Тромонди

- 384-385 (1676-1682 гг.).
- 20 С₂ на л. I об. имеет экслибрис: "Игумена Иакова Соловецкаго" (Иаков был игуменом в 1581-1597 гг.: Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 816. Переписчик С₁ Варлаам Симица, возможно, работал по заказу Филиппа Колычева, во всяком случае, его рукой переписано евангелие последней четверти XVI в. с записью на л. I2: "Соловецкаго игумена Филиппа Колычева". См.: Русская рукописная и старопечатная книга в личных собраниях Москвы и Подмосковья. М., 1983. С. 30-31, 90-93.
- 21 Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства". С. I2-I3 (уточняем обоснованную здесь датировку на основании нового толкования показаний Берсена Беклемишева о времени ареста Максима, см.: Плигузов А.И. Кормчая Вассиана Патрикеева // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1988. С. 48-49).
- 22 Подробнее см.: Плигузов А.И. "Списание на Иосифа" и "Ответ кирилловских старцев" // Исследование по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1990 (в печати).
- 23 Седелников А.Д. Досифей Топорков и Хронограф // Известия АН СССР. 1929. Уп серия. Отделение гуманитарных наук. № 9. С. 760-763.
- 24 Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства". С. I0. Исключаем датировку послания Челяднину 1513-1515 годами, потому что в последние годы жизни Иосиф ослеп (ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Отд. II. С. 43, 46) и передал управление монастырем Даниилу (ГБЛ. Волок. 39. Л. I; ЧОИДР. 1903. Кн. 3. Отд. II. С. 43, 46).
- 25 Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства". С. I0, I8.
- 26 Анхимюк Ю.В. "Списание на Иосифа" - памятник антииосифлянской публицистики начала XVI века // Записки ОР ГБЛ (в печати).
- 27 Плигузов А.И. Памятники раннего "нестяжательства". Он же. Вступление Вассиана Патрикеева в полемику о монастырских землях и творческая история "Собрания некоего старца" // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 4-48; он же. Кормчая Вассиана Патрикеева.
- 28 Ср.: Серафимов А. Практика и правила церкви о присоединении неправославных к православию. Кострома, 1886.
- 29 Documenta Pontificum Romanorum Historiam Ucrainae Illustrantia (1075-1953). Romae, 1953. T. I. № 82-83. P. 145-148 etc.
- 30 Русский феодальный архив XIV - первой трети XVI века. М., 1986. Ч. I. № I4. 24, 34, 51; М., 1988. Ч. IV. С. 895; РИБ. СПб., 1880. Т. VI. № 84.
- 31 Послания Иосифа Волоцкого. С. I60-I68.
- 32 Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси. XIV - начала XVI в. М.; Л., 1955. С. 506.
- 33 Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества. М., 1911. Т. V. Протоколы. С. 32-34;

- Лурье Я.С. Идеологическая борьба. С.325-331; Lilienfeld F. von. Nil Sorskiy und seine Schriften. Berlin, 1963. S.159-162.
- 34 См.: Клосс Б.М. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII вв. М., 1980. С.84-87; он же. Нил Сорский и Нил Полев - "писатели книг" // Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1974. Сб.2. С.150-167.
- 35 Лурье Я.С. Идеологическая борьба. С. 314-315.
- 36 См.: Клосс Б.М. Нил Сорский и Нил Полев; Никола Сорского предание и устав. СПб., 1912. С.10-11; Архангельский А.С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев, их литературные труды и идеи в Древней Руси. СПб., 1882. С.43. Прим.110.
- 37 Лурье Я.С. Устав Корнилия Комельского в сборнике первой половины XVI в. // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С.253-260. Впервые на это обстоятельство обратил внимание С.И.Смирнов; Смирнов С.И. Как служили миру подвижники Древней Руси? Сергиев Посад, 1903. С.58.
- 38 Казакова. С.296.
- 39 Русский феодальный архив XIV - первой трети XVI века. М., 1987. Ч.Ш. С.658.
- 40 Плигузов А.И. Противостояние митрополичьей и Вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 года // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1985. С.60-62.
- 41 Там же. С.54-60.
- 42 Истины показание к воспросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863. С.927.
- 43 Плигузов А.И. Противостояние. С.35-36; Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. СПб., 1909. С.289-292.
- 44 Антифеодальные еретические движения. С.468.
- 45 Истины показание. С.910.
- 46 Плигузов А.И. Летописчик Иосифа Санина // Летописи и хроники. М., 1984. С.182.
- 47 Плигузов А.И. Вторая редакция мниейного жития Иосифа Волоцкого // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1984. С.29-55.
- 48 ГИБ. Погод.1564. Л.57.
- 49 Казакова. С.266, 269, 284.
- 50 Плигузов А.И. Вступление Вассиана Патрикеева в полемику. С.37-39.
- 51 Дата установлена в кн.: Носов Н.Е. Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С.73-74; ср.: Зимин А.А. И.С.Пересветов и его современники. М., 1958. С.155-156.
- 52 См.: Вилинский С.Г. Послания старца Артемия (XVI века). Одесса, 1906; Зимин А.А. И.С.Пересветов. С.153-168.
- Русская историческая библиотека. СПб., 1878. Т.IV. Кн.1 (далее: РИБ, т.IV).
- 53 АЛЭ. Т.I. № 238. Ш. С.246-248; № 238.IV. С.248-249. См.: Емченко Е.Б., Курукин И.В. К изучению публикаций "дела Висковатого" и формирования его состава // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С.68-75.
- 54 АЛЭ. Т.I. № 239. С.249-256.
- 55 РИЛ. СПб., 1904. Т.II. Ч.I. С.233.

- 56 Ср.: Аксенов П. Моисеево уголовное право. СПб., 1904; Newman L. Jewish Influence on Christian Reform Movement. N.-Y., 1925.
- 57 Рушинский Л.П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков. М., 1871. С.333-334.
- 58 Длитузов А.И. Вступление Вассиана Патрикеева в полемику. С.41-42.
- 59 Синицына Н.В. Максим Грек в России. М., 1977. С.193-210.
- 60 Иконников В.С. Максим Грек и его время. Изд.2. Киев, 1915. С.528-537.
- 61 РИБ. Т.VI. Стб.783. О жанре "Прения" в византийской и южнославянской книжности см.: Trapp E. Manuel II Palaiologos Diloge mit einem "Perseer". Wien, 1966; Трифуновић Б. Азбучник српских средњовековних књижених појмова. Београд, 1974. С.262-263.

ПЕРЕПИСКА ПАПСКИХ НУНЦИЕВ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (вторая половина ХУІ в.). ИЗУЧЕНИЕ И ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Среди источников по истории распространения католического влияния в украинско-белорусских землях Речи Посполитой важное место принадлежит донесениям папских нунциев. Поскольку они являлись постоянными полномочными представителями папства, через их руки проходила значительная часть информации, отправлявшейся в Рим. Нунции вели постоянную переписку с духовными и светскими лицами, география и социальный состав их корреспондентов был очень разнообразен. На основании сведений, почерпнутых из переписки, и на основании собственных непосредственных впечатлений они отправляли регулярные донесения в Рим. Нунции находились в курсе всех наиболее важных событий, происходивших в стране, координировали или, по крайней мере, пытались направить в одно русло деятельность различных институций католической церкви (епископат, среднее и низшее духовенство, монашество). Деятельность нунциев и их переписка дают возможность рассматривать политику католической церкви как целое во взаимодействии ее частей. В контексте переписки нунциев деятельность ордена иезуитов (равно как и других монашеских орденов) может рассматриваться именно через призму ее включенности в общее русло политических планов папства. Поэтому упрощенное представление об ордене иезуитов как решающем факторе наступления, победы Контрреформации в Речи Посполитой в свете этой переписки должно быть существенным образом скорректировано.

Специфика данного вида источников заключается в том, что донесения представляют собой как правило непосредственный отчет о том или ином событии. Важно и то, что они посылались регулярно и, таким образом, дают возможность охарактеризовать деятельность католической церкви не только в статике, но и в динамике.

В донесениях нунциев нашел отражение довольно широкий

круг вопросов — дипломатические и политические комбинации, военные действия, взаимоотношения в среде господствующего класса, положение католической церкви, борьба с протестантизмом, привлечение на свою сторону православных магнатов и шляхты, деятельность католических миссионеров — организация учебных заведений, печатание книг, проповедничество и др. В то же время почти ничего не встретим мы в них о положении социальных низов, о классовой борьбе народных масс, их настроениях и т.п. Кроме того, естественно стремление нунция несколько приукрасить результаты своей деятельности. Однако наличие других источников (папские буллы, бреве, материалы посольств, переписка государственных лиц, полемическая литература, актовые материалы и др.) дает возможность нарисовать более широкую картину событий, проверить, дополнить или опровергнуть сообщения нунциев.

Интересующие нас материалы находятся на стыке польско-русских взаимосвязей и взаимоотношений второй половины XVI в. в их многообразных переплетениях с историей международных отношений этого времени. Естественно поэтому, что переписка нунциев привлекла внимание польских и русских историков.

Политика папства на Востоке Европы имела конечно свою специфику по отношению к Речи Посполитой, ее восточно-славянским землям, Русскому государству. Главная цель заключалась в распространении католического влияния на Русское государство. Речи Посполитой отводилась роль оплота католичества в Восточной Европе, откуда можно было бы двигаться дальше либо вооруженным, либо мирным путем. Восточно-славянские земли Речи Посполитой должны были выполнять роль своего рода "тройного коня" — пример православного населения этих территорий, их союз с Римом должны были стать побудительным мотивом и для Московии. В связи с этим есть все основания, изучая распространение католического влияния на восточно-славянских землях Речи Посполитой, рассматривать его в более широком контексте. Все это наложило отпечаток и на характер источников, их содержание.

Поиск материалов итальянских архивов и библиотек по интересующей нас теме начал в конце ХУШ в. польский исследователь Ян Альбертранди (1731-1808). В течение почти 20 лет он был членом иезуитского ордена, но с разрешения руководства вышел из его состава, оставшись священником. Поощряемый королем Станиславом Августом в 1782-1785 гг. он находился в Италии, где собрал большое количество источников по истории Польши в римских и неаполитанской библиотеках. Вскоре после возвращения на родину он в составе посольства отправился в Швецию, где также сделал несколько десятков томов выписок. В 1796 г. он был возведен в сан епископа Зенополитанского, а затем стал одним из основателей и председателем Общества любителей наук. Я. Альбертранди писал и исторические труды, однако они не отличаются оригинальностью - это главным образом не критические и механические парафразы из источников и исследований¹. Материалы переписки нунциев, собранные Я. Альбертранди, были опубликованы в XIX в. польскими историками². Они сыграли свою роль также в ориентировании архивных поисков русских ученых-собираателей древностей.

В первой половине XIX в. на фоне бурной археографической деятельности в России усилился интерес и к изучению материалов иностранных и в том числе итальянских архивов и библиотек³. Важным событием русской исторической науки стало издание Археографической комиссией "Актов исторических", собранных А. И. Тургеневым⁴.

Интерес к собиранию древностей, касающихся истории России, пробудился в нем еще во время пребывания в Геттингенском университете (1802-1804). В 1809 г. он получил от Я. И. Булгакова выписки, сделанные Я. Альбертранди (Белгакову, тогдашнему посланнику в Варшаве, они были переданы королем), а в 1814 г. предложил Н. П. Румянцеву издать рукопись польского исследователя, составленную из материалов Ватиканской библиотеки. Издание не состоялось, но это навело Н. П. Румянцева на мысль снять в Риме копии документов, относящихся к

истории России⁵.

Особенно интенсивно археографическая деятельность А.И. Тургенева началась с середины 20-х гг. XIX в., когда он вышел в отставку и уехал за границу (1825), лишь изредка приезжая в Россию. Ему удалось поработать даже в закрытом для исследователей Ватиканском архиве (правда, копии документов были подобраны по указанию префекта архива М.Марини). Важным подспорьем стали для Тургенева выписки Альбертранди. При работе с этими материалами ему оказывал помощь также С.Чиаппи⁶, известный своими разысканиями в области итальянско-русских связей⁷. Таким образом, А.И.Тургенев в полной мере опирался на проделанные ранее исследования. Указав на обилие в архиве папских булл, он обратил особое внимание на важность нунциатурных материалов⁸. А.И.Тургенев не ограничился документами, полученными от М.Марини непосредственно в архиве — он находился с ним в переписке⁹ и значительную часть копий получил по почте¹⁰.

В 1839 г. собранные материалы были переданы в Археографическую комиссию. А.И.Тургенев ревниво относился к тому, чтобы его вклад был должным образом оценен, и был недоволен предисловием, написанным А.Х.Востоковым по его мнению слишком сжато и суко¹¹.

В основу издания были положены сборник выписок Я.Альбертранди и документы, подобранные М.Марини. Причем все они были расположены в хронологической последовательности так, что "между актами, приобретенными через графа Марино Марини, вставлены Альбертрандиевы"¹². В то же время основная тенденция сборника определялась взглядами самого А.И.Тургенева. Он относится к числу типичных представителей русского либерализма первой половины XIX в.¹³ Будучи врагом крепостничества, он оставался приверженцем конституционной монархии, был против крайностей вооруженной борьбы, восстания. А.И.Тургенев прекрасно разбирался в религиозных вопросах в западных губерниях Российской империи: в 1810—1824 гг. он был директором департамента Главного управления духовных дел иностранных исповеданий. На протяжении всей своей жизни он высказывал отрицательное отношение к католической церкви и

особенно к иезуитам¹⁴. В то же время он с симпатией относился к протестантизму, который являлся для него символом прогрессивного буржуазного развития¹⁵. Католицизм же ассоциировался с миром деспотизма, крепостной неволи, обскурантизма¹⁶. Можно думать, что и униатская церковь, подчинявшаяся папскому Риму, вызвала его негативную оценку. Выход сборников в свет в начале 40-х годов XIX в. был, по всей вероятности, не просто результатом случайного стечения обстоятельств. В 1839 г. униатская церковь была полностью ликвидирована на территории Западных губерний Российской империи. В этом же году А.И.Тургенев писал К.С.Сербиновичу, который в октябре 1836 г. был назначен директором канцелярии обер-прокурора св.Синода и в этой должности принимал участие в деле ликвидации униатской церкви, — "из Рима пишет ко мне Марини, что готовит для меня 30 документов Поссевина... а Поссевин — автор Унии, коей вы Герострат! Очень кстати"¹⁷. Актуальным был в это время и польский вопрос, что также нашло свое отражение в документах сборника А.И.Тургенева.

Материалы сборника представляли Россию как независимую суверенную державу, проводящую независимую политику, обладающую собственной историей и длительной традицией взаимоотношений с европейскими странами. Они рисовали наступательные планы папства в отношении Русского государства, планы создания церковной унии, борьбу России с Польшей за выход к Балтийскому морю. Все эти вопросы нашли отражение в донесениях нунциев, включенных в сборник. В то же время эти материалы были представлены здесь лишь фрагментарно.

В 1848 г. вышел еще один дополнительный том к сборнику А.И.Тургенева¹⁸. Материалы для него были подготовлены по желанию С.С.Уварова — они были скопированы в 1844 г. в Ватиканском архиве при содействии М.Марини¹⁹. Появление этого сборника в 1848 г. было очень кстати: в 1847 г. перед лицом нарастающего в Европе революционного движения между Россией и папским престолом был заключен конкордат, определявший положение католической церкви в России²⁰. Очевидно, не случайно основную часть материалов этого тома заняли бумаги А.Пос-

севино – папского легата, посредника при переговорах между Россией и Польшей. Это должно было подчеркнуть давность русско-папских контактов, но при этом показать, что Россия всегда проводила независимую политику и надеяться на ее подчинение католическому влиянию нет никаких оснований.

В середине XIX в. активную деятельность по разысканию и публикации документов Ватиканского архива и в том числе нунциатурных материалов развернул – сначала в сотрудничестве с М.Мариши, а затем и самостоятельно – префект архива А. Тейнер. Он опубликовал целую серию документальных сборников и написал ряд исследований²¹. Основная тематика его работ и публикаций документов – политика папства по отношению к южным славянам, Венгрия, Польша, Литва, Швеция, Россия. В сфере его интересов важное место принадлежит взаимоотношениям папства с государствами Восточной Европы – Россией и Польшей. Этот вопрос приобрел для папского престола особую актуальность – в Риме вызвало большую озабоченность положение униатской и католической церквей в России.

А.Тейнер ставил перед собой совершенно определенные апологетические цели – показать роль и значение папства в истории народов Европы и в том числе восточно-славянских в самом выгодном свете. Представить папство как бескорыстного миротворца, окружающего своей пастырской заботой всех христиан, подчеркнуть тяготение к апостольской столице, которое встречало там благожелательный отклик. При этом затушевывались корыстные цели папской политики, стремление через посредство церковной унии, а то и вдохновляя открытое вооруженное вторжение, включить Россию в орбиту своего политического влияния.

Все это определило и характер отбора материалов для одного из его самых обширных сборников²². Для последующих исследователей это издание послужило своего рода путеводителем по архиву. Ф.Вержбовский, работая в 1880 г. в Ватиканском архиве и имея возможность просматривать те тома, которыми пользовался А.Тейнер, пришел к выводу, что последний опустил значительную часть материалов. Это было связано не толь-

ко с тем, что напечатать все было невозможно просто физически. А.Тейнер старался использовать те документы, которые более всего подходили для его концепции²³.

Подобные же апологетические цели ставили перед собой русские члены Общества Иисуса. Среди их работ особенный интерес для нас представляют исследования П.Пирлинга. В ранней юности он вступил в орден иезуитов и решил посвятить себя изучению истории взаимоотношений папства с Россией. В 1872–1876 гг. он занимал должность ассистента секретаря генеральной конгрегации ордена. Затем приехал в Париж и начал сотрудничать здесь с русскими членами иезуитского ордена. После опубликования в 1880 г. так называемой "славянской" энциклики Льва XIII и в результате усилий, приложенных этим папой для возобновления союза с Россией, их работы приобрели почти официальный характер²⁴.

Перу П.Пирлинга принадлежит целый ряд крупных исторических исследований, которые он собрал и обобщил в работе "Россия и папский престол"²⁵. В то же время он занимался и публикацией источников. Они печатались либо в качестве приложений к его работам²⁶, либо как самостоятельные издания документов²⁷. Наибольшее количество опубликованных им материалов относится к миссии А.Поссевино. Это, конечно, не случайно. Посредничество А.Поссевино при заключении мира между Россией и Польшей давало возможность показать роль папства как активного и "бескорыстного" поборника объединения всех христианских правителей и народов в борьбе против турецкой агрессии и его стремление к церковному союзу. По мнению П. Пирлинга, католическая церковь должна была выполнить в России свою историческую культурную миссию. Оценивая историческое значение Флорентийской унии, он писал: "Не лежала ли на ней божественная печать? Не суждено ли было ей сблизить народы, облегчить их мирное преуспеяние, открыть человечеству путь к великим целям, предначертанным свыше? Прошли века, а мысль о ней все еще носится в воздухе... Так делу Исидора суждено было историческое бессмертие"²⁸. И далее: "Да позволено будет нам выразить ... глубокое сожаление по поводу

того, что ... русский национальный гений остался более или менее чужд влияниям латинского духа... Духовное общение с Римом должно было бы содействовать освобождению русских людей из-под власти вековых предрассудков"²⁹. В связи с этим невольно вспоминаются мысли А.И.Герцена, который не понимал, как можно ради избавления от тирании царизма становиться под власть тирании папства³⁰.

В 80-х годах XIX в. в изучении материалов Ватиканского и итальянских архивов и библиотек произошел качественный скачок. Это было связано с целым рядом причин и среди них важную роль сыграло открытие в 1881 г. Ватиканского архива для широкого круга исследователей. Такое решение следует рассматривать в общем контексте политической линии папы Льва XIII, который всячески содействовал укреплению позиций католицизма в условиях обострения социальных конфликтов, роста рабочего движения. В октябре 1883 г. в одном из французских журналов было напечатано воззвание Льва XIII к кардиналам - вице-канцлеру де-Луке, библиотекарю Питре и начальнику архивов Ватикана Гергенретеру, призывающее их принять меры против искажения истории католической церкви и папства. Появление этого документа было связано со стремлением разрешить вопросы итальянской жизни, но он имеет и более общее значение, в нем шла речь о научных разработках по всеобщей истории и о преподавании ее в университетах и школах. "Нужно постараться выставить на вид безмерные заслуги папства по отношению к Европе"; необходимо, чтобы "оскорбительные обвинения, давно уже собираемые против римских первосвященников, пристойно и научно были рассеяны"; чтобы "тощим повествованиям противопоставлены были трудолюбивые и зрелые исследования, чтобы вместо недоказуемых положений явилась ученая критика. Необходимо энергично приняться за опровержение лжи и клеветы, прибегнув для этого к источникам. С этой целью мы уже распорядились, чтобы открыты были для пользования все источники, которыми располагают наши архивы", - говорилось в воззвании³¹.

Европейские историки не заставили себя ждать. В целях

систематического обследования богатейших коллекций Ватиканского архива был создан ряд исторических миссий и институтов³². Они представляли собой постоянно действующие учреждения, задача которых состояла в подборе материалов, относящихся к истории соответствующих стран. В Риме были основаны Австрийский (1881), Прусский (1888) исторические институты, институт католического общества Герреса. Здесь были созданы также Французская школа (1875), Бельгийский (1902) и Голландский исторические институты. Кроме того для работы в Ватиканском архиве были отправлены миссии испанцами, венграми, швейцарцами, датчанами, шведами, чехами, финнами³³.

Зимой 1885–1886 гг. по поручению Исторической комиссии Краковской академии наук архивную работу в Италии начали два ее члена – приват-доценты Краковского университета В.Абрахам и Б.Дембинский. Последнему было поручено разыскание документов XVII–XVIII вв.³⁴. В 1887 г. Галицкий сейм выделил Краковской академии наук средства, что позволило ежегодно отправлять в Рим комиссию из 2–3 человек. Учрежденной в 1886 г. специальной экспедицией руководили вначале С.Смолка, а затем с 1887 г. В.Абрахам³⁵. Хотя польский “институт” и не был создан, работа комиссии польских историков³⁶ дала обильные плоды. Периодически публиковавшиеся отчеты членов комиссии, а затем и опубликованные документы показали существование большого количества материалов не только по польской, но и по русской истории, истории восточно-славянских земель Речи Посполитой³⁷. Польские историки обратили большое внимание на изучение и публикацию переписки нунциев в Польше. В этой работе они опирались на уже существовавшую в польской археографии традицию³⁸. Результатом работы комиссии польских историков стало в частности прекрасное издание переписки нунциев за период 1578–1595 гг.³⁹

Изучением переписки нунциев в Ватиканском архиве занимались и русские историки – профессора Варшавского университета Ф.Вержбовский и Н.Любович. Наиболее важным результатом изысканий Ф.Вержбовского по названной теме стала публикация доцесений нунция В.Лаурео⁴⁰. Материалы переписки нун-

циев вошли также в подготовленное им обширное издание документов польского примаса Я.Уханьского⁴¹. Н.Любович опубликовал несколько документов из фонда Польской нунциатуры в приложении к статье, в которой обратил внимание на необходимость учитывать роль нунциев в деле победы католической реакции в Речи Посполитой⁴².

В то же время работы русских историков в этом направлении носили спорадический характер, проводились в соответствии с научными интересами каждого конкретного исследователя. В исторической прессе стали раздаваться призывы в пользу открытия в Риме русского исторического института или комиссии⁴³. Е.Ф.Шмурло в докладе, подготовленном для выступления на XI Археологическом съезде в Киеве, писал о том, что важное значение материалов Ватиканского архива привело к образованию ряда правильно организованных и преследующих вполне определенные цели учреждений, работа которых приобрела большее или меньшее постоянство и ведется в соответствии с определенной программой с тем, чтобы разработка этих материалов не зависела от случайных усилий и от субъективного интереса отдельных лиц⁴⁴. В целях систематического обследования Ватиканского и итальянских архивов и библиотек и выявления по возможности всех материалов, относящихся к русской истории, Е.Ф.Шмурло предлагал учредить в Риме русскую историческую комиссию в составе трех человек⁴⁵. Его усилия в этом направлении увенчались успехом не в полной мере: дело окончилось учреждением в Риме должности ученого корреспондента при историко-филологическом отделении Академии наук. На эту должность по конкурсу в январе 1903 г. был избран Е.Ф.Шмурло. Программа занятий ученого корреспондента предусматривала обследование и опись важнейших фондов итальянских архивов и библиотек, касающихся русской истории⁴⁶.

Евгений Францевич Шмурло (1853-1934) единственный русский историк, который на протяжении почти 30 лет (из них 20 - в должности ученого корреспондента) систематически работал в итальянских архивах и библиотеках. По интересующему нас вопросу он подготовил прекрасную опись Польской нун-

циатуры за период второй половины ХVI в. наряду с описанием содержания томов нунциатуры сюда были включены наиболее интересные документы на языке оригинала (латынь, итальянский) или в переводе на русский язык. Характер издания (отчеты) наложил отпечаток на форму подачи документов — к сожалению, многие из них теряются в тексте, не выделены специально, как это делается при издании сборников документов. Опубликованные в приложениях к описи материалы⁴⁷ сгруппированы по отдельным сюжетам и для полноты требуют привлечения других изданий. Впрочем, напечатанные здесь документы представляют и самостоятельную научную ценность. Отчеты Е.Ф.Шмурло дают возможность ориентироваться не только в архивных фондах Польской нунциатуры, но и в массе документальных материалов, опубликованных в различных изданиях, без опасений, что какие-либо из них не учтены.

Е.Ф.Шмурло подготовил также к изданию сборник документов, который стал итогом его многолетних архивных разысканий⁴⁸. К сожалению, он был отпечатан не полностью. Работы Е.Ф.Шмурло носят во многом дополнительный характер к публикациям А.И.Тургенева, А.Тейнера, П.Пирлинга, Ф.Вержбовского и др., но их значение и достоинство именно в том, что они дают систематическую сводку всего материала.

Какими же теоретическими принципами руководствовался Е.Ф.Шмурло в своей научной деятельности? Не всегда достаточно просто соотнести общие идейные, методологические посылки автора исторического труда и подготовленного им сборника документов. И все же эта связь существует. В данном случае ее, очевидно, следует искать не только в принципе отбора документов, но и в исследовательском интересе именно к этому виду источников.

Е.Ф.Шмурло относится к числу представителей русской буржуазно-либеральной историографии конца XIX — начала XX вв. Его исторические взгляды сформировались под влиянием концепции С.М.Соловьева. Естественно поэтому обращение Е.Ф.Шмурло к вопросу о взаимоотношениях России и Западной Европы. В этом отношении он стал продолжателем споров, которые проис-

ходили между славянофилами и западниками в середине XIX в. и вновь возникли в конце века. Одним из центральных вопросов, вокруг которого шли дискуссии, был вопрос о Петровских преобразованиях. Е.Ф.Шмурло также занимался разработкой этой темы. По его мнению, Петр прямо и открыто поставил вопрос, который можно считать за основной вывод всей его деятельности: "коснет ли заведомо в старине или обильно черпать знания у тех, кто им обладает?"⁴⁹. Он полностью разделял взгляд С.М. Соловьева на Петра – разрыва между прошлым и новым не было, новая Россия началась еще задолго до Петра⁵⁰. Поэтому обращение Е.Ф.Шмурло к истории XVI в. было вполне закономерным⁵¹. Именно грань между XV и XVI вв. по его мнению ознаменовала начало новой истории России – "эпоха уделов, феодализма, мелкой раздробленности сменилась эпохой объединенных государств, крупных политических центров"⁵². В XVI-м веке Русское государство вступило в "магический круг международной европейской жизни", что рождает сознание необходимости вырабатывать и отыскать средства для самозащиты и нападения. "XVI век выработал это сознание, а Петр Великий разрешает и самую задачу"⁵³.

Для Е.Ф.Шмурло взаимосвязи, контакты России с Европой были не только важным условием ее прогрессивного развития, но и средством оторваться от "вынужденной, навязанной, неотвязчивой" азиатской истории. По его мнению, "Европа – символ культуры, развития, движения. Азия – это застой и варварство. Вместе им никогда не ужиться... История России – это равнодействующая, образованная двумя силами, из которых каждая лишь противодействовала другой"⁵⁴.

Резюме исторических взглядов Е.Ф.Шмурло содержится в его лекции о С.М.Соловьеве, прочитанной в 1930 г. в Белграде⁵⁵. Он считал, что историческая концепция С.М.Соловьева осталась в силе и была исправлена лишь в отдельных частях⁵⁶. Основные устои русской жизни, которые сложились за 1000 лет исторического существования России, выявленные С.М.Соловьевым – это "чувство Государственности, Просвещения, Православия, Прогресс, не исключаящий традиций, и традиции, не ис-

ключающие Прогресса", на них "должна строиться и наша современная жизнь"⁵⁷. В свете этих высказываний становится понятным, почему Е.Ф.Шмурло не принял Октябрьскую революцию, почему не вернулся на родину, почему в своем учебном пособии по истории России он писал, что "Манифест 17 октября стал краеугольным камнем нового государственного строя, открыл новую эру в русской жизни"⁵⁸, а свое изложение закончил февралем 1917 г.

Если для Е.Ф.Шмурло и важно было показать исторические связи России с Европой и с Италией, папством как средоточием важных политических, идеологических процессов средневековой Европы, он все же исходил при этом из интересов России и в этом смысле являлся продолжателем той линии в историографии, археологии, которая представлена сборником А.И.Тургенева. Все это, однако, не помешало ему сблизиться с П.Пирлингом не только в личном, но и в научном плане. Октябрьская революция провела новые разграничительные линии политических и историографических позиций.

В 1924 г. должность ученого корреспондента в Риме была упразднена. На этом систематическое обследование материалов итальянских архивов и библиотек по русской истории закончилось. Е.Ф.Шмурло переехал в Прагу, основал там Русское историческое общество и был его председателем, а также членом Совета и ученой комиссии Русского заграничного исторического архива. Последователей и учеников, которые бы подхватили и успешно завершили начатое дело, у него не оказалось.

Работа римской комиссии польских историков также не получила серьезного продолжения. Лишь в конце 50-х годов в Риме начали систематические занятия польские католические исследователи.

После Второй мировой войны значительно активизировалась публикаторская деятельность представителей украинских клерикальных кругов за рубежом. В 50-х годах в Риме начала издаваться большая документальная серия⁵⁹, которая стала результатом многолетнего обследования материалов Ватиканс-

кого архива коллективом исследователей – воспитанниками папской Коллегии св.Иосафата. Эта публикация представляет собой клерикально-националистическую линию в трактовке политики папства на восточно-славянских землях⁶⁰, что наложило отпечаток и на издание переписки нунциев. Составители видели свою задачу в том, чтобы выбрать из нее лишь те материалы, которые имеют отношение к Украине. Цель издания определила и характер отбора документов – в хронологической последовательности помещены донесения нунциев, в которых содержатся сведения об Украине, независимо от того, кто был этот нунций и куда был направлен⁶¹. Составители обращают внимание на то, что в XVI в. преобладание польского элемента привело к переходу в католицизм многих представителей украинской шляхты и магнатства, следствием чего стал упадок национальной, социальной, церковной и духовной жизни Украины. Флорентийская уния, принятая здесь, в течение XVI в. почти полностью исчезла под влиянием Московии и константинопольских патриархов⁶². Из этого тяжелого положения Украину вывели два обстоятельства – формирование казачества и Брестская церковная уния⁶³. Особое место в этой концепции уделяется пастырской миссии апостольской столицы, которая через посредство своих представителей – нунциев – оказывала украинской православной иерархии помощь и поддержку. Издатели стремились также показать роль и значение казачества, в том числе в европейских делах, в борьбе против турецкой и татарской агрессии. Со страниц этого издания оно идеализированно предстает как сила, принимающая участие в решении различных, главным образом внешнеполитических вопросов, сила, которая становится впоследствии "основой украинской государственности". Что же касается церковной унии, то она преподносится как событие, ориентирующее Украину на Запад, приобщающее ее к достижениям католической историко-культурной общности и ограждающее ее от московских и византийско-православных влияний. В этих построениях уния рассматривается исключительно как прогрессивное событие, плодотворно повлиявшее на различные стороны общественной жизни Украины.

В таком же ключе осуществлено и другое издание украин-

ской клерикальной эмиграции⁶⁴. Воспроизводя в подборе источников указанную выше концепцию унии, оно обращает большее внимание на религиозную сторону вопроса и носит (и по сравнению с указанным выше василианским и по сравнению с другими изданиями) вторичный характер. Лишь иногда включаются новые неопубликованные материалы, которые как правило проясняют детали, но ни влияют на принципиальный пересмотр концепции унии, ни сообщают сведений первостепенной важности. Значение этого сборника в том, что он дает хорошую сводку материалов и может служить справочным пособием, но и то лишь в определенных пределах, поскольку сюда включены либо указаны документы, характеризующие историю церковно-религиозной жизни на Украине прежде всего с точки зрения подготовки и дальнейших судеб Брестской церковной унии. Причем весь этот вопрос рассматривается под углом зрения взаимоотношений с апостольской столицей. Такой подбор источников значительно упрощает проблему. Составители обходят своим вниманием целый ряд важных вопросов, которые затрагиваются в предшествующих изданиях, включающих переписку нунциев и основанных на ватиканских и итальянских материалах: дипломатическая сторона деятельности нунциев, политические планы папства в отношении Речи Посполитой, Русского государства, восточно-славянских земель Речи Посполитой.

Рассмотренные публикации, содержащие в себе переписку папских нунциев в Польше, являются результатом двухвекового изучения этих материалов. Проблемы общественной жизни, политические комбинации, общий ход развития исторической науки определили направленность этих публикаций, положенные в их основу археографические принципы. В изучении материалов переписки нунциев можно выделить по крайней мере два этапа, гранью между которыми являются 80-е годы XIX в. Издания первого периода осуществлялись отдельными исследователями, не связанными между собой единством замысла, цели, программы и характеризуются различными археографическими принципами. Для следующего этапа характерно то, что работа начинает вестись коллективами исследователей, системати-

чески работающих по определенной программе с целью выявления и регистрации всего наличного фонда источников. Вырабатываются единые археографические принципы публикации переписки нунциев.

Издания осуществлялись представителями различных историографических направлений – либерально-дворянского (А.И. Тургенев), буржуазно-либерального (Е.Ф. Шмурло); клерикально-националистического (василиане), продолжившего апологетическую линию А.Тейнера и П.Пирлинга – с присущими для них различными подходами к трактовке папско-русских отношений, политики папства в украинско-белорусских землях Речи Посполитой. Использование всего фонда опубликованных материалов, сопоставление их с другими видами источников открывают широкие возможности и для марксистского исследований этой проблемы, примером чему может служить работа Э.Винтера⁶⁵.

- 1 Polski słownik biograficzny. Kraków, 1935. Т. I. S. 45-46.
- 2 Pamiętniki o dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta, zebrał Jan Albertrandi biskup zenopolitański. Z rękopisów włoskich i kacińskich wyłumaczył Józef Krzeczowski. Wiadomość o życiu Commendoniego... dodał Mikołaj Malinowski. Wilno, 1851. Т. I-II; Relacje nunciuszów apostolskich i innych osób o Polsce od r. 1548 do 1690. Zebrał J. Albertrandi, wydał E. Rykaczewski. Berlin-Poznań, 1864. Т. I-II.
- 3 Иконников В.С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. I. Кн. 2. С. 1433-1447.
- 4 Акты исторические, относящиеся к истории России. СПб., 1841-1842. Т. I-II.
- 5 Иконников В.С. Указ. соч. Киев, 1891. Т. I. Кн. I. С. 157.
- 6 Тургенев А.И. Хроника русского. Дневники (1825-1826 гг.). М.-Л., 1964. С. 100.
- 7 Ciampi S. Bibliografia critica delle antiche reciproche corrispondenze politiche, scientifiche, letterarie, artistiche dell' Italia colla Russia, colla Polonia ed altre parti settentrionali. Firenze, 1834. Т. I-III.
- 8 "Но всего любопытнее, по богатству исторических и дипломатических материалов, бумаги нунциатур, или донесения послов папских. Акты сии расположены по дворам, между тем как буллы следуют одна за другой, по времени объявления оных, без всякого систематического оглавления по материям и предметам. Несчетные богатства для истории!" (Тургенев А.И. Указ. соч. С. 101).
- 9 ИРЛИ АН СССР. Ф. 309. № 1844-1847 (1833-1840 гг.).
- 10 Русская старина. Т. XXXI. 1881. Октябрь. С. 339, 343.
- 11 Там же. С. 319; т. XXXIV, 1882. Апрель. С. 178.
- 12 Акты исторические. Т. I. С. УП.

- 13 Пугачев В.В. Из истории русской общественно-политической мысли начала XIX в. (От А.П.Радищева к декабристам). // Ученые записки Горьковского университета. Горький, 1962. Вып. 57. С. 26. По мнению М.Б.Мокроусовой А.И. Тургенев "был в числе первых русских историков, формулировавших идеи, характерные для буржуазной исторической науки". (Мокроусова М.Б. Исторические взгляды и археографическая деятельность А.И.Тургенева. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М., 1975. С. 24).
- 14 Пугачев В.В. Указ.соч. С.26.
- 15 В 1825 г. он записывает в своем дневнике: "Портрет Лютера Луки Кранаха. С него и памятник на площади. Отсюда воссиял свет - и отсюда свобода Северной Америки". - Цит. по: Пугачев В.В. А.И.Тургенев в 1825-1826 годах (по неизданным материалам). // Ученые записки Горьковского университета. Горький, 1963. Вып.58. С.466.
- 16 Указ.соч. С.470.
- 17 Русская старина. Т.XXXII. 1881. Октябрь. С.343.
- 18 Дополнения к Актам историческим. СПб., 1848.
- 19 Иконников В.С. Указ.соч. Т.1. Кн.2. С.1435-1436.
- 20 Винтер Э. Палство и царизм. М., 1964. С.286-290.
- 21 Перечень работ А.Тейнера см. в кн.: Россия и Италия. СПб., 1907. Т.1. Вып.1. С.41-42.
- 22 *Vetera monumenta Poloniae et Lithuaniae gentiumque finitimarum historiam illustrantia... Romae. T.I-IV. 1860-1864.*
- 23 Отчет УП о научных занятиях за границей в течение 1880 г. кандидата-стипендиата Императорского Варшавского университета Ф.Вержбовского. // Варшавские университетские известия, 1882, № 5. С.31-36.
- 24 Винтер Э. Указ.соч. С.23.
- 25 Pierling P. *La Russie et le Saint-Siège*. Paris, 1906-1914. 2-е ed. Vol.I-V.
- 26 Pierling P. *Un nonce du Pape en Moscovie préliminaires de la trêve de 1582*. Paris, 1884. P.143-214 (appendice).
- 27 Batory et Possevino. Documents inédits sur les rapports du Saint-Siège avec les slaves. Publiés et annotés par le P.Pierling. Paris. 1887; *Listy kardynała de Come do p. Antoniego Possewina T.J.. wyjęte z Archiwum Watykańskiego*. // *Przegląd powszechny*, 1884. T.I. N.1-3; T.II, N.4-6; *Antonii Possevini Missio Moscovitica, Parisiis, 1882.*
- 28 Пирлинг П. Россия и папский престол. Кн.1. Русские и Флорентийский собор. М., 1912. С.25.
- 29 Указ.соч. С.37-38.
- 30 Герцен А.И. Былое и думы // Собр.соч. в 30-ти тт. М., 1957. Т.XI. С.391 и сл.
- 31 Цит. по: Успенский Ф. Сношения Рима с Москвой (Разбор трудов по русской истории о Павла Пирлинга). // *ЭМНП*. Т.ССXXXIV. 1884. Август. С.368-370.
- 32 Любович Н. Иностранние исторические институты в Риме. Варшава, 1914.
- 33 Указ.соч.
- 34 *Dembiński Br. Sprawozdanie z poszukiwań w archiwach i bibliotekach rzymskich szczególnie w archiwum watykańskim*. // *Scriptores rerum Polonicarum. T.XII (Arch.Kom. hist. T.IV)*. Kraków, 1888.

- 35 Monumenta Poloniae Vaticana. Cracoviae, 1915. Т. IV. P. IX.
- 36 Expeditio Romana Polonica.
- 37 Monumenta Poloniae Vaticana. Cracoviae, 1913. Т. I. P. VIII-XI; Ibidem. Cracoviae, 1923-1933. Т. V. Pars. I. P. IX-XI.
- 38 См. примечание 2.
- 39 Monumenta Poloniae Vaticana. Cracoviae, 1915-1950. Т. IV-VII.
- 40 Викентий Лауро, мондовский епископ, папский нунций в Польше, 1574-1578, и его неизданные донесения кардиналу Комскому, статс-секретарю папы Григория XIII, разъясняющие политику римской курии в течение вышеуказанных лет, по отношению к Польше, Франции, Австрии, России, собранные в тайном Ватиканском архиве и изданные Ф. Вержбовским. Варшава, 1887.
- 41 Uchwałańska czyli zbiór dokumentów wyjaśniających życie i działalność Jakuba Uchańskiego... Wydał Teodor Werzbow-ski. Warszawa, 1884-1895. Т. I-V.
- 42 Любович Н. К истории иезуитов в литовско-русских землях. Варшава, 1888.
- 43 Любович Н. Донесения папских нунциев из Германии в XVI в. Историческое обозрение. СПб., 1893. Т. VI. С. 88-96.
- 44 Шмурло Е. Ф. Об учреждении русской исторической комиссии в Риме. М., 1900. С. 5.
- 45 Указ. соч. С. 10.
- 46 Россия и Италия. СПб., 1907. Т. I. Вып. I. С. 3.
- 47 Россия и Италия. СПб., 1913. Т. 2. Вып. 2.
- 48 Памятники культурных и дипломатических сношений России с Италией. Л., 1925. Т. I. Вып. I.
- 49 Шмурло Е. Ф. Русская история. XVIII век. Лекции. СПб., 1884-1885. С. 4-5.
- 50 Указ. соч. С. 46.
- 51 Шмурло Е. XVI-й век и его значение в русской истории. СПб., 1891.
- 52 Шмурло Е. Ф. Восток и Запад в русской истории. Публичная лекция. Юрьев, 1895. С. 13-14.
- 53 Шмурло Е. XVI-й век. С. 29.
- 54 Шмурло Е. Ф. Восток и Запад. С. 2-3.
- 55 Шмурло Е. Ф. С. М. Соловьев. // Записки Русского исторического Института в Белграде. Вып. I. Белград, 1930. С. 279-295.
- 56 Указ. соч. С. 288.
- 57 Указ. соч. С. 295.
- 58 Шмурло Е. Ф. История России. 862-1917. Мюнхен, 1922. С. 548.
- 59 Documenta Romana Ecclesiae Catholicae in terris Ucrainae et Bielarussiae.
- 60 Documenta pontificum Romanorum historiam Ucrainae illustrantia. Romae, 1953. V. I. P. IX.
- 61 Litterae nuntiorum Apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes. Romae, 1959. V. I. P. X.
- 62 Ibidem. P. XI.
- 63 Ibidem. P. XII.
- 64 Monumenta Ucrainae historica. 1975-1624. Romae, 1964. V. I.
- 65 Winter E. Rußland und das Papsttum. Berlin, 1960-1961. Bd. I-II. сокращенный русский перевод: Винтер Э. Папство и царизм. М., 1964.

ПАМЯТНИК РУССКОЙ ПЕДАГОГИКИ ХУД ВЕКА.
(Поэтический триптих Карiona Истомина
для начальной школы)

С ноября 1692 по начало 1693 гг. известным русским писателем и педагогом Карионом Истоминим было создано для достигающего четырехлетнего возраста царевича Алексея Петровича иллюстрированное учебное пособие из трех стихотворных книг одинаковой формы. Материал излагался на развороте страниц: слева помещалась картинка, обрамленная сверху и снизу строками заглавия (номинативного двустипшия), справа находилась истолковывающая эту картину стихотворная строфа. В поэтическом триптихе автор имел целью сообщить ребенку законченный цикл понятий об интеллектуальном мире, духовном "граде царства небесного", "сограждаемом" в человеке-микросмосе. По замыслу автора, части триптиха давали ребенку представление об основах "небесной" мудрости земного человека: развернутое изложение символа веры ("Едем"), знакомство с православной церковью, ее таинствами и обрядами ("Еккелесия"), удобопонятную этимологию схоластических наук, земного времени и пространства ("Град").

Стремление заложить в сознание ребенка фундамент будущего "небесного града", систему представлений, предшествующую собственно школьному образованию, было тесно связано с особой формой подачи материала, где текст и изображение сливались в единый образ. Соотношение миниатюр со стихотворными текстами и пояснения автора в предисловиях к частям триптиха говорят о том, что усвоение предложенных ребенку образов начиналось со зрительного, "телесного" восприятия картинки (которые, к сожалению, не сохранились). Далее изображение называлось, связывалось с определенным понятием в номинативном двустипшии, которое не случайно располагалось по верхнему и нижнему краю картинки, как бы сливаясь с ней. Затем, увидев и назвав, ребенок получал пояснения в легком для запоминания стихотворном рассказике, наполняя открытую в его

сознании страницу культурным содержанием.

Подобное исследование происхождения и источников поэтического триптиха, опубликованное в "Acta Comeniana"^I, показало, что используя существовавшие в России представления, литературные и изобразительные формы, Карлон Истомина при создании своего произведения сознательно реализовал педагогические принципы, сформулированные "учителем народов" Я.А. Коменским в учебных и теоретических сочинениях относительно "Материнской школы" (Scholae Infantiae), прежде всего в "Orbis sensualium pictus" и "Informatorium školy mateřské". Сочинение Карлона Истомина является весьма интересным опытом практического применения на оригинальном материале наиболее передовой по тем временам педагогической теории соответствия форм и методов обучения основным этапам развития детской психики.

Поэтический триптих Карлона Истомина для начальной школы был известен в неотождествленных между собой фрагментах и, за исключением отдельных случайно выбранных из рукописей строф, никогда не публиковался. Предлагаемая полная публикация триптиха учитывает все сохранившиеся рукописи автора. Предпочтение отдано черновикам, раскрывающим важный для историков педагогической мысли процесс создания произведения. Отдельные лакуны черновых рукописей (предисловие к "Граду", некоторые строки) восполнены по беловым автографам, различия по которым полностью отражены в подстрочнике. В публикации сохраняется оригинальная пунктуация с необходимыми дополнениями в круглых скобках (как правило, соответствующими дополнительным знакам беловиков Истомина). Заглавные буквы используются по правилам, разработанным для издания "Памятников общественно-политической мысли в России конца ХУП века (литературных панегириков)" (М., 1983).

I Богданов А.П. Карлон Истомина и Ян Коменский. (К проблеме освоения творческого наследия "учителя народов" в России ХУП века). // Acta Comeniana. 1990.

/л.283 об./

"ЕДЕМ"^а

си есть
СЛАДОСТЬ.

Прохлаждающая и вразумляющая
человеки зрением духовным.

Известно сотворение и спасение людям
во иконах, знание в стихописании творит.

Сочинился в царствующем граде Москве.
Мироздания 7202-го лета, месяца ноемвриа.
Хуждъшим иеромонахом Карионом Истоминным
в типографии справщиком".

/л.283/ "Предсловіе^б в книжицу(.)^б

Благороднейший великий государь^в царевич и великий
князь Алексій Петрович всея Великия и Малыя и Белья России^г
и многих государств и царств отчичъ и дедичъ, во Господе воз-
растай^д телом, душею умудряйся и спасенно радуйся на премно-
га лета^е.

Бог всемогущий в Троице ипостасей сущий^ж знаем(,) сла-
вим^з и покланяем(,) и^и всею умною тварию, и^к аггелы, и че-
ловеки^и, человеком сотвори Едем Сладости^л(,) в нем же и Рай

^аЗаголовок помещен в черновике после текста, под рубрикой:
"Описание". Его черновик находится на л.324 об. (перед загла-
вием Екклесии); в черновике зачеркнуто: "и" перед "Сла-
дость" и перед "прохлаждающая"; "звание" после "известно";
"обр(азах)" после "во"; "стихописании" испр. из: "писании".
^{б-б} В Ув.73 нет. ^вДалее зачеркнуто: "царь". ^гДалее смыто:
"(пол)", - то есть титул полностью. ^дДалее зачеркнуто: "у-
(мудряйся)". ^еДалее зачеркнут абзац: "Предвечная мудрость
единородный сын божий Иисус Христос, во обретеніе упокоения
на земли и на небеси человеком" (не окончено). ^жИсправлено
из: "зна(ем)". ^зНад строкой. ^{и-и}Испр. из: "от всея умной тва-
ри(,) от аггел"; далее зачеркнуто: "в упокоение". ^кВ Ув.73

созда в прохладение, и обретение покоя. Яко^М добро и красно жити с Богом^М(1)

Обретати^Н же оный спаситель наш Иисус Христос и^О приближати к сему^О повеле учением(,) ^П сице призываяй: Приидите ко мне вси, и научитесь от мене. Яко кроток есмь и смирен сердцем(,) и обрячете покой душам вашим, си есть Едем Сладости и прохладение во вечное время.

Яко от себя зде наша в мире бытности, благаго же^Р ярма законнаго^С знания^С, и бремене легкаго учения Иисус Христова ношения^Т, приидем в горнее небесное блаженство, идеже несть болезни ни печали, ни въздыхания, но жизнь всевеселящаяся, и зрение ненасыщенное лица трипостаснаго Божества, и присущное ликование аггелов и человекво.

Тем же донели же мы в сем мире живем, должни^У благоугождати^Ф Богу^У и^Х требуем телесныя пищи, духовныя же наипаче хожем, дабы едемское наследие восприяти во веки.

И сего ради тебе государю царевичю и великому князю Алексию Петровичю в юности четверолетие уже достизашу бытностию, желая тебе государю здравия многолетна, желая спасения, желая в мудрости и благозаконии воспитания.^П

Да^Ч возрастети и поживети много лет^Ч, во утешение^Ш благочестивых православных^Щ родителей твоих царскаго пресветлаго величества(:) праматере^З любящя тя^З, благочестивыя^Ю государыни царицы и великия княгини Наталии Кирилловны, и отца твоего благочестивейшаго великаго государя царя и ве-

нет. ^{Л,М-М}Над строкой. ^НПервая буква обведена по чернилам киноварью; здесь и далее киноварные буквы подчеркнуты одной чертой. ^{О-О}Над строкой; последнее слово испр. киноварью из: "нему". ^ПДалее зачеркнуто: "глаголяй". ^РНад строкой. ^{С-С}Над строкой, вместо зачеркнутого: "земнаго". ^ТНад строкой. ^{У-У}Над строкой. ^Ф В Ув. 73 далее: "Господу". ^ХВставлено в строку. ^ЦТочка исправлена из занятой, киноварью. ^{Ч-Ч}Над строкой. ^ШДалее зачеркнуто: "родителей". ^ЩНад строкой, вместо зачеркнутого: "царей и всего". ^{З-З}Над строкой. ^Ю В Ув. 73 далее: "великия".

ликаго князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белыя России самодержца, и матере твоея^Я благоверныя государныя царицы и великия княгини Евдокии Федоровны, и всего вашего царскаго рода^а, и в пользу изрядну всех^б народов Всерос-сийскаго царства приношу сию книгу Едем Сладости духовныя.

В ней же зря иконы твоима царственным^в очима телеснама, духовне стихословием услаждайся, и прохлаждение /л.283 об./ в Едеме сем всегда имей.

Ибо никто же погрешит во Христе господе надежды своея, еже^г получитьи царство божие, смотрящий ю, и чтущий, и вразумляющийся стихописанми.

И^д яко же писание^е священное глаголет: виждь дугу на^ж облацех поставленну в примирение^з не быти Потопу на Земли, и благослови (рече)^и сотворшаго я^к, такожде и^л ваше^л царское пресветлое^м величество, созерцавающе сию книгу Едем, благословите господя Бога, в его же славу все творится, и в честь преблагословенныя девы богородицы Марии, во спасение же бо-госотворенных душ(.)

И^и благоволи твое царское благородие от мене худшаго милостивно ону^н прияти и пресветлыми вашего величества оче-сы назирати всегда.

Аминь^о.

^ЯДалее зачеркнуто: "великия". ^а В Ув.73: "дома". ^бИспр. из: "всего". ^{в,г}Над строкой. ^дВ Ув. 73 нет. ^еНад строкой, вмес-то зачеркнутого: "есть". ^жДалее зачеркнуто: "небе". ^зДалее зачеркнуто: "да". ^иКруглые скобки в тексте. ^кВ Ув. 73: "ю". ^{л-л}Над строкой, вместо зачеркнутого: "и т(вое); твое". ^мНад строкой. ^нНад строкой, киноварью. ^оВ Ув.73 опущена первая буква. ^пВ начале строки зачеркнуто: "На листи". ^рЛист обор-ван.

/л.279/ "Описание^П икон,
каковы суть в книге
Едем наз (наменованы)^Р

Он ^О гречески, славенски ^Т убо сый	Бог ^У человекю плоть сице понеси(й)
Христос Премудрость и бо- жия сила (,)	Душа умная в нем бы опочила.
Опочинет же егда поучит- ся (,)	В мудрости наук знанством просветится,
О миротворстве ^Ф будет ^Ф размышляти,	Всетворцу Богу славу воздавати.

Сии^Х строки две(-) едина сверху^Ц(,) вторая снизу
около каждой иконы (:)^Х

Мудрость созда дом людем учения.	В нем же обрящи всяк путь спасения.*
Ничто ^Ч же тако человеку драго	Яко верити в Бога творца благо.
Из небытия в бытность мир устроил (,)	Всяк ^Ш бы то ^Щ мысля любовь и увоил ^Э .
Неизреченны к нам его щедроты(,)	Сотвори ^Ю бо он ^Я все ^Я исполнил доброты (.)

^П В начале строки зачеркнуто: "На листы". ^РЛист оборван.
^О В начале строки зачеркнуто: "О". ^ТДалее зачеркнуто: "же"
(в Ув.73 сохранено). ^У В начале строки зачеркнуто: "Хрис-
тос". ^{Ф-Ф} Испр. из: "творце мира". ^{Х-Х} В Ув.73 нет. ^Ц Испр.
из: "вверху". ^{Ч-Ч} Строфа и подпись к картинке дописана внизу
листа 278; для обозначения места вставки 1, 2 и 3 строфы
пронумерованы. ^Ш Испр. из: "Велик". ^Щ Над строкой. ^Э далее
зачеркнуто: "Небеса славу его поведает". ^Ю Испр. из: "Со-
творив". ^{Я-Я} Над строкой, вместо зачеркнутого: "нас".

* Здесь и далее выделены стихотворные заглавия к картинкам,
написанные Истоминым ниже соответствующих строф.

В начале ^А к нему законна ^Б дорога (,)	В теле ^В бо ^В душа умнословна слога.
В чистом обзорстве мощно ей спастися (,)	В царстве небесном с Богом обрестися (.)
Миротворство зри Бога все- могуща.	Жизнь человеком и скотом дающа.
Бог человека сотвори за благость (,)	Мужа и жену введе в рай сла- дость.
Радостно тамо они пребываху	Егда к Господу мысль чисту имяху.
Добро, зло вкупе тшались ^Г разумети (,)	Ядше от древа начаша мертвети.
Всякий ^Д человек ^Д добру при- лежи (,)	Злаго измлада и грехов бежи.
Не будещи наг(,), но в доб- рей одежди,	Держи заповедь в небесной на- дежди (.)
В рай праотцы преллени ум- роша (.)	Первородный грех людем наве- доша.
Одушевлено небо Бог соде- ла (:)	Мариа дева бытность возъмела.
Престол ^Е свят ону готовит ^Ж владыка (,)	Родися бо та госпожа велика.
Грех первородный чрез ню потребися (,)	Господу в матерь она возлю- бися.
О(,) людие(!) К ней всегда притекайте(,)	Благоразумне песньми убла- жайте.
Богомати зде преславно роди- лися.	Адама(,), Евы весь род весе- лися.
Трилетня дева в храм свят приведеша(,)	Жителство тамо Марии дадеся(.)
Мати и отец Богу в дар от- даша(,)	Иоаким, Анна в ней радость прияша.
Архиерей же благослови ону(,)	Чистоты ^И сосуд ^И прием в обо- рону ^К .
В церкви юнии чистоты ищи- те.	Век свой в святости добре проводите.

^А Испр. из: "И изначала же". ^Б Над строкой, вместо зачеркнутого: "есть". ^{В-В} Испр. из: "телеси". Над строкой, вместо зачеркнутого: "Юним потребно". ^Г В начале строки зачеркнуто:

Дева Мария в храме обита- ет.	Всяка сохранства она навьи- кает /л.279 об./
В храме ^Л Мария книгу про- читает(,)	Кто дева ^М родит ^Н Христа, раз- мышляет.
Ангел Гавриил внезапно прииде(,)	Веща (:) радуйся в человеци виде.
Родиши дево ты сына пре- вечна	От Духа свята(,) всех людей излечна.
Отроки, девы, и вы книги чтите(,)	Христа ^О Иисуса в сердца вам вселите.
Дева аггелом в радость из- вестися.	Верная душа мудрствуй и спа- сися.
Обрученная Мария девица,	Учит книг святых девственная лица.
Умудрилася она в храме су- щи	Уже в чреве си и Христа иму- щи.
Закон Господень велит про- читати(,)	Да в любви Богу имут угожда- ти.
Старый и младый до смерти книг слушай(,)	Спасительная дала в Христе кушай.
Дева седящи в законней за- баве	Подвизает вся к божественной славе.
В чрево Марии Бог слово ввелися.	Яко человек плотию родися.
Им ^П спасение люди обрето- ша(,)	Богоугодни с ним в рай про- идоша ^П .
Цари перстии несли ему да- ры(,)	Вол, осел его согривали парн.
Убедатися к нему всем по- треба(,)	Уготова он верным светла неба (.)

"Яко". ^Ж Над строкой, вместо зачеркнутого: "возлюби". ^З В начале строки зачеркнуто: "Христу". ^{И-И} Над строкой, вместо зачеркнутого: "В святилище в". ^К Далее зачеркнуто: "Девы и жены святи проводиша(,) / Концы земнии в матерь уболажиша". ^Л Над строкой зачеркнут вариант: "церкви". ^М Над строкой. ^Н Далее зачеркнуто: "сына". ^О Далее зачеркнуто: "господа". ^{П-П} Вставлено между строк. ^{Р-Р} В Ув. 73 ошибочно: "Кланятися нам". ^С В Ув.73 ошибочно: "Христа". ^{Т-Т} Над строкой,

Спасительное рождество Христо- стово.	Славити должно бога Отца слово.
Богомать с сыном бежит на осляти,	Да не возмогут враги их сыскати.
В Египет шедше и мало по- жиша (,)	Паки в Вифлием они ся вра- тиша (.)
По пути тья люди устретают.	Царицу ^Р (,) царя ^Р Христа почитают.
Кланятися нам Господу дос- тойно (,)	Везде нашу жизнь проводит он стройно(.)
Едет на осли Бог и Богомати.	Во угодности всяк тшися сретати.

Христос ^С во плоти ян почи- вает(.)	Мати святая в колыбки кочает.
И сплюще око везде ^Т зрит ^Т явленно(,)	Сердце бо его в твари всей бодренно.
Ангели яко царя назирают.	Вся полезная ему устрают.
В чистоте смыслов каждый по- качайся(,)	Святыни присно мудре ^У приоб- щайся.

Мати Иисуса имат в колы- бели(.)	Желаает людей, чтоб к нему успели. /л.280/
-------------------------------------	---

В церковь законну мать сына несе.	Держится старец его телесе
Симеон объяв ^Ф (,) отпуста си просит (,)	Господа Бога в руках верно носит.
Богоматери страсти прорица- ет(,)	Что ^Х умрети сын за люд изво- ляет.
С старцом с Анною Господа усрянем (,)	Милость и любовь вечную об- рящем.

Симеон старец в храме Христа срете (.)	Кончину жизни своя обрете.
---	----------------------------

вместо зачеркнутого: "во всем". ^ФНад строкой, вместо за-
черкнутого: "тамо ре(че)". ^ХНад строкой, вместо зачеркну-
того: "Яко". ^ЦНад строкой. ^{Ч-Ч}В первом черновике этой
строфы (л.234) слова переставлены цифрами, было: "3,1,2".

Богородица с Христом во оградѣ(,)	Яблоко и зелий в существенном саде(.)
Бог изволивый человек зде быти(,)	В нем же божество до времени крсти.
Яблоко сорвет(,) дает отрачатом	По предвещенью своему зачатом.
К мудрости в оградѣ внидите(,)	Яблоко и ягод умных наберите.

Плодов(,) цветов сад полн(,) где с Сыном Мати.	Детем с старыми добро пребывати.
--	----------------------------------

В юности плотской Иисус гуляет(,)	С Предотечею птицы си имае.
Матери оных ^Ц в сладость назирают(,)	Спеть им в возраст любезно желают.
Родителем бо утеха ^Ч суть дети ^Ч	Егда свободен будут ум имети.
Подражай Христа душе яко птица(,)	Возлетай в небо(,) зри добрая лица(.)

Елисавет мать и Мариа в поли(.)	Дети ^М о птицами в радостной си воли.
В Иеросалиме юн Христос остана(,)	Дванадесати лет в причет приися(.)
Мати и отец в сродных си искаша ^М (,)	В ^В церкви среди и учителей, взяша. ^В
Тамо бо седев оных вопрошаше,	И мудре вещав всяка удивляше.
Повинувся он сниде родителем.	К вышню знанию буди гонителем.

Отрок Иисус в храме пребывает(.)	Образ изрядства людем всем давает.
----------------------------------	------------------------------------

Тридесати лет Иисус крстися(,)	Во Иордане реке он омыся.
--------------------------------	---------------------------

^М Испр. из. "искаше". ^{В-В} Испр. из: "Он же посреди учителей бяше". ^В В начале строки зачеркнуто: "Одега". ^Я Далее зачеркнуто: "законным". ^В Испр. из: "преловение". ^С В ув. 73

Бог Отец гласом (,) Дух святыя явленно (, -)	Явися Троица с Сыном воз- любленно.
Свободихомся и мы грехов тамо (,)	Свидетельствует божество нам само.
Кто очистился (,) скверн греха блюдится.	Яко здание божие явися.
Бог крешается (,) виждь хри- стианине (.)	Хочет ти быти в небесней хра- мине /л. 280об./
На горе Фавор Иисус во сла- ве	Пред ученики преобразися яве.
Мойсей (,) Илиа с Христом тамо сташа (,)	Прежде бо о нем они предвещаша.
Петр и Иаков (,) Иоанн зрят снизу	Имуще ^ю Христа пресветлую ризу.
В светлости его долг кра- соватися (,)	В горы небесны жить поспеша- тися.
Славно Христа зри Преоб- ражение (,)	В нем бо вечное всем утеше- ние.
По крещении Христос поуча- ет (,)	Светом ^я писанием народ про- свещает.
В день пятидесятый и в пре- половение ^а	Законны Пасхи, творь извеще- ние.
Жажущыя же источником по- ит (,)	Богатством щедрот в рай благ огоит.
Тем во учение идите на во- ды	Сей убо Бог наш (I -) Во- пийте вси роды.
Свет истинный сей и источ- ник верным.	Милосердием спасает безмер- ным.
Царь Израилев едет в Иеро- салим (,)	Славно Иисус бог от детей хвалим.
По пути своя сняв одежды слава	Сыне Давидов многи с ветми зваша.
Потрясеся град христов ^о видев плака	Яко ^в не имать любви к нему знака ^в .
испр. на: "Христос". В-В над строкой, в строке вариант:	

Смотри о душе в твоём зде
житии (,))

Предайся Христу днесь во
объятии.

Христова езда всякому спа-
сенна.

Лепо хранити себе очищенна.

Воскоте Господь люди укреп-
пити^Г

Вечери^Д тайну верным предло-
жити.

Взяв хлеб осяяти (,) бла-
гословив рече (:))

Се тело мое. В жизнь ядших
повлече.

И се кровь моя за всех из-
лияся (,))

Пейте ону вси (-) в спасе-
ние дася.

Творится се^В днесь^В в вос-
поминание (,))

Приступай с страхом (-) в
том Бога звание.

Исповедию к тайне очищай-
ся (,))

Мал и велик на то понуждайся.

Божия тайны во святых лю-
дем.

Желаем оных причастицы
будем.

Иисус Христос терпит страсть
и муки (,))

На древе креста простре
своя руки.

За грешныя зде пострад^Х на-
роды (,))

Да в нем примем вечныя
свободы (.))

Еврей^З вконец его умертви-
ша (,))^З

Копием в ребра висяща про-
бша (.))

Плачь человеке (,)) Господу
молися (,))

Да даст милость нам смиренно
клонися.

Мать^И с учеником^И его зри
плачущу (,))

Проси исполнить благ душу
алчущу.

Распяся Иисус за люди яв-
ленно.

Помня^К страсть его^Д мысли
умиленно /л.281/

Иисус страдав умре и воскре-
се (.))

Верныя люди в небеса возне-
се.

Алама (,)) Еву изведе из
Ада (,))

Разорена бысть смертная
преграда (.))

"К страсти бо идет крестнаго си знака" ^ГИспр. из: "укреп-
ляти". ^ДНад строкой вариант: "Како им". ^{В-В}Испр. из: "се".
^ХНад строкой, вместо зачеркнутого: "в жителстве" ^{З-З}Испр.

И вси святии прияша свободу (,)	С Христом внидоша в райскую породу.
Празднуйте светло ^М Христа востание.	Будите его вечно избрание.

Воскресение Иисус Христо-во (.)	Человеком в нем спасение ново.
---------------------------------	--------------------------------

Вознесся Бог от земли в небеса (,)	Спасительная нам сотвори чудеса.
На Елеонстей горе зрят и лики (:)	Ангели и мать с его ученики.
Удивляются божественной силе (,)	Радуется же песньми хвалят миле.
Добродетелни тамо им восходят	Иже ^Н Дух спасен ^О прод чрева породят.
Вознесение ^П горе в плоти Бога	Идеже радость ^Р всем иным ^О премнога.

Егда Иисус в плоти обоженной	Взыде на небо в воли свободенной (,)
Чины ангелов девять устретали (,)	Поклоны своя Христу отдавали.
Перво лик ангел ему поклонился (,)	Вестники ^Т они (,) Бог ^У ими ^Ф взвестися.
И человек род сей ^Х ближнь нам ^Х храни ^Ц (,)	Да всяк прелести ^Ч грех ^Ч устрани ^С .

Ангели святи Богу служащи	Всякаго добра людей учащи.
---------------------------	----------------------------

Архангели суть втораго там ^Ш чина (,)	Чествуют они Христа божа сына.
Первым ^Щ начало больше ^В извещают ^В (,)	Началствующих везде управляют.

из: "Многия раны ему наложиша". ^{И-И}Исправлено из: "Зри мать его". ^КИспр. из: "Помни". ^ЛДалее зачеркнуто: "и". ^МНад строкой, вместо зачеркнутого: "убо". ^НВставлено в строку. ^ОИспр. из: "спасенья". ^ПДалее зачеркнуто: "божие". ^РДалее зачеркнуто: "ангелом". ^СНад строкой. ^ТИспр. из: "Ве-

Поклоняются те всетвори- телю (,)	Человеческа рода щедрите- лю (.)
Им молиться всем нам по- добает (,)	Да к богу Отцу чин сей за- ступает.
Архаггелов лик Бога извеща- ет.	Да всяка душа его творца знает.
Стретают Христа ^Ю третий чин (-) начала (,)	Ико Господа, в нем бо прав- да стала.
Припадают те (,) правяще на- чалства (,)	Грядет бо Иисус от земнаго далства (.)
Цари и князи (,) царства же и роды	Сей небесный чин хранит мно- ги годы (.)
Три чина в тройце, Тройцу учат знати (,)	К главе началу Христу успе- вати.
Начала умов ^Я всюду прави- телини (.)	Во своем чине оуть богозри- телини. /л.28I об./
Четверта чина небесныя власти (,)	Прогонители от душ всяки страсти.
На пределенном небесном си круге	Славу воздают Иисусу в по- слуге.
Власти бо Богом ^А оуть ус- троены	Да будут люди к нему усво- ены.
От искусов злых они засту- пают (,)	Молитися им (,) да ^Б скорбь отгоняют.
На ^В небе власти к Богу им- ствителны (.)	Во всякой ползе ^Г душам дей- отвителны (.)
Пятый чин (-) силы (,) без- плотны телеса	Славяще Бога творят в мир чудеса.
Стретоша Христа вси покло- нишася (,)	Божией силе преудивившася.
Крепок и силен Господь в своей славе	Умными ^Д зрится в чудесней исправе (.)

отница(ми)". У^УНад строкой. Ф^ФДалее зачеркнуто: "он". Х-х^ХНад строкой, вместо зачеркнутого: "аггали". Ц^ЦИспр. из: "хранят". Ч-ч^ЧИспр. из: злых грехов себе ухранил". Ш^ШНад строкой, в строке вариант: "ои". Щ^ЩНад строкой, вместо зачеркнутого: "Вторым". З-з^ЗНад строкой, вместо зачеркнутого: "началник

Силы святини учат терпению(,) В подвизе крепком блаженства⁹ зрению(.)

Небесны силы^х стоят перед Богом(.) Силою чудес единственным словом.

Шестый (-) господства чин в небе стоящий(,) Христа идуща в плоти его зрящий(.)

Честь принесоша бога Отца Сыну Господствующу в твари своей выну.

Господствовать сии поощряют(,) Да чувства страстями люди об- ладают.

Подчиняться должно есть господством Кто хочет жити повсюду сво- бодством.

Господства в чине ликом своим оташа(.) Все разум крепок^з в господст- ве приаша.

Херувимы чин седмий умуд- ренный В знании Бога zelo просвещен- ный.

На стретение Господа изыде В многоочитом дивном^н своем виде.

Мудрость имуще люди вра- зумляют(,) Всетворца^к твари^л знати нау- чают(.)

Чин херувимов чтити подо- бает Кто учитися мудрости желает.

Святых херувим чин к Богу ближайший(.) В многоочитотве имут^м ум^м множайший.

Серафимов чин осмый в люб- ви Бога Шестокрилатый греятна^н залага.

Zelo горима усердием в дружбе(,) Видеша Христа бывша в своей службе.

За милость его радуются сии. Что в его любви суть люди святини.

управляют". ⁹В Ув.73 ошибочно: "Господа". ^нДалее зачеркну- то: "небесных". ^аНад строкой, вместо зачеркнутого: "оним". ^бДалее зачеркнуто: "в". ^вВ начале строки зачеркнуто: "чина".

Огнем любезным душе вос-
палися

И с серафими Христу единися.

Волею Творца в несе^П се-
рафимы

Шестокрилии пред Господом
зрими /л.282/

Высочайший чин девятый
престоли

Прежеланни^Р суть божией в
них воли.

Во опочивность Иисуса при-
емлют(,)

Славяще Троицу никогда же
дремлют.

Отец, Сын, Дух свят бог^О
един сый присно

Опочивает на престоле истно.

Право судити учит чин пре-
столи(,)

Их^Т всяк призывай^Т(,) ос-
тавь грехов доли (,)

Умный^У престоли в чине^У си
блажени.

Правдою сии^Ф сладце удобрени.

От бога Отца Дух святыи по-
слася(,)

В виде огненных^Х язык пока-
заяся.

На учениках седе умудря-
ти(,)

Сташа^Ц всех^Ц язык речью те
вещати.

С ними же ту бе богомать
Мариа(,)

Человеком та желает здра-
вия(,)

Духа святого о разум проси-
ти(,)

Да^Ч вразумит нас волю и тво-
рити.

^ГДалее зачеркнуто: "умней". ^ДНад строкой, вместо зачеркнутого: "небесну". ^ЖВ Ув.73: "чины". ^ЗВ Ув.73: "в чине".

^ИИспр. из: "предивном". ^КВ начале строки зачеркнуто: "Богу".

^ЛНад строкой, вместо зачеркнутого: "Богу". ^{М-М}В Ув.73 слова переставлены. ^НТак в тексте. ^ОВ начале строки зачеркнуто:

"Да". ^ПНад строкой, вместо зачеркнутого: "дивни"; в тексте должен быть один из подобных вариантов. ^РВ начале строки зачеркнуто: "Скло". ^{С-С}Над строкой, вместо зачеркнутого:

"в божестве едином". ^{Т-Т}Испр. из: "К ним всяк прибегай" (так в Ув.73). ^{У-У}Испр. из: "Начаша они". ^ЧВ начале строки зачеркнуто: "Всегда". ^{Ш-Ш}Испр. из: "Снизхождение духа всесвятого".

^ЩЧерновик этой и двух следующих строф имеется в черновике на л.324; в начале строки там зачерк-

На ^ш ученики сход Духа с ^я - таго ^ш (,)	В спасение всем жития блага- го.
---	-------------------------------------

Богомать ^ш живе седмдесят два лета(,)	Преставися сном вечно с сего света(.)
---	--

Сын ^а и владыка прият той душу(,)	Вознесе мирно в небесную сушу(.)
---	-------------------------------------

Апостоли же от стран соб- рашася(,)	Погребше тело паки в те взя- шася.
--	---------------------------------------

В Гепсимании пение соглас- но(,)	Успение ^о бо ^о Марии прекрас- но.
-------------------------------------	--

Успение зде небесны цари- цы(.)	Празднуйте вси той молящеся лицы(.)
------------------------------------	--

Богородица в небо о телом взяся	От Бога в Троице тамо ^я увен- чася.
------------------------------------	---

Яко пречисто Бога селение	Прият свершенно в Троице любление(.)
---------------------------	---

Уже оттуду верных призи- рает(,)	От бед ^а (,) напастей присно сохраняет(.)
-------------------------------------	---

Юным же любит в том обуча- тися	Да в мудрости те ^о имут про- свещатися.
------------------------------------	---

Прославление девы чисты ^з в небе.	Венчанна ^г творит всем помощь в ^г потребе.
---	---

Дева царица Мариа в небес- ных	Предстателотвует бога Сына с десных(.)
-----------------------------------	---

Пречиста мати ему возлюби- ся(,)	Молитвам ея о грешных скло- нися(.)
-------------------------------------	--

Патриархи той(,) цари при- падают(,)	Всякого чина в ней радость взимают.
---	--

О(,) Богомати(,) и мы ти вои просим,	Радуйся с ^е Богом ^е в покров твоей нас носим(.)
---	--

нито: "Пресвятая". ^аНа л.324 в начале строки зачеркнуто:
"Богородица". ^{б-ю}На л.324 над строкой, вместо зачеркнуто-
го: "Погребение". ^яНа л.324 над строкой, вместо зачеркну-
того: "она". ^вНа л.324 далее зачеркнуто: "и". ^бНа л.324
испр. из: "теми". ^вНа л.324 над строкой, вместо зачеркну-
того: "святы". ^гНа л.324 над строкой. ^дНа л.324 далее

Избранна дева всюду^Ж чест-
вуема(.) В любви бо Троицы бога извест-
вуема. /л.282об./

Мати и дева Мудрость поро-
дила Яже^З аде людем спасен^И путь
явила(.)

Во училища и с неба прихо-
дит(.) Смотрит там рных кто чист
ум приплодит.

Мудрость бо учит в воздерж-
ности жити, Хвала аде Бога горнь век по-
лучити.

Добезно деве что дети^К
учатсяК(.) Без разума бо нигде же го-
дятся.

В науках дети крмет влади-
чица(.) Смысл дающи им Мариа девица.

Ум^И. Смысл(.) Мнение(.) Мечтание. Чувство(.) Земля(.)
Вода. Огнь(.) Воздух. Душа(.)^Л

Благо поживший человек,
скончася(.) Душа^М святая аггелами въз-
ся^М.

Мирно на небо тую^Н возно-
шают^Н(,) Пред бога Отца сладце пред-
ставляют^О.

Ибо человек создан тамо
быти(,) Тем долг^П свою мысль^П к
Христу возносити(.)

Тамо радости красы невшан-
ны(,) Блаженства^Р в веки святым
обещанны(.)

Душе^О от тела зри разлуче-
ние. С аггалы исход есть утеше-
ние.

Егда святии вси аде^Т избе-
руются Иже небесну собору причтут-
ся.

зачеркнуто: "спасенней". ^{В-В}На л.324 над строкой, вместо
зачеркнутого: "Даво". ^ЖНа л.324 над строкой, вместо зачерк-
нутого: "всеми". ^ЗНад строкой, вместо зачеркнутого: "Да бы".
^ИНад строкой, в строке вариант: "благий". ^{К-К}Слова пере-
ставлены, цифрами, было: "2,1". ^{Л-Л}На чистом месте справа
от заглавия; вероятно, слова включались в картинку; ^{М-М}Ис-
пр. из: "Душу святую аггели приша". ^{Н-Н}Испр.из: "те воз-
неса". ^ОВ ув.73: "поставляют". ^ПИспр.из: "во аг(о)". ^РВ на-
чале строки зачеркнуто: "Святы зре". ^ОДалее зачеркнуто:
"святые". ^ТНад строкой, вместо зачеркнутого: "в горнь век".

В^У полность аггелов от пад-
шаго чина(,))
Сын божий с небес прешед в
своей славе
Встанут^Ф мартви(,) в век
горнь^Х возмутся(,))
Верни^Х в Христе^Х живше^Ц
не вредятся.

Христа господа народом суд
правый.

Иеросалим град божий пре-
красный(,))
Его же сам Бог свет сый
просвещает(,))
Чины аггелов(,))^Чвкупе^Ч
святи^Ч люди,
Должно(,)) должно есть в той
град управлятися(,))
Даждь Боже^Щ(,)) даждь нам
любити тебе.

Чудес^В град^Д святей горнь
Иеросалим.

Слава Богу вся творящу
Дела сего конец зрящу:
Аллилуиа.

Тогда придет сей жизни кон-
чина(,))
Возсудит люди на земли вся
праве.
Грешни же в муки вечныя по-
шлются.
В милость пред Бога стати
вси да тщатся(,))

Благо кто тамо обряцется
эдравый.

В жителстве аггел, человек,
согласный(,))
Зрением сладце вся увесе-
ляет.
С Христом в радости, кождый
тамо буди.
Троична^Ш света в нем наслаж-
даться.
В руце твои нас предаваем
себе.

В нем^Я творец наш Бог от
всех родов хвалим.

Честь Марии святей деве
Помощь данней в сем напеве:
Радуйся владычице.

^УДалее зачеркнуто: "на". ^{Ф-Ф}Над строкой (испр. из: "станут и мертвы..."), вместо зачеркнутого: "Праведни с телом"; в Ув.73: "Встанут мертви в век праии горнь"^{Х-Х}. Над строкой, вместо зачеркнутого: "Иже блаженно". ^ЦИспр. из: "живут". ^{Ч-Ч}Испр. из: "и святии". ^ШНад строкой, вместо зачеркнутого: "Превечна". ^ЩНад строкой. ^ВВ начале строки зачеркнуто: "Дивен". ^ДДалее зачеркнуто: "бож(ий)". ^ЯДалее зачеркнуто: "все".

Хвала святым молящимся,
Спаситися бы трудящимся.

Боже богов господи.
Аллилуиа".

ГИМ, Чудовское собр., № 98/300,
л.279-283 об. (Автограф, черновик).
Разночтения по: ГИМ, Уварова 73,
л.32-54 об. (автограф, беловик);
ГИМ, Чуд.300, л.324-324 об. (авто-
граф, черновик; отрывок).

"ЕККЛЕСИЯ

СИ ЕСТЬ

ЦЕРКОВЬ

в небесное житие собирающая
и святящая вся человеки,
сущия в благоверии, благодатию Духа
прясвятаго. В^а сию убо^а зрением икон, прочтением^б же
стихов всяка^в душа^г христианска^г входящи^в воспользуется
духоспасительно и укрепительно.

Создася

в царствующем граде Москве
Мироздания 7202-го лета месяца декабря
от ничтожна Кариона иеромонаха
Истомина в Типографии справщика".

/л.323/ "Благороднейший и духопросвещенный в благочес-
твей веру питающийся, и в церкви^д Иисус Христовей расту-
щий^е великий государь царевич и великий князь Алексей Петро-
вич^ж Всероссийскаго царствия богоблагословенный отчичь и де-
дичь многолетно здравствуя в Бозе радуйся присно.

За премногую свою благость человеколюбия ради пряслад-
чайший спаситель наш бог Иисус Христос пострадав плотию за
нас и водрузи Екклесию, си есть Церковь, собрание верных лю-
дей своих.

И^з в ней оживотвори вся ны умершня первородным адамлим
грехом, породив ново водою и духом(,) и грех упразднив, сот-
ворил сыны в наследие вечныя радости на небесех.

Церковь бо по учителству святаго Златоустаго Иоанна,
християн православных душами составленный дом, и в собрание
созданный храм особое место(.)

^{а-а}Над строкой. ^бИспр. из: "чтением". ^{в-в}Испр. из: "всяк
хотящий". ^{г-г}Над строкой. ^дДалее зачеркнуто: "божией".

^еИспр. из: "возрастающий". ^жДалее зачеркнуто: "всая Великия
и Малыя и Белья России". ^зОбведено киноварью; здесь и далее
подчеркивается одной чертой.

Ибо^И глаголет той^К же^К святыи^Л и сице: Церковь место аггелское, место архаггелское, царство божие, самое то небо. Она^М же тайн святыи^Н и молитв богоприятных сокровище.*

И иде же на вселенней истиннаго благочестия восточныя церкви люди и народы обретаются, едину веру, едину церковь исповедуют, и духодвижне^О самаго богочеловека Иисуса спаса нашего, богопреданная^П таинства^П, апостолских же сердец, и отец святыи повеления и учения, содержат креще.

Еретических же и зловерных народов басней^Р и учений^Р противоположных, и развращающих церковное наше благочестие неподвижное всячески отвергают, посрамляют, и инья церкви и^С своевольная еретиков соборища страждоущия проклинают.

Яко разбрызшася вслед^Т сатаны. И отторгшася нашего церковнаго единого богоспасаемаго недра.

Кроме убо единия святыи апостолския соборныя церкви, учения же и предания ея, никто же спасется. И яко кроме Ноева ковчега в водах лжесловия, и зловерия всяка душа погрузится в вечную погибель.

До пророческим^У бо и евангелским проповеданиям^У: Един еси Бог в трех ипостасех славимый, едина вера, едина и церковь, кже стяжа кровию господь наш Христос.

В ней же вся жизнь /л.323 об./ человеком^Ф и спасение,^Х благохваление же и даротворение в насущем зде бытии, к будущему вечному блаженству на небесех со святыми аггелы и богоугождшими человеки.

Сего ради покаяния проповедник златоглаголивый Иоанн увещевая в церкви благочестивей верныя люди пребывати: Церковь (рече)^Ц едина есть, и наречется праведно она: и судилище, и врачевница, и любомудрия училище, и душе нака-

И, К-К Над строкой. Л Далее зачеркнуто: "и". М Испр. из: "в ней". Н Над строкой. О Далее зачеркнуто: "а". П-П Над строкой. Р-Р Над строкой, вместо зачеркнутого: "и инья". С Далее зачеркнуто: "пр(оклинают)". Т Далее зачеркнуто: "своего". У-У Над строкой, вместо зачеркнутого: "святому бо апостолу". Ф Далее зачеркнуто: "к на". Х Далее зачеркнуто: "и". Ц Круглине
* На поле ссылка: "Коринф. и рав.36."

зателница, и обучение течений на небеса ведущих.

И паки: ничтоже тако^Ч радостен наш живот устрояет, яко еже усладитися мысли в церкви. В церкви бо порождение крещением народов^Ш, и тайн святых^Щ совершение, и причащение людей, и молитвословие на всякия потреби. И во имени Господни благословение. В церкви радующихся соблюдаема есть радость, скорбящим утешение, в^Э церкви о печальемых веселие^Э. В церкви озлобляемым прохлаждение, в церкви труждающимся всем упокоение.

Ибо в церкви навькати учения, чтения, и слышания глаголов, яже сам Господь глаголет, ему же святии^Ю аггели служат и во храме святем его предстоят во страсе, но и верныя люди^Я господни хранят божи аггели.

И неотступно даже до смерти с кождым человеком пребывает ангел святыи(,) наставляя в пути правныя, и к божию знанию присно научая^А.

И^Б яко^Б явление^В словес господних просвещает^Г и вразумляет младенцы^Г, и в церковь святыю хождение(,) освящение, и во всякое благо укрепление творит безпрепонно,^Д знаменаным душам благодатным крещением.

Тем сию книгу Екклесию(,), си есть Церковь, тебе великому государю царевичю и великому князю Алексию Петровичю в созерцание ради юности твоих лет, усердствуя тебе государю всякаго благокрасования в ползе царскаго вашего рода, и повсюду православных христиан(,) приношу.

В ней же чинов таинственных созерцавай лица, в мудростный разум чтый стихи лети в церковь яко птица. Зане любуемому Бога вся в^Е церкви^Е в благое поспешествуются^Ж.

скобки в тексте. ^Ч,^ШНад строкой. ^ЩДалее зачеркнуто: "при(ношение)". ^Э-^ЭИспр. из: "о печальемых в церкви во утешен(ие)", слова переставлены цифрами, было: 2,1,3. ^ЮНад строкой.

^ЯНад строкой, вместо зачеркнутого: "раби". ^АДалее зачеркнуто: "Ведяще же сия и рассмотривше благое". ^Б-^БНад строкой.

^ВДалее зачеркнуто: "же". ^Г-^ГНад строкой. ^ДЗапятая приписана киноварью. ^Е-^ЕНад строкой. ^ЖТочка приписана киноварью.

Зде же многолетство во всяком изрядстве вода, и церковь святую мудростию, и чинов ея^З сохранством украшая, возыме-еши благородне^И мир со Христом на земли, мир и славу с ним в вышних: идеже небесных граждан пеня несказанна во святая святых.

Ваше же царское пресветлое величество благоволите сие малейшее трудотщание мое прияти во славу господя Бога, и в честь пресвятныя девы богородицы Марии содеянное. Да благодарится всеми^К всесвятое имя бога^Л Отца и Сына и святаго Духа ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Вашему^М царскому пресветлому величеству в благодушие сие принесый смиренне менш ваш богомолец, иеромонах Кирион Истомин рабско припадает(,) Типографии справщик^{Мн}.

^{З, И}Над строкой. ^КНад строкой, вместо зачеркнутого: "выну".

^ЛНад строкой. ^{М-Мв}В черновике нет; дополнено по Ув.73, л.

Церковь святая божие есть дело,	Человеком долг ходити в ню смело.
Небо новое(-) церковь сам Бог праит,	От всяких страстей люди в той он здравит(.)
Спасение бо в церкви и утеха.	Кроме оная ина несть поспе- ха.
Тайнств ^Н люди в ней ^Н (,) чинов навькайте(,)	Всякаго чина пути исправ- ляйте.
В самое небо из нея доро- га(,)	Дабы всем зрети вечно Хрис- та бога.
Тем же молитвы к ^О нему долг творити(,)	С святыми в небе имаши ^П по- чити ^П .
Крещение зри(,) рождение свято.	В чистоту от грех вся люди приято.
Ново рождество людем кре- щение(,)	Тайны ^Р святыя в церкви свершение. ^Р
В воде ^С человек трижды по- грузится(,)	Благодати же духом освятит- ся.
Во имя Отца ^Т , Сына, свята Духа,	Грех первородный бежит сего олуха.
И кто крестится не млад и в старости	Чист от скверн будет, и о Христом в радости.
Архиерей се деет и иерей(,)	Не затворит Бог в ^У том райских дверей.
Тайна святая миромазание,	К Богу сыновства царское знание.

Н-Н Испр. из: "Идите люди". ^ОНад строкой. П-П Испр. из: "има-
ши почити"; далее между строф проведена горизонтальная
черта. ^{Р-Р}Над строкой, вместо зачеркнутого: "От первород-
на греха очищение". ^СНад строкой, вместо зачеркнутого:
"ней бо". ^ТДалее зачеркнуто: "и". ^{У-У}Над строкой, вместо
зачеркнутого: "Сын детем".

Человеком всем зде есть совершенство (,)	Миромазание в царство и свя- щенство.
Воздати Богу славу честь и жертву (,)	В чистоте смыслов грехами не мертву.
Печать бо и дар в том Духа святого (,)	Быв сын, дщерь Бога, не рди слова злаго.
Всяк яко аггел в жизни сво- ей буди (,)	Помазастеся в святыню сосу- ди.
Богознанная душа поспешн- ся (,)	Христу господу везде съеди- ни ся.
<hr/>	
Причащение тайны святы знанства (,)	Душе потребно многого со- хранства.
<hr/>	
Во литургии тайна ся тво- рится.	Евхаристия (,) в ней Христос бог зрится.
Вид хлеба (,) вина верным уступает,	Благодать Духа сие содевает.
Причастится кто тела его (,) крови (,)	В радости дом свой в святы- ню обновит.
Зде новый завет, людям во отраду (,)	Верныя введет в небесну ограду.
Тем человеце бегай грехов смада.	Причастник буди в тайне Христа сада./л.21 об./
<hr/>	
Тайны святыя исповедание.	Творит грехов всех людем прощание (.)
<hr/>	
Покаяние есть царю и князю Исповедати должно иерею	Очищающе всю скверну и язю. Сердцем (,) и усты (,) и со- вестью всею.
Но что согрешит пред господ- дом Богом	И кому словом и деланным слогом.
Простит иерей (,) и душа по- знает	Яко зла совесть ону не сму- щает.
Не кажымся и в жизни сей мука (,)	Всех бо стреляет грех и смерть из лука.
<hr/>	
Исповедию всякий чин чистит- ся.	И паки ею Богу прилежится.
<hr/>	
Человек создан Господу слу- жити (,)	Вся заповеди его сотворити.

К сему звание(,) чин свой блести зельно ^Ф ,	Еже бы в грехи не вступати ^Х делно.
И заповедми преступство в смерть знаем.	Тем ^Ц же ^Ц каемся(,) слезы изливаем(.)
На старых, младых зде пре- лесть находит,	И избранныя с добра ума сводит.
Тем ^Ч каются ^Ч (,) в исповеди быти(,)	Кто ^Ш хочет святых ^Ш таинств причастити.

Священство тайна Богом ус- тавлена(.)	Чистота святость в службу сн явлена.
--	---

В смысле свершенном достоин- ство олично	Священствовати во церкви обычно(.)
К Богу иерарх о том молит- ся(,)	Да святым дара свята сподо- бится.
Руки на главу своя полагает.	Да в службе чин свят всегда предбывает.
Гласит аксиос(:) достоин священства	Дьякон(,) иерей прияла свершенства.
Недостойным же(,) скверным люто горе(,)	За ^Щ облази ^Щ людей суд в мучимо море.

Патриарх святит зде митро- полита	В дела божия избранством открыта.
--------------------------------------	--------------------------------------

Архиерея егда посвящают ^Ю (,)	На ^Я вышший степень его пос- тавляют.
Достойна гласят народы учи- ти(,)	Всякая дела в святости тво- рити.

^ФНад строкой, вместо зачеркнутого: "крепо". ^ХИспр. из: "оступатись". ^{Ц-Ц}Над строкой, вместо зачеркнутого: "Аще".
^{Ч-Ч}Испр. из: "Обновлятися". ^{Ш-Ш}Над строкой, вместо зачеркнутого: "В единство с Христом". ^ШВ начале строки зачеркнуто: "и". ^ЩДалее зачеркнуто: "бо". ^ЮИспр. из: "поставляют".
^ЯВ Ув.73, л.61 об. ошибочно: "А".

Образ Господень в себе прописует(,)	К вечну блаженству святить наказует.
Егда и жертвы ко Богу воз- носит(,)	В мире и любви быти людем просит.
Знати таинства долг ^а всем ^а христианом(,)	Владети в души богоданнм ^б саном(,)/л.22/

Зде в супружество тайна честна брака.	Отрока(,) девы жизнь вечнаго знака.
--	--

Бог благословил вначале су- пружество(,)	Да два имеют в единстве дру- жество.
Един другаго в любви изби- рают.	Иерею то сами возвещают ^в .
Отрок и дева чисти в браке станут(,)	Венцы законны на них не увя- нут.
Не растерзанно жити долг и в нужи(,)	Телу своему(,) друг другу послужи(,)
Благословит Бог в чадород- ство вечно(,)	Любовь тем подаст в помощи улечно(,)
В ^г чистость до ^г брака ^д имей всяк сохранство(,)	По том в святини, прочь от скверных знанство.

Второбрачество зри жены и мужа.	Постигла бо их от супружных ^б нужа.
Попущение дано второбрач- ным(,)	Да не прелстятся искусом скверн мрачным.
В крепкодушн ^к лучше есть ^з пребыти(,)	Но воля како может кто по- жити.
Ибо супружных отстают и млади(,)	Посыгают же чадородства ради.
Молитвы они от церкви при- емлют(,)	В супружестве втором, в до- му, да не дремлют.

^аИспр. из: "должно". ^бНад строкой, вместо зачеркнутого: "благородным". ^вВ Ув.73, л.62 об.: "извещают". ^{г-г}Над строкой, вместо зачеркнутого: "Прежде же". ^дДалее зачеркнуто: "де". ^еВ Ув.73, л.62об. - нет. ^кИспр. из: "благодушн^и". ^з Над строкой, вместо зачеркнутого: "бы". ^иДалее

Возбранно(,) мерзко старым
же и детным
Не творят бо те Богу в
честь поспеха(,) Брак второй(,), третий, быть
им безответным.
За похоть^К полни в грех бра-
ней и смеха.

Помазание^К таинство елеа(,) В^Д болезни людей всех от ке-
реа.

Велия полза и знак христи-
янства Сподобится елеомазанства(.)

Когда в болезни человек
бывает(,) Иереев в дом в молбу призы-
вает.

Молитвы творше^М болна по-
мазуют(,) Оному грехи в том ся развя-
зуют.

Мнози от одров вскоре ста-
ют здрави(,) Им же волит Бог, те да ходят
прави.

А иже умрут(,) в церкви^Н
то надежно(,) Что преидет в небо от враг
немятежно.

Священие зде храма во свя-
тыню, В молитвенную людей благос-
тыню.

Овящает храм патриарх
святейший, Архирей всяк в народе свет-
лейший.

В нем имеются христиан ис-
правы(,) Исполнен бо он Христа бога
алавы.

Всяки потреби приемются
тамо(,) Жертва молитвы дело его само.

Изрядно же^О кто егда свя-
тят ходит(,) В душе святыню и радость вос-
плодит(.)

Ибо в священном народа^П
соборе Слава честь Богу в приятном
обзоре. /л.22 об./

Пострижение в ризы монашес-
ки(,) Отвергаяся мира сует всячески.

Кто ли восхоет мира отре-
щися(,) Той изволяет власов пострищи-
ся.

^КДалее зачеркнуто: "елеа свята". ^ЛВ начале строки зачеркну-
то: "Токмо". ^МИспр. из: "творят". ^ННад строкой, вместо за-
черкнутого: "вере". ^ОДалее зачеркнуто: "есть". ^ПСтих оши-

В ^Р черны ^Р власны ризы облечетоя (,)	Именем иным монах наречется.
В монастыре долг чистоту имети (,)	В нищете скорби волею терпе- ти.
Послушание сохранять право (,)	В молитве поста всяк ^С пребу- дет ^Т здорово (.)
В девстве поживут, чисто и по браке	Будут ^У в век с Христом ^У на небесном злаке.
Удобно к ползе монашеско время,	Держи ^Ф о душе, с Богом, слад- ко время.
Зде в ^Ц монахини ^Ц дев, жен постригают.	Да в монастыре свято обитает.
Ная ли душа Господа воз- любит (,)	В чистоте жити усердству ^Ч всугубит ^Ч (.)
Во обители святей да все- литоя	И постригшися Христу обру- чится.
Воздержание потребно имети (,)	В молитве посте в келии си- дети.
Сподибится та много ^Ш зде ^Ш напасти (,)	Прелести мира и пагубны страсти (.)
За се Христос бог души увенчает (,)	Славы ^Щ радости вездѣ насы- щает ^Щ . / л. 23 об. /
Новое лето егда наставает.	В ^В молитву верных ообранство бывае ^В .
Благому Богу благодарение	За прошедшее лето в спасение.

бочно заключен точкой, в Ув. 73, л. 64 – запятой. ^{Р-Р}Над строкой, вместо зачеркнутого: "И в монаш(ески)". ^СНад строкой. ^ТДалее зачеркнуто: "кто". ^{У-У}Испр. из: "Пребудут с Христом". ^ФВставлено в строку, вместо зачеркнутого: "Храни; зде (над строкой)" ^ХДалее между строф проведена горизонтальная черта; под ней указано: "Второе внизу", – т. е. вторая строфа о монашествующих, помещенная ниже, на л. 23; в Ув. 73, л. 64 об., 65 эти строфы помещены одна под другой. ^{Ц-Ц}Испр. из: "монахиней". ^{Ч-Ч}Над строкой, вместо зачеркнутого: "В царство небесно с собою вселяет". ^{Э-Э}Испр. из:

И новому же в молитве на- чало(,)	Дабы жителство в мире пре- бывало.
Царь и патриарх с священ- ным собором	И христиан всех с усердным обзором;
Хвалословие купно воспе- вают(,)	Приятна лета и Христа про- шают.
Господь же дает в своей благодати	За прошение в небо успевати.

Воды творится зри ^Д освяще- ние	В сохранство людей ^Д , в ползе кропление.
---	---

Егда ^А Иисус Христос имену- ем ^Д	Крест его святыи на нас, зна- менуем ^Д .
В нем бо Христова великая сила	Вражи ^В крепость ^В вконец сокрушила.
В молитвах крест ^Г и в воде грузится(,)	В ^Д чистоту ^Д верных она ос- вятится.
Пиюще ^Е люди оною кропятся,	Всяка злокозньства врагов свободятся.
Былот здравие в ^Ж святости ^Ж победу(,)	О верный гряди по церковном следу.

Чин хождения с святыми иконы. Известни Богом людей оборо-
ны.

Явленна молба христиан тво- рится	Егда со кресты в ход ити случится.
--------------------------------------	---------------------------------------

"На молитву всех собор сотворяет". ^ДНад строкой. ^{А-А}Испр. из: "Идеже Христос Иисус призываем". ^БНад строкой, вместо зачеркнутого: "изъобража(ем)". ^{В-В}Испр. из: "враги до конца". ^ГНад строкой, вместо зачеркнутого: "сей". ^{Д-Д}Над строкой, вместо зачеркнутого: "Да (зачеркнуто); И (над строкой) во святость". ^ЕДалее зачеркнуто: "бо". ^{Ж-Ж}Над строкой, вместо зачеркнутого: "и миру". ^ЗНад строкой.

Весь собор священ и верни народы	В православии имуще свободы.
О всем Господу хвалу воз- сылают(,)	Идуще ^З имя ^К его прославляют.
В случаях благих и злопри- ключенных	Общ глас Бог слыши ^К творит утвержденных(.)
Благочестие зело всем по- лезно.	Славити Бога повсюду любез- но.
Великую мзду оный возме- ет.	Кто за ^Л кресты ^Л в ход шед честь славу деет. /л.23/
<hr/>	
Благочестиво тело погреба- ют(,)	В церкви пением душу в рай пущают.
<hr/>	
Изволение Бога всемогуща	Жить ^М всякой душе пределы дающа ^В (.)
Тело ^О о душею жив ^П , плоть ^Р умирает(,)	Разлучився ^О дух ^О (,) тело персть бывает.
Но христианско с церковни молитвы	Погребаются вечными ^Т гос- титвы.
Душа свободно ко Богу вос- ходит	Кто по ней память, милость всегда плодит(.)
Ибо церковно о ней прошение	От мытарств грехов творит решение.

^МДалее зачеркнуто: "святое". ^КИспр. из: "ольшай". ^{Л-Л}Над строкой, вместо зачеркнутого: "с иконами". ^МИспр. из: "жизнь". ^ВНад строкой, вместо зачеркнутого: "имуца". ^ОВ начале строки зачеркнуто: "живет". ^ПИспр. из: "живет". ^РНад строкой. ^{О-О}Испр. из: "Разлучившиеся". ^ТВ Ув.73, л.67: "в вечныя". ^{У-У}Над строкой, вместо зачеркнутого: "многа". ^ФДалее зачеркнуто: "Церковь извещение". ^{Х-Х}Испр. из: "усопших в вере знати". ^ЦВ черновике ошибочно поставлена точка; испр. по Ув.73, л.68. ^ЧВ Ув.73, л.68 ошибочно: "отопи". ^ШНад строкой, вместо зачеркнутого: "многия". ^ЪДалее зачеркнуто: "в злобе". ^ЪНад строкой. ^ЯИспр. из: "верны". ^ЪНад строкой, вместо зачеркнутого: оболстят".

Усопших душ верных помя-
новение(-)

Полза в^У церкви^У всем, и ос-
вобождение^Ф.

Люди живи вси должны поми-
нати

Родитель(,) сродник(,) ^х усп-
шим^х помогати

Милостыню(,) жертв прино-
шением(,) ^ц

На гробы телес верных хожде-
нием.

По всех христиан и колива
носят(,)

О отпусте грех в покой
Христа просят.

Никто же минет смертныя
дороги(,)

А в жизни душам^ч грехов
споны^ч многи.

Предела^ш держись церкви
своей прага(,)

Не свержет ересь в погибель
та нага.

Ибо презорство^ш от мног
днесь творится(,)

Без молитв церкви^в вечно
погубится.

Правда христиан имать бла-
гую^ю веси^я(,)

Не затемнят^а в еретик всех
лесн(,)

На солнце стоит правда ук-
расяя(,)

Благочестием повсюду светя-
ся.

Солнце крнётся ночью обла-
ками(,)

Правда не тмится злоб ере-
тиками(,)

В церкви права суть истин-
ну имущим(,)

В мудровании святых отцев
сущим(,)

Похвалны чины и память
свершена

Живым^б и усопшим еи^в извещен-
на.

Церкви вся чины правдою
держите

О чада верна(,) еретик го-
ните.

Ибо в надежде востания
чаем(,)

Благолепием Бога ведичаем.
/л.23 об./

Благочестивых собор ради
верн.

Имети людем отцев святых
меры.

Благоверие творится собо-
ром

В разорение еретик раздором.

Сходится церковь(,) царие
и власти(,)

Да пребудет люд без вояки
напасти.

Патриархи же(,) весь собор
священный

Глаголют символ веры изве-
щенный.

^б Над строкой, вместо зачеркнутого: "здравым". ^в Испр. из:

Закон науку отцев предлагают(,))	Единоудрство везде утверждайт(.)
Ереси кленут(,) изгонят ^В злобских(,)	Да не говорят в соблазн словес ложных.
Во единой вере войны ^Г не бывает.	Вся бо ^Д чин ^Д страну предел ^Е жити знает.
Поход в воинство с благословением(,)	Победа врагов всех ополчением.

За ^Ж веру ^З (,) царство ^И должно брань творити	Чтоб и отечества никто мог вредити.
Но ^К война за грех в царствах стран бывает ^Л (,)	Страшную казнь Бог тамо ^М попускает ^Н (.)
Тем разсмотретья себе повеся	Насть ли в противность чего Богу здесья.
И в полки ити каяся во страсе(,)	Да не явится кто в скорбном грех гласе.
Бог даст победу враги побеждати,	Не ^П возмогут те ^О рук на тя подняти.
Веру содержи ^П , церковь чти ^Р святую(,)	Злобство ^О , ересь всяк строби ^И клятуу.

По^У оем правди писати^У

БЛАГОДАРИЕ

Богу честь в Троице буди ^Ф присно Слава ^Ф (,)	Церковь ^Х бо ^Ц полна ^Ц спасительна нрава.
Богородица буди улаженна.	Ем о людех молба умноженна.

"и эл(обожных)". ¹Над строкой, вместо зачеркнутого: "брани". ^{Д-Д}Над строкой. ^ЕДалее зачеркнуто: "в". ^{Ж-Ж}Двустипия переставлены цифрами, было: 2, 1. ^ЗНад строкой. ^ИДалее зачеркнуто: "страну". ^КНад строкой. ^ЛНад строкой, вместо зачеркнутого: "творится". ^МВ Ув.73. л.69: "за грех". ^ННад строкой, вместо зачеркнутого: "Никто". ^ОИспр.из: "бо". ^ПНад строкой. ^ОИспр. из: "Злобство". ^РНад строкой, вместо зачеркнутого: "бор(и)"; далее в строке вариант: "губи". ^{У-У}В Ув.73, л.69 об. - нет. ^{Ф-Ф}Испр.из: "И слава повсюду". ^ХИспр.из: "В церкви". ^{Ц-Ц}Над строкой, вместо зачеркнутого:

Церковь святую она защи-
щает (,)

И святи вси божии угодни-
ки

Хранители нам ангели гос-
подни.

Благоверный к ней хвалы уча-
щает.

В Христе радуйтесь в церкви
сродники.

Творите пути в храм святей
свободни.

АЛЛИЛУИА

АЛЛИЛУИА

АЛЛИЛУИА

СЛАВА ТББЕ

БОЖЕ.

Церковнаго мудрования и благопробывания многолетна,
и горняго Сиона матере церковей пресладчайшаго со
Христом наследства всем христианом присно желая
хуждыйи иеромонах Карион Истоминон челом бил про-
шения просит Типографии справщик"

ГИМ, Чудовское собр. № 98/300, л. 323-
323 об., 324 об. (автограф, черновик;
предисловие и заглавие); № 100/302,
л. 21-23 об. (автограф, черновик; ос-
новной текст). Разночтения по: ГИМ,
Уварова 73, л. 55-69 об. (автограф,
беловик).

"навыкай".

/Чуд.302,
л.26об./ ИМУЩИИ МОЛЕНИЕ^В, УЧЕНИЕ^В И ПРЕМУДРОСТЬ.

"ГРАД^А ЦАРСТВА^Б НЕБЕСНАГО^Б,
В ЕГО ЖЕ ЖИТЕЛСТВЕ ВСЕТВОРЯЩИИ БОГ
ЗНАЕМ И^Г ЛЮБИМ^Г ЕСТЬ^Д.
СОГРАЖДЕН СЛОВООБРАЗНЕ^Е.
В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ.
МИРОЗДАНИЯ 7202-ГО ЛЕТА
МЕСЯЦА -го ДНЯ.

Иеромонах мний Гармон Истомин
людем входити в^Ж сей град^Ж и жити с Христом
в век радостно просит,
Типографии справщик".

/Ув.73, л.27/ "Благороднейший богосотворенный человек в пра-
вославие, и в богомудрое учение великий государь царе-
вич и великий князь Алексий Петрович всероссийский от-
чичь и дедичь, Спасенно здраво возрастай(,) живи пре-
многая лета, и радуйся в Госполе присно^З".

Изначала убо миротворения лета, самем Богом жизнь сия
добра воспета [благороднейший государь царевич] яко же пи-
шется, и везде Бог вся елика сотвори, и се добра зело.

Истинно же добра, яко Бог всеблагий сотвори ю. И по
святому апостолу: все создание^И божие, еже есть на земли,
добро и ничтоже отменно со благодарением приемлемо.

И что убо более сего добра(,), яко Бог сотвори челове-
ки из небытия в бытие, прежде же и нас введе, и ныне вводит

^АВыше зачеркнуто: "ПОЛИС си есть"; далее зачеркнуто: "свя-
тый". ^{Б-Б}Над строкой. ^{В-В}Слова переставлены цифрами, было:
"2,1". ^{Г-Г}Над строкой. ^ДДалее зачеркнуто: "И веселящихся
(испр. из: "веселящимися") в нем паче всего любит Господь.
И царство небесное подаст во веки". ^ЕИспр. из: "словеснооб-
разне". ^{Ж-Ж}Над строкой, вместо зачеркнутого: "в него и радо-
ваться". ^ЗЗдесь и далее написанное киноварью подчеркнуто од-
ной чертой. ^ИВ слове буква "о" вставлена чернилами правки
(ч-2).

во вселенную. И благослови их, и умудри, и прослави. Яко же вешает Иисус Сирахов сице: Прославлен бысть паче всякаго животна в твари Адам.

И едию же кое дело ию дадеся человеку, точию тварь сий Всетворца непрестанно да прославляет.

И в том кнйи путь свой исправит, и^к даже до старости угодит Богу.

И сего ради желающим его щедрот и любящим, всею душою и всем сердцем /л.27 об./ господа Бога своего, и на его безмерную милость надеющимся, Бог по учителству святаго апостола Павла град уготова спасения вечнаго.

В нем же вси жителствующи^л возвеселятся и возрадуются пресладко неизглаголанно, и безконечно со святыми премирными чинми аггелов и человекво: В^м тяжестех бо сие есть(,) во владетелстве града того всемудрый Бог знаем и любим есть благоговейными граждани^н.

В житии убо мира сего несть каковая отрада кому, аще бокия мудросотвореннаго града не наследствит.

Град же Царя великаго, не из камений или древа состроется, Но потаенный сердца человек кроткаго и молчаливаго и благоразумнаго духа, через премудрое учение, и познание себе самаго, и всего видимаго сего на земли, и невидимаго на небесех сотворения, и вседержителя Бога^о, его же^п божественным всемошеством созидаем бывает.

Созижду (рече)^р и вселюся в них и похожду, и премудростную ловитву благословлю, и нишаго ума разумным хлебом насыщу. И вождествуется к небесному граду вслякая умнословящая душа учением, яко по степенем лествици^с духовно премудростныя/л.28/.

О том убо граде воистину преславная илаголашася, яко

^кНа правом поле, Ч-2. ^лИспр. из: "житствующии" (Ч-2).

^мИспр. из строчной буквы. ^нДописано Ч-2. ^оЗаятая вставлена Ч-2. ^пНад строкой, Ч-2. ^рКруглые скобки в тексте. ^сИспр. Ч-2 из: "лествици".

царствующий пророк псаломствует.

И что онаго преславнее(,) яко^Т посреде его древо^Т жизни, Премудрость вкоренися, и наводнившись от божия Духа, изращает плоды, взрныя люди она присно питает.

Во граде бо Премудрости делати и хранити заповеди Господни изрядно есть, и приближно зрети Бога, паче всего есть.

И тем по гласу спасителя нашего Иисуса Христа небесное царство вънутрь человек имать быти.

И zde убо созидаемый душевный наш град в жилище божие Духом, горе преставлен той будет во царствование царюющему всеми Господу владыце: И никто же наш разорит град(,) с ним пребывающих.

Сего ради книга сия наречеса изрядне Град царства небеснаго. Согражден: Во(-)первых молитвою ко вседержителю Богу. Таже учением заповедей от него. По сем премудростию схожных^У обучений(,) колико их есть.

Во известие же их образы стихоописанми к ползе зрения предложиша сокращенне.

В нем же велий Господь и хвален zelo: с ним же лепотно пребывати, и огорстити спасение свое всякому в нем возможно /л.28 об./.

Тем же духомудраго жития град сей прославленному тебе^Ф великому государю благороднейшему царевичю и великому князю^Х Алексию Петровичю всеусердием приношу.

Да в нем ваше царское пресветлое величество богоугодне, здраво во известном всяком мудровании и разуме духовном премногая поживеши zde лета и всерадостно предвечнаго присносущнаго света наслаждатися имаши безконечно^Ц.

И в сей Град царства небеснаго да возруководствиши с тобою государем многия души и страны земныя человеком ко Богу живу истинну.

Зане по гласу любомудраго царя Соломона(:)^Ч Ничто же

^{Т-Т}Над строкой (ч-2). ^УНа правом поле вариант: "школьных".

^{Ф,Х}В тексте поставлены точки. ^ЦИспр. из: "бесконечно"(ч-2).

^ЧВ тексте точка.

такъ возлюбитъ Богъ, токмо сего(,) еже с Премудростию пребываетъ. Ею^ш же благоразумный Градъ созданъ быше. Любящии^щ же законъ господень непорочный, оградятъ о себѣ стѣну.

И^э истинно^э сицевою оградю, отъ врагъ видимыхъ^ю и невидимыхъ(,) кождый со отрадою поживетъ, и просветится(,) яко свѣтъ тверделный во граде небеснаго царства повсюду.

Твое же царское пресветлое величество благороднейший государь царевичъ сию книгу (Градъ)^я царства небеснаго благоволитъ милостивно^а отъ мене^б худшаго вашего рабичища и богомолца прияти. И ползаватися^в душеспа/л.29/сителною забавою(,) и утешатися здешняго жития добродѣяниемъ и видениемъ, и вечнаго въ небесехъ обещаннаго блаженства во Христѣ Иисусѣ господѣ нашемъ прекраснаго наследствомъ, непрестанно.

Ему же съ безначальнымъ Отцемъ и святымъ Духомъ слава, и держава(,) и поклонение^г, и честь^д преблагословенней дѣвѣ Богородицѣ Марии, и всемъ святымъ буди^е ныне(,) и присно, и во веки вековъ, аминь^ж.

Здѣ зри школ^з обученіе^з
Двадцать^и числомъ тѣхъ^и
День(,) часы(,) времена(,) годы,
Умство^м сими^м: вера въ Бога

По степенемъ хожденіе(,) Дѣла^к гласятъ си благія.
Страны(,) части знати въ роды
Вся^н постигнетъ. Радость многа.

/л.17/ Грамматика учитъ знати
Глаголати и писати
благо.

ш,щ Первые буквы слов испр. из строчных (ч-2). э-э Испр. из: "истинно". ю Испр. из: "видемых" (через ять). я Пропущено.
а Испр. из: "милствивно" (ч-2). б В тексте ошибочно: "менеи".
в, г Так в тексте. д Далее зачеркнуто: "и". е В тексте запятая. ж Последующий текст в Ув. 73 отсутствует. з-з Испр. из: "школнннн обученія". и-и Слова переставлены цифрами (3,1,2), было: "Числомъ тѣхъ двадцать". к Далее зачеркнуто: "своя".
л Далее зачеркнуто: "и". м-м Над строкой, вместо зачеркнутого: "Знаніе сихъ", н Испр. из: "Всяк".

Грамматику душе слыши(,)	Писмена в ней изучиши.
Обзри смыслом аз и буки(,)	Емли перо в твои руки.
Пиши слова добре складом(,)	Веди строки в разум рядом.
Глаголь(:) письму та начало(,)	Дело сие Богом стало.
К Христу простри мольбу(,)	Дает он ⁰ всем ⁰ спасение.

Синтаксис, есть счинение(,)

Словес в смысле явление.

Кто что когда возглаголет(,)	Синтаксис речи обколет.
Слово к слову счинит вняти(,)	В деле самом умом стати.
И трудное все покажет,	Где, от кого, в чесом вяжет.
Юным трбно в разум труда(,)	Да не затмит глупых руда.
Собрав речи - очиняй право,	В Бозе живи кождый здраво.

Пиитика, стихотворство,

Ирмосов^П(,) канон стройство^П.

Учаши пиитику	Творят стихи песней клику.
В мере слоги и ногами	Степеней счет(,) и перстами.
Какое ирмос в коей песни	Вся ^Р подобны стихов вместе,
И кув вещь описати(,)	Числом писмен в слог кончати,
Сия наука творение(,)	К Богу ума ^С смотрение.

Красномолвна риторика

Полна в словах сладка крика.

Риторика учение ^Т	Смыслов благих течение,
Действо кое в ней пространно	Глаголется все сохранно,
Подобства суть приводимы(,)	Писания красна зрими,
Бог устроил сие к ползе,	Да в доброту живем долзе.
Витийство ^У слов ся имеет,	Изрядство всем людем деет.

/л.17 об./

⁰⁻⁰Над строкой, вместо зачеркнутого: "всем вечно". ^{П-П}На правом поле, вместо зачеркнутого: "Учадам ю даст обзорство"; "канон" испр. из: "канонов". ^РДалее зачеркнуто: "мер(ы)". ^СНад строкой вариант: "творцу". ^ТНад строкой, вместо зачеркнутого: "зде наука". ^УВ начале строки зачеркнуто: "Из".

Злато(,)камень разны вкусы(,)
Тщися душе разсмотретья(,)
Философия царственна

Животных род(,) в^В водах
трусн^В(,)
Имаш^Г небом век владати.
В разуме изрядственна(.)
/л.18/

Астрономии^Д сохранство(,)
Звездозакониа знанство(.)

Звездам закон пределися(,)
Како Солнце(,) Луна ходит(,)
Солнце Землю согревает(,)
Всю красоту Бог устроил
Умному се предложено

По небу зря всяк дивися,
Действом своим время водит.
Травы(,) древа изращает.
Человек бы небо своил,
Астрономство,в Творце свер-
шенно.

Феология священна
Богословиа умственна:^Е
В ней вся дела Богом сташа(,)
Вси^Ж святии се вещаша.

Всетворец Бог в тройце знаем
Землю(,) небо душа смотря(,)
Сердцем^К(,) умом умудрится^Л(,)
Яко царска дева чиста
Он есть твари всей правитель
Феология преславна (,)

От^З всех умных^З прославляем.
В зданстве тварей^И ум изостря,
Зрети Творца во^М всем тщится^М.
Выши естеств чтит Бога иста,
Человеком в любви житель:
Неть zde в мире тебе равна(.)

Музыка zde сладость песней(,)
В Бозе игра душе вестней.

Съединися Христу душа(,)
Орган чист с(л)ух тело строит,
Молитвами ударяет(,)

Судьбы его крепко внуша(,)
Любовь сладку^Н струн усвоит.
Хвалу Богу возглашает.

^{В-В}Над строкой, вместо зачеркнутого: "и вид русый; в земле (над строкой)". ^ГДалее зачеркнуто: "ду(шев)". ^{ДВ}В начале строки зачеркнуто: "Зде". ^ЕНад строкой, вместо зачеркнутого: "спасенна". ^ЖВ начале строки зачеркнуто: "О". ^{З-З}Подчеркнуто; над строкой вариант: "Вси умнии". ^ИНад строкой, вместо зачеркнутого: "своем". ^КДалее зачеркнуто: "и". ^ЛНад строкой, в строке вариант: "просветися". ^{М-М}Испр. из: "всех потщися". ^НВ строке, вместо зачеркнутого: "крепку".

Глас молчащ^у умн проповедник
В мусику^о сю^о кождый тишися

В небе блажен сообедник.
Славить Бога(,) свят явися^п.

Врачевство есть душе(,) телу,
Болезными зде омертвелу.

Тело^р(,) душу Бог^с врачуют Аще ему согласует,
По^т преступстве^т болезнь стася, Человек бо в забыть^у взяся.
Врач, учитель совершенный(,) Существ(,) естеств наученный,
Каков недуг объявляет(,) В Бозе лечбу подавает,
В нем пластырь(,) покаяние(,) Зелий(,) пишь принимание.
Сотворил все Господь к ползе(,) Свята^ф душа живет долзе.

/л. I8 об./

День зде бежит скорый птиц(,)

Присно летит без возницы.

Человече(,) дни исчитай(,) Чисто(,) свято везде витай,
Смотри бегства скородневна(,) От^х начала мира древна^х,
Грех тобою не свладеет(,) Аще добре жизнь ти спеет,
Облак солнце разгоняет(,) День ночью ти да не стаает.(.)
Что сотворен благодари Бога всегда в ранней зари.

Ночь в борзости пролетает

Кто много в ней усыпает.

Ночь наступит, опочити Долг^п, Бога в той восхвалити^ч.
Луну(,) звезды виждь текущих(,) Присно^ш в небо тебе ждущих,
В полунощи свет праведным(,) В^ш полудне же тма скаредным,
Человеку несть^з дне блага Не преставшу дела злага.

^{о-о} Над строкой, вместо зачеркнутого: "сию игру". ^п Далее тем же почерком и чернилами приписано: "Не красна похвала во устех грешных". ^р Далее зачеркнуто: "и". ^с Далее зачеркнуто: "сам". ^{т-т} Над строкой, вместо зачеркнутого: "Но по нужди". ^у В тексте ошибочно: "забыть". ^ф В начале строки зачеркнуто: "д(а)". ^{х-х} Над строкой, вместо зачеркнутого: "Како течет жизнь ся вредна". ^ц Далее зачеркнуто: "и". ^ч Испр.: из: "хваляти". ^ш Над строкой, вместо зачеркнутого: "Всегда". ^ш В начале строки зачеркнуто: "и". ^з Далее зачеркнуто: "ж".

Время течет и ношью(,)

Бодрствуй душе в^Ю ню^Ю мощию(.)

Во дни(,) в ноши часы ходят,

Свое время в коло водят.

Часы когда ударяют

Жизнь^Я людскую^А сокращают(.)

Минет время(,) не вратится(,)

Человек быв в смерть клонится,

Непотребно во^О празности^О
Во всякий час молиться(,)

Часов терять^В и в старости,

Похотей злых хранитися.

Царя веков прославляти(,)

Лености сон отгоняти,

Звона слушай(,) зри и млаты(,)

Кола идут(,) где нам браты.

Перво время весна красна,

Миротворства провозгласна.

Егда весна наставаает

Всякий^Г птенец воспевает^Г(.)

Облечется земля в травы(,)

Царска весна полна^Д славы(.)

Люди труды поднимают(,)

Оря^Е(,) в^Е землю насевают^Ж.

Мыслям садом добра совесть

Всяким родом сладка повесть.

Измлада всяк украсися(,)

Трудом^З плодом^З благ явися^И.

/л.19/

Царско время славно лето

Во^К изрядстве^К всем воспето.

Лето благо во украсе(,)

В трудех(,) плодех то^Л во
гласе.

Цветы травны в нем есть зрети,

Жниво в полях долг имети,

Всяко дело во удобстве.

Ясти плоды, хлеб, в господ-
стве(.)

Царствит^М лето изобилством(,)

Емлись в разум душе смыслством.

^{Ю-Ю} Над строкой, вместо зачеркнутого: "ти". ^Я Над строкой, вместо зачеркнутого: "Время". ^а Испр. из: "людем". ^{б-б} Над строкой, вместо зачеркнутого: "из младости". ^в Далее зачеркнуто: "д(аже)". ^{Г-Г} Над строкой, вместо зачеркнутого: "Земля в травы облакает". ^Д Испр. из: "пойдет". ^{е-е} Испр. из: "Оря". ^ж Над строкой, вместо зачеркнутого: "и копают". ^{з-з} Над строкой вариант: "Богу и людям". ^и Далее на нижнем поле тем же пером и чернилами: "Марта 25". ^{к-к} Над строкой, вместо зачеркнутого: "В трудех, плодех". ^л Испр. из: "есть". ^м Испр. из: "Царствует".

Никто живет туне в свете(,) Бога моли в твоём^Н лете.

Осень время совершенно,
В нем сад^О, поле плод счищено.

Третье время осень в годе Властвует^П во свободе,
Люди с поля жатву свозят(,) Мланием житу грозят(.)
От дров и трав плод собраша(,) Готов овощь, хлеб и каша.
Снижается тогда Солнце (,) Виноградов греет тронце(.)
Время третье кто^Р идеши(,) Руки^Р Христа да^С взыщещи.

Зима время царствует(,)
Хладом(,) мразом началствует.

Четвертое зима время Возлагает людям бремя.
Всего земля обнажится(,) Трав и древес лист свалится.
В студ^Т и дрова пригодятся(,) Седины в мраз появятся.
Ради хлада вздевай шубы(,) Наг кто в грехах(-) стиснет
В старость время к концу^У ити(,) зубы.
Добро(,) красно с Христом
жители.

Тако люди год писаша(:)
Змия кругом времен даша(.)

Вьобразиша древлни мужи Лето весь год в змии ужи.
Год сотворит и сомкнется, Паки^Ф назад разогнется.
Четыре суть в году времена Имут своя вси имена.
Круг же лета званство стяжут(,) В течении то не свяжут.
Идут лета кругом наша(,) В^Х правде святы^Ц змий попра-
ша(.)

/л. 190б./

Восток страна в вид зовется,
В^Ч конец^Ч земли^Ш той берется.

^Н Над строкой, вместо зачеркнутого: "всем". ^О Далее зачеркнуто: "и". ^П В начале строки зачеркнуто: "Трудов люди".
^{Р-Р} Испр. из: "идеши, Руками". ^С Над строкой. ^Т В тексте ошибочно: "стыд". ^У Далее зачеркнуто: "грядет". ^Ф В начале строки зачеркнуто: "И". ^Х В начале строки зачеркнуто: "От змий".
^Ц Далее зачеркнуто: "страха". ^{Ч-Ч} Вставлено в строку, вместо зачеркнутого: "Но". ^Ш Далее зачеркнуто: "вверх".

От земнѣя зде срединѣ	Восток страна идет в длины.
Посреде став, простер руки(,)	Знанство дает в свет науки.
Свет бо Солнца всход оттуду(,)	Учитися ^{III} долг ^{III} повсюду.
В слове Восток токмо знаем(,)	В нем бе Адам созидаем.
Зовет кто что наукою(,)	Не будет той с доукую.

Юг³ зде страна сама стоит(,)

От среды же землю своит.

Сияние Солнца зельно	В стране Юга идет делно(,)
Мерю бо Земля ^D равна(,)	В чертах предел своих давна.
С среды Земли и Юг знати.	Хоши в разум везде стати(,)
Родится там бисер(,) злато(,)	Умно держи(,) где что взято,
Человеком ображенна	Южна страна извещенна.

Запад страна по словеси(,)

Очи на вид Земли неси.

Свой содержит страна предел(,)	Запад в мере ^Я так же
Позри Солнца на западе(,)	ствердел ^в .
Стоя Запад зрит к Востоку(,)	Людем светит во отраде.
Страну познай(,) в чем	Руки простер впрямь от боку(,)
держится(,)	Умен в Бозе прав явится.
Тварь вся зрится в учении(,)	Возмеши смысл в случении.

Север страна четвертая(,)

Воздух Земля простертая(,)

Образ Север хотя жметя(,)	Странам в мере равн иметя.
За землю вдаль Солнце ходит(,)	Многу зде тму и хлад водит.
Но свет людем на Севере	Всем живущим(-) в Бога вере.
В стране добре проездиа(,)	Служить умным всяк годися.
В землю гряди небесную(,)	Узришь радость сътелесную.

/л.20/

Европа Земли^б часть зрима(,)

Многими царствы держима.

III-III Над строкой, вместо зачеркнутого: "Звати страну ту".

3 В начале строки зачеркнуто: "Пол(день)". D Над строкой, вместо зачеркнутого: "в чертах". Я Далее зачеркнуто: "весь".

в Испр. из: "отвердел". б Далее зачеркнуто: "в ней царства".

Не ^В от среды Земли части	Предел си имут класти ^В .
Морями ^Г бо и реками	Разделены царства сами(.)
От Азии делна Доном(,)	Морем Чермным(,) под законом(.)
Европа часть в царствах дева.	Веры правой есть насева.
Зловерники где суть стонит(,)	К хвале Бога людем звонит.
В церкви(,) в царстве свят	От еретик ничем лстися ^Г (.)
держися(,)	

Асия часть земли многа

В^Д лютости^Е царств имать рога^Д(.)

Велика часть есть Асси(,)	Держава в ней и России.
Роздел морем от Африки(,)	Злобожества та держит крики.
Татары в ней и арапы(,)	Турки(,) персы люты храпы.
Прокляты в них разны верн,	В делах имут скверны меры.
Гнушатися тех ^Е подобает	Кто христиан где бывает.
Не годятся Богу царства	Где несть ему благодарства.

Африка часть Земли^Ж к Югу(,)

Зверска^З глупость там^И в послугу^З(.)

Своя Земли часть Африка(,)	В ^К пространстве си ^К невелика.
Морем Влоским дел с полнощи(,)	С полдней Чермным(,) Солнца
Жаркость в Египте и в Ливи:(,)	в мощи
В ней и царства суть ^М	Люд ^Л ходит черн ^Л , суть наги.
различны(,)	Богомерских злоб навичны(,)
Ефиопы(,) индиане(,)	Безверством вси покрьяне(.)
Яко жена часть царствует(,)	Зверовидством напаствуует.

В-В Над строкой, вместо зачеркнутого: "Земли части не от кен-тра /В предел имут своя метра". ^{Г-Г} Стихи были переставлены цифрами, последовательность была: 1,5,2,3,4. ^{Д-Д} На правом поле зачеркнут вариант: "Зловерственна в царствах слога"; после "лютости" зачеркнуто: "злоб". ^Е Над строкой. ^Ж Над строкой, вместо зачеркнутого: "невелика; zde третия". ^{З-З} На правом поле, вместо зачеркнутого: "Земли в царствах к полдню; к Югу; отнертия". ^И Над строкой, вместо варианта: "вер". ^{К-К} Над строкой зачеркнут вариант: "К прежним пространств". ^{Л-Л} Испр. из: "Люди ходят черни". ^М Над строкой.

Америка часть четверта(,)
Ново^Н земля в знань отперта.

Волкохищна^О Америка
Тысящами лет^П бысть незнанна(,)
Веры разны в болвохвалстве(,)
Царства имут без разума(,)
Никто же бо что успеет
Тем^С пребуди наук в слозе
Людми в нравах(,) в царствах дика(,)
Морем зело отлиянна.
Наги^Р люди там в недоялстве.
Незнав Бога(,) худа дума.
Где глупость скверны и грех деет(,)
И^Т радуйся присно в Бозе^С
/л.20об./

БЛАГОДАРЕНИЕ

Боже всеблагий(,) тебе честь и слава,
Сподоби вся ны в благодати нрава(,)
Тебе твоя вся и нас предаваем(,)
Тя творца Бога верно восхваляем(,)
Жизнь сию мирно даждь препроводити(,)
Волю святую в век твою творити.
По сем в небесны Всели ты блаженства(,)
Да насладимся в тебе благоденства^У.

Благословение и честь буди и пресвятей владычице^Ф
деве богородице Марии, и всем святым ныне и присно
и во веки веков

Аминь(.)

Алидумя(.)

Таже пресвятейшая дева владычица богородица Мария^Х
буди благословенна, всеми роды чествуема(,) всякому
благосоделованию и^Ц мудрованию во учение^Ц помоше-

Н Над строкой, вместо зачеркнутого: "В знанство". О Далее зачеркнуто: "ты". П Далее зачеркнуто: "ты". Р В начале строки зачеркнуто: "Людми". С-С На левом поле другими чернилами (тождественными чернилам вступительных стихов на л.26 об.), вместо зачеркнутого: "Тем всяк клади мысль всю в Бозе /Радость будет наук в слозе". Т В начале строки зачеркнуто: "Всяк мысль". У-У Написано чернилами, тождественными вступительным стихам на л.26 об. и приписке на л.20. Ф Над строкой. Х Испр. из: "Марии". Ц-Ц Над строкой.

ствующая, и спасающая христиан^ч, вси святии и праведнии по Господе радуйтеся^ш(,) и все^щ о нас молитесь ныне и при(сно.)

Тем^о прошу аз о^ю молитву^ю(,) Даст в небе Бог вам гоститву(.)

Писавый поклонение
Смиренное творит".

ГИМ, Уварова 73, л.27-29 (автограф, беловик; предисловие); Чудовское собр., № 100/302, л.26 об., 17-20 об. (автограф, черновик; основной текст).

^ч Над строкой. ^ш Далее зачеркнуто: "ныне. ^щ Над строкой.
^о Далее зачеркнуто: "вас". ^{ю-ю} Над строкой, вместо зачеркнутого: "прощения".

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПОМЕСТНО-
ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В РОССИИ (XVI—XVIII вв.)

Социальные структуры и отношения находят свое наиболее полное выражение в законодательных источниках изучаемого периода. Законодательство как источник имеет то преимущество, что, взятое в совокупности, оно охватывает все стороны государственной политики¹. При этом оно сохранилось полностью, поскольку документ сразу же публиковался, доводился до сведения. В возникновении этого источника отражены потребности государства, причем законодательство выступает как правовой инструмент его функционирования. Право — законодательное закрепление реальных социальных отношений: оно отражает объективную картину социальных отношений и противоречий в данную эпоху. Важно отметить, что система законодательства не есть адекватная проекция общества в законах. Дело в том, что те структуры и учреждения, которые существуют стабильно и не вызывают потребности изменения, в них не отражены или отражены косвенно. Но зато законодательство в его историческом развитии ярко отмечает изменения, касаются ли они классов, социальных групп, сторон управления, новых территорий, новых социальных институтов². Эти особенности законодательных источников определили подход к их изучению: исследование всей совокупности источников; их анализ в сравнении с законодательством предшествующего и последующего периодов. Подходя с этой точки зрения, мы рассмотрели российское законодательство от Уложения 1649 г. до конца XVIII в.

Законодательные памятники традиционно используются в отечественной историографии практически всех ключевых проблем российской истории: истории экономики, города, дворцового и вообще государственного хозяйства, церкви, а также государства и права. Однако при этом подходе используются только те законодательные акты, которые имеют отношение к данным проблемам, причем часто они не становятся объектом

источниковедческого анализа. Специальные исследования памятников права немногочисленны³. Большая правовая литература ставит своей задачей изучение развития норм государства и права и рассматривает памятники права преимущественно под этим углом зрения.

В данной работе принят другой подход: задача состоит в том, чтобы проанализировать российское законодательство ХУП-ХУШ вв. как самостоятельный вид источников. Это предполагает изучение всей совокупности документов, сопоставление различных этапов их эволюции, раскрытие видовых особенностей источников. Основная цель исследования состоит в установлении информационного богатства памятников по проблеме социальных структур и отношений изучаемого периода.

Законодательные источники представляют собой обширный комплекс документов различных видов (указов, наказов воеводам, уставов и инструкций государственным учреждениям, жалованных грамот и других документов, фиксировавших привилегии лицам или социальным слоям и др.). Весь массив изученного законодательства распределяется по царствованиям следующим образом: при Алексее Михайловиче издано 618 узаконений, при Федоре Алексеевиче - 295; при Иване и Петре - 622, при Петре I - 3107, при Екатерине I - 427, при Петре II - 427, при Анне Иоанновне - 2705, при Анне Леопольдовне - 211, Елизавете Петровне - 2917, при Петре III - 192, при Екатерине II - 5948. В последующий период объем законодательства пошел резко вверх - при Павле - 2240, при Александре I - 10822. Таким образом общий объем источников зафиксированных в РСЗ составляет за 175 лет (1649-1825 гг.) - 30600 узаконений.

Изучение совокупности источников позволило выявить главные направления развития социальных отношений, которыми являются отношения феодальной собственности на землю и взаимоотношения классов и государства. Вопросы феодального землевладения нашли достаточно полное отражение в Уложении 1649 г. Оно суммировало нормы поместного и вотчинного землевладения, узаконило источники их пополнения. Главное внимание было обращено на освоение и закрепление за владельца-

ми запустевших и вновь осваиваемых земель, а не на дворцовые и черносошные, бывшие ранее почти единственным источником пополнения. В Уложении были закреплены нормы, отражавшие начавшийся процесс сближения условного поместного землевладения с вотчинным, среди которых отметим наследование поместий, разрешение продажи поместий в вотчину, выделение части поместного владения на прожиток и другие. Большое внимание уделено было в Уложении вотчинному землевладению, были разработаны, в частности, различные права наследования родовых, выслуженных и купленных вотчин, причем различались купленные земли у других землевладельцев, из поместных, купленные из порозжих земель и по завещаниям чужеродцев. Предусматривался порядок выкупа вотчинных земель из числа заложенных и проданных. Уточнение и разработка правовых норм условного землевладения развивались в сторону сближения поместий и вотчин.

Документация послеуложенного периода царствования Алексея Михайловича с исключительной последовательностью проводит решение проблемы законодательного закрепления феодального землевладения, прежде всего поместного. Это прослеживается на большом конкретном материале. Так, издаются указы о пожаловании поместных окладов курским боярским детям⁴; о пожаловании поместий на южных украинских землях⁵, об утверждении поместий орловским и курским детям боярским⁶. От указа к указу последовательно отрабатываются нормы, связанные с общим процессом распространения на поместное право вотчинных привилегий, и относящиеся к вопросам наследования поместий и условий их обмена: таковы указы о наследовании детей помещиков, о части братьев, о мене поместьями, справе поместий за зятьями, даче поместий женам в прожиток, об условиях прожиточной доли поместья при четвертом браке и другие⁷. При установлении правовых норм прослеживаются пути передачи в поместное владение различных земель. Это — указы о передаче оброчных земель беспоместным и малопоместным, о поместьях сведенцев, об оформлении прав на поступные владения, об отдаче порозжих пустошей первым просителям, отдаче пощипутых

поместных и порозжих земель украинным курским и орловским детям боярским, о закреплении сдаточных поместий от иноверцев за новокрещенами и др.⁸ Расширяя фонд поместных владений за счет освоения новых земель, правительство в то же время стремится использовать такой инструмент как конфискация владений для закрепления дворянства на службе: таков, напр., указ 15 февраля 1671 г. об отписке поместий и вотчин за неявку на службу и побеги с нее⁹. Продолжают совершенствоваться и уточняться нормы, связанные с наследованием вотчинных владений. Отметим здесь указы 1 мая 1650 г. о порядке отдачи выслуженных вотчин во владение наследникам и о порядке передачи выслуженных вотчин в род¹⁰, а также указ 28 сентября 1650 г. о передаче купленных вотчин наследникам¹¹. Внимание к вопросам о правовом статусе выслуженных и купленных вотчин в рассматриваемый период свидетельствует о том, что идет процесс перераспределения вотчинных владений внутри боярской верхушки. Наряду со стремлением сохранить права рода на родовые наследственные владения (в частности, об этом свидетельствуют правовые нормы выкупа заложенных и проданных родовых владений) прослеживается внимание к правовому статусу вновь приобретенных вотчинных владений — выслуженных, т.е. полученных в вознаграждение за службу и приобретенных за деньги — купленных вотчин, о чем свидетельствует постоянное совершенствование законодательства по этому вопросу. Обострение местнических споров, о которых говорит ряд указов рассматриваемого периода, следует поставить в связь с этим перераспределением земель, когда аристократические амбиции приходят в противоречие с реальным материальным и служебным положением представителей боярских верхов. Правительственная позиция прослеживается в этих указах достаточно четко как стремление ограничить эти претензии старой знати. Отметим здесь указы о наказании за неправильные местнические притязания от 1 и 10 апреля 1650 г., от 13 мая 1650 г. 30 мая 1651 г., 9 февраля 1651 г. и ряд других, содержащих сходную постановку вопроса¹². Таким образом, Уложение как единый кодекс правовых норм от-

разило положение всех классов и сословий Московского государства, явившись своего рода источником о различных слоях общества. В рассматриваемый период, фактически сразу после принятия Уложения, государственно-правовая мысль начинает работать над его дополнением и развитием. Эта работа с самого начала ведется в строго определенном русле: пересматриваются или дополняются как раз те части Уложения, которые непосредственно связаны с урегулированием и расширением прав феодального землевладения, как поместного так и вотчинного. Законодательство Алексея Михайловича послеуложенного периода в этом отношении особенно характерно. Из других его тем отметим лишь попытку урегулирования материального положения служащих государственного аппарата: указ от 23 августа 1657 г. устанавливал оклады подъячих центральных государственных учреждений. Согласно указу устанавливались денежные оклады трем категориям подъячих (10,7 и 5 руб.)¹³. Эта направленность законодательства главным образом на правовое обеспечение феодальной собственности на землю прослеживается и в последующее время.

Основными темами законодательства Федора Алексеевича являются как традиционные так и некоторые новые вопросы феодального землевладения. К традиционным темам относятся проблемы сближения поместий и вотчин, развития права наследования поместных и вотчинных земель, а к новым аспектам этой главной темы — закрепление прав владения на значительный новый регион Юга страны — Дикое поле. В развитие этого вопроса возникает проблема государственного размежевания земель как формы государственного закрепления прав на нее. В центре внимания законодательства правления Федора — распространение права собственности в отношении условного поместного землевладения; раздача в поместья и вотчины свободных земель, борьба между различными категориями владельцев за землю. Проследим на конкретных законодательных источниках этого времени политику правительства в отношении к этим процессам. Распространение права собственности на поместное владение прослеживается в ряде указов, иногда посвященных конкретным пра-

вовым ситуациям, но в целом имеющих четко вырисовывающуюся общую тенденцию. Отметим указ 22 февраля 1676 г., в котором поднимался вопрос об обмене поместья на вотчину с большими переходными четвертями¹⁴. Обмен поместья на вотчину открывал возможность владельцу поместья перевести свои владения в другую правовую категорию. Разрешение мены поместья с вотчиной в определенной мере уравнивало их правовой статус, в чем помещики безусловно были заинтересованы. Указ разрешал проведение обмена с большими переходными четвертями, что запрещалось ранее. Таким образом, правовая норма Уложения дополнялась в желаемом для помещиков направлении. Накопившийся к этому времени законодательный материал о статусе поместного владения в рассматриваемый период был обобщен. Новоуказные статьи о поместьях были приняты 10 марта 1676 г. "в пополнение Уложения", они обобщали правовой материал по вопросу о мене поместьями, сделав еще один шаг в направлении сближения двух основных форм феодального землевладения¹⁵. Дальнейшее развитие получили правовые нормы, связанные с вопросом о родовых, выслуженных и купленных вотчинах. Вновь уточнялся порядок наследования родовых и выслуженных вотчин, наследование прожиточной части родственниками по женской линии, положение о купленных вотчинах, о закладе и покупке вотчин у чужеродцев¹⁶. 10 августа 1677 г. были приняты развернутые новоуказные статьи о правовом статусе поместья и вотчины. В них обобщались ранее принятые указы, касающиеся обмена и права наследования поместий, в том числе — об обмене прожиточных частей поместий¹⁷. Важно отметить отражение в этом документе вопроса не только о земле, но и о живущих на ней крестьянах. Рассматривалась правовая ситуация, когда из приданных вотчин крестьяне переводились на поместные земли, а эти вотчины подлежали возврату по родству. В этом случае крестьяне с поместных земель подлежали возврату в вотчину в соответствии с записями в писцовых книгах. Процесс сближения правового статуса поместья и вотчины продолжается. Характерна в этом отношении уже сама формулировка указа 1676 г. "о даче поместий в вотчину"¹⁸. В том же году

предусматривается "невозврат поместий, уже отданных в чужой род"¹⁹, регламентируются права родственников различных поколений на поместья, уточняется вопрос об оформлении грамот на мену поместьями, об условиях передачи поместья в залог²⁰. Предусматривался вопрос не только об обмене поместий на вотчины, но и о мене владельческих земель с монастырскими, причем поместья и вотчины при этом рассматривались в одном ряду, по вопросу о земельных владениях иноземцев поместья и вотчины рассматривались также вместе²¹. Обмен поместий на монастырские земли разрешался даже с большими переходными четвертями, хотя за неравноценным обменом могли стоять фиктивные сделки, означавшие по существу заклад или продажу земли. Такой обмен утверждался при наличии совместного заручного прошения монастырских властей и помещика. Активная законодательная деятельность обобщалась в новоуказных статьях, регламентирующих ряд аспектов земельных отношений и противоречий, но они не исчерпывали правовых ситуаций, возникавших на практике, что находит отражение в последующих указах, динамично появлявшихся один за другим²²: о порядке продажи поместий тех лиц, которые не платят пошлин, о порядке дачи поместий, ряд указов о подмосковных поместьях.

Характерной чертой социально-экономического развития страны последней четверти ХУП в., которая находит отражение в законодательстве, является распространение поместно-вотчинного права владения на незанятые ранее земли. В это время шел быстрый процесс колонизации земель юга страны, украинских земель, дикого поля — степных черноземных земель, весьма перспективных для развития земледелия. Источники показывают продажу "диких полей" окраинных земель в вотчины, раздачу их в поместные оклады, раздачу порозжих земель на оброк, дачу "пустых", незаселенных поместий вновь в поместья и вотчины, пожалование поместий за службу в Чигиринском походе, закрепление поместий за стольниками, "отдачу детям боярским поместий в Диком поле, где они поселились", "придачу боярам и воеводам поместного и денежного жалования", и вновь — раздачу земель в Диком поле²³. Раздача земли в Диком

тырям, Вяжицкому монастырю на вотчины³² и другие, причем впоследствии некоторым из них были даны также подтвердительные грамоты. Центральная власть выступает также в качестве арбитра в отношениях между отдельными церковными феодалами, что отражено, напр., в жалованной грамоте Кириллову монастырю, освобождавшей его от платежа обременительных пошлин Ростовскому митрополиту, причем обоснованием при этом послужило не церковное, а светское право со ссылкой на Уложение 1649 г.

В условиях обострявшейся борьбы за землю, землевладение определенных регионов страны закреплялось за местными феодалами, добившимися в этом отношении определенных законодательно подтвержденных преимуществ. Законодательство рассматриваемого периода в качестве таких привилегированных территорий выделяет Замосковский край, Смоленские земли и другие пограничные регионы. Запрещалась передача московских поместий в приданое и другими путями в Новгород и Псков, предусматривалась раздача поместий в Смоленском княжестве только смоленской шляхте и рейтарам, подобные привилегии предусматривались и для других окраинных городов³³. Под Симбирском, напр., запрещалась раздача в поместья симбирских солдатских земель, поскольку население солдатских слобод несло службу и отобрание у них земель лишало их возможности ее продолжения³⁴. Законодательство отражает также позицию государства как социальной силы и как коллективного феодала. В первом случае отметим законодательство о беглых крестьянах, которое развивается в направлении уточнения порядка судебных дел о них, усиления наказаний за держание беглых, разработки новых мер для их поимки³⁵. Во втором случае законодательство выступает против передачи помещикам крестьян дворцового ведомства, ужесточая меры воздействия за неплатеж повинностей (сведение беломестцев с тяглых земель за неплатеж тягла)³⁶. Острота борьбы по вопросам о землевладении отражена в свидетельствах законодательных источников этого времени. Отметим, напр., положение о "нечинении помещикам в поместных и вотчинных делах ссор и драк, грабе-

риод мы уже отмечали ряд указов, посвященных отдельным местническим спорам, в которых превалирует мотив пресечения местнических амбиций. Указ 1682 г. показывает, что правительство подошло к этому сложному вопросу с большой осторожностью. В отличие от лаконичного стиля правовых документов эпохи, указ об отмене местничества содержит тщательно разработанную мотивацию: он включает ряд идеологических аргументов, опирающихся на авторитет церкви и высших церковных иерархов, а также практические мотивы, связанные с тем, что местничество стало помехой в управлении, особенно в военных условиях, мешало выдвижению компетентных и авторитетных военачальников.

Одной из линий борьбы между различными категориями феодальных землевладельцев, нашедшей отражение в законодательных источниках, является борьба за вытеснение церковных феодалов, постепенное ограничение их прав. В этой связи следует отметить указ 9 августа 1677 г. об отмене тарханов³⁰, ставший определенным этапом секуляризационной политики государства. Бюлованные тарханские грамоты, выдававшиеся московскими властями различным и прежде всего церковным феодалам, подтверждали феодальный иммунитет в их владениях, выражавшийся в праве суда и сбора пошлин с местного населения. В рассматриваемый период укрепления самодержавной власти она смогла пойти на законодательное ограничение привилегий, дававших церковным феодалам существенные материальные и правовые преимущества. Отметим здесь также упоминавшийся указ, ограничивавший права церкви и, в частности, монастырей на освоение земель в диком поле, на что требовалось специальное разрешение правительства. В Сибири Туринскому воеводе специальным указом запрещалось санкционировать вклад и продажу поместий в монастыри без специального разрешения правительства³¹. В то же время можно отметить отдельные отступления от этой общей линии политики, выражавшиеся, в частности при Федоре, в предоставлении отдельных льгот монастырям. Об этом свидетельствует ряд специальных указов, напр., Иверскому, Покровскому Печерскому, Успенскому Казанскому монас-

поле рассматривалась как весьма престижное мероприятие: пожалование таких земель кравчему В.Ф.Одоевскому сопровождалось повышением его в местнической иерархии, что свидетельствует о связи экономического положения с социальным статусом в рамках существовавшей иерархии²⁴. Процесс быстрого распределения земельной собственности между феодальными владельцами отражен в ряде законодательных памятников рассматриваемого периода. Правительство стремится контролировать этот процесс с помощью ряда правовых законодательных мер. К ним можно отнести, напр., указ 28 января 1681 г., в котором вопрос о раздаче пустошей связывается с проверкой фиксации родовых и выслуженных вотчин по писцовым книгам²⁵. Во избежание злоупотреблений в земельных юридических сделках указ 5 апреля 1682 г.²⁶ подчеркивает необходимость их записи в Поместном приказе. Под определенный контроль берется и порядок раздачи земель в Диком поле. В годы правления Федора вотчинному праву посвящаются десятки указов²⁸. Эта активная законодательная деятельность свидетельствует о том, что процесс перераспределения вотчинных земель идет быстрыми темпами и, с другой стороны, о стремлении государства и правящих верхов контролировать этот процесс и, в частности, поддержать крупное боярское землевладение в его попытках приостановить распыление крупных родовых владений. Таким образом, источники позволяют выявить две тенденции социально-экономического развития: с одной стороны, перераспределение земельного фонда, находившегося в руках родовитой аристократии с тенденцией к утрате части его, с другой — переход условного земельного держания, поместного, в другую категорию — наследственного, вотчинного владения, что в свою очередь ведет к изменению структуры правящего класса. Это, на наш взгляд, важно в связи с проблемой социально-экономической основы отмены местничества²⁹. Суть проблемы состоит в том, что старая феодальная иерархия начинает постепенно включать в себя новые социальные элементы и в то же время древность рода перестает соответствовать экономическому могуществу его представителей. В послеуложенный пе-

жа и доносства, а они чинятся"³⁷. Главной мерой для обеспечения правовой основы феодального землевладения государство считает проведение межевания, причем во главе этого мероприятия стоят именно представители правящих верхов: "из Поместного приказа посланы во все города и станы и волости писцы, стольники и стряпчие и дворяне знатные люди - развестъ спорные земли", отмечается в том же указе. Законодательство периода регентства Софьи (1682-1689) также уделяет большое внимание вопросам земельной собственности и ее правового закрепления. Однако, в отличие от предшествующего времени, когда видное место занимала проблема распределения относительно свободных земель в поместья и вотчины, теперь на первый план выдвигаются вопросы правового закрепления полученных владений, а отчасти - их передел.

Вопрос о межевании земель сохраняет свою актуальность. Указ о межевании земель 2 июня 1682 г., подтверждающий ранее изданный указ Федора об этом мероприятии, представляет интерес во многих отношениях³⁸. Прежде всего, в нем констатируется заинтересованность "всяких чинов людей", а по существу землевладельцев разных социальных рангов в проведении скорейшего межевания, которое они рассматривали как средство официального закрепления за собой этих владений. Они обращались к властям с челобитными о том, "что им даны земли из пустошей, обводных земель и новоросчистных в поместья в оклады и в куплю вотчину" и просили ускорить их межевание. Важно также отметить, что во главе этого государственного мероприятия ставятся представители верхушки государства двора - стольники, стряпчие и дворяне, занимавшие видное место в феодальной иерархии. Это подчеркивает не только административную значимость государственного мероприятия, возложенного на поместный приказ, но и его социально-политическую направленность. Важное значение придается учетной документации, которая призвана обеспечить бесспорность и стабильность владельческих прав, уменьшить число возникающих на этой почве конфликтов. Отметим детальную разработку этих вопросов развернутым писцовым наказом, принятым в апреле

1684 г.³⁹ В нем дается подробная инструкция как именно и по каким документам описывать земельные владения различных категорий: церковные земли — по жалованным грамотам, сотным грамотам, писцовым книгам, поместные земли — за бояры и чины — по ввозным грамотам и выписям, каким образом мерить и межевать и по каким документам писать поместья и вотчины, где давать дикие поля и порожжие земли. В развитие этого направления деятельности был дан ряд указов — о порядке отдачи порожжих пустошей челобитчикам, о выдаче помещикам и вотчинникам на бесспорные земли выписей из писцовых книг Поместного приказа, и др. Тема судебных споров о землях часто возникает в законодательстве этого времени. Этому посвящены, в частности, указы о порядке суда по поместным и вотчинным делам, о взыскании за неверные челобитные по вотчинным делам денежных штрафов, "чтоб не искали неправдою", ряд указов о возвращении или даже конфискации незаконно полученных владений — "выганных", "утаенных" полученных "подлогом" и т.п., как напр., указы о взыскании за утайку полученных ранее земельных дач, о выгнанном поместье и др.⁴⁰ Стремясь ввести в определенный правовой порядок конфликтные ситуации в отношениях землевладельцев, государство в то же время оставляет приоритетные права за лицами, находящимися в момент спора на государственной службе. Указ II марта 1687 г. предписывал откладывать спорные дела в тех случаях, когда одна из спорящих сторон (соперник) находится на службе или в наряде⁴¹. В законодательстве рассматриваемого периода по-прежнему предоставление определенных земельных льгот различным категориям землевладельцев или отдельным лицам используется для поощрения их в качестве определенной политической меры. Ряд указов посвящен подобным вопросам, как напр., указ о раздаче боярам и думным чинам за литовские походы поместий в вотчину (что повышало социальный статус владения), о раздаче в Смоленских волостях владений беспоместной и малопоместной смоленской шляхте и рейтарам, при которой отписные и выморочные поместья и вотчины в Смоленском регионе могут передаваться только смоленской шляхте и

рейтарам⁴². Продолжаются раздачи из дворцовых волостей земель смоленским, белгородским и ярославским рейтарам и шляхте. Предписывается не отдавать земли из окраинных "заказных" городов Дикого поля московских чинов людям. Подобные привилегии, ограничивая раздачу и расхищение земельных ресурсов, отражают политику правительства, направленную на укрепление пограничных районов. Встает вопрос о необходимости официального размежевания дворцовых земель, находящихся в споре с соседними помещиками и вотчинниками, что свидетельствует о защите государством его интересов как феодала. Интересы церковных феодалов прослеживаются в законодательных документах, определяющих порядок записи за ними земель, не учтенных в писцовых книгах⁴³. Продолжение разработки правового статуса наследования вотчин имеет место в указе о разделе купленных вотчин между детьми владельца от разных жен⁴⁴. Важным вопросом в условиях борьбы за землю власти считали упорядочение приказного делопроизводства, фиксирующего земельные права и привилегии. Этот вопрос неоднократно ставился и в предшествующий период и получил свое продолжение. В качестве одной из подобных мер отметим указ о выдаче печатных грамот на пожалование вотчинных владений⁴⁵. Таким образом, из анализа законодательных источников второй половины ХУП в. очевидно, что центр тяжести политики государства приходился на регулирование поземельных отношений и важнейшим своим результатом имел сближение правового статуса поместья и вотчины, на базе которого происходила консолидация и перегруппировка господствующего класса (отмена местничества). Социальная направленность политики государства находит выражение в мерах по обеспечению служилой функции крестьянства, посадского населения и других зависимых социальных групп.

При изучении петровских преобразований в историографии традиционным и фактически действительно принципиальным является вопрос о том, в какой степени эти преобразования были подготовлены ходом предшествующего развития, а в какой ознаменовали разрыв преемственности исторического развития страны. Проблематика петровского законодательства настолько

широка и многообразна, она охватывает столько конкретных вопросов внутренней и внешней политики, управления, организации государства и армии, что некоторые исследователи говорили об отсутствии плана деятельности у Петра, о случайности и спорадичности возникновения тех или иных законодательных актов. Для ответа на поставленный вопрос проанализируем прежде всего петровское законодательство по центральной для предшествующего периода проблеме феодального землевладения.

В первые годы петровского правления прослеживается определенное продолжение проблематики законодательства предшествующего периода. Традиционную тему совершенствования законодательства о наследовании вотчинных владений продолжает указ 1691 г. о разделе вотчинных земель между дочерьми и внуками прежнего владельца⁴⁶. Вопрос о порядке возвращения поместий и вотчин, полученных обманым путем, уточняется указом 1689 г.⁴⁷. В связи с обеспечением владельческих прав возникает в законодательстве мотив, который характерен для всего последующего времени петровских преобразований, а именно — оформления частно-правовых сделок: в указе 1690 г. отмечается, что неправильное оформление юридических сделок по поместным делам ведет к последующим судебным спорам за землю⁴⁸. Эта мысль продолжена в указе 1699 г. о взятии штрафов за предъявление "лживых" купчих на вотчины. Действительными при этом признаются те юридические сделки по земельным делам, которые записаны в Поместном приказе и владельцем признается тот, за кем земли записаны⁴⁹. Представляет интерес указ 7 апреля 1690 г., поскольку в нем, наряду с дальнейшим развитием земельного права, освещается вопрос о крестьянах: речь шла о запрещении переводить вотчинных крестьян на поместную землю. В предшествующем законодательстве уже вставал вопрос о правовом регулировании сложных случаев передачи вотчинных земель в поместье и наоборот. Указ запрещал переводить крестьян с вотчинных земель на поместные. Однако, предусматривался случай, когда такой перевод уже был осуществлен владельцем и в этой ситуации закон защищал права владельца на принятое им решение, рассматривая в одном

ряду право распоряжения земельной собственностью и крестьянами. "Крестьян, — говорит указ, — с вотчинных земель на поместные земли не переводить, а кто перевел — с поместья на поместье и с вотчины на вотчину, назад не отдавать, а быть крестьянам там, где их поселили прежние помещики и вотчинники при себе"⁵⁰. "Помещик и вотчинник в поместьях своих и вотчинах и во крестьянах поступиться и сдать и променить, а вотчину продать и заложить и крестьян переселить волен"⁵¹. Формулировка указа хорошо передает специфику правового статуса помещика и вотчинника и в то же время общий подход к крестьянскому населению разных типов владения. По существу отношения законодательства начала XVIII в. к правовому статусу поместья и вотчины можно отметить продолжение той тенденции, которая ярко проявилась в предшествующий период и постепенно уравнивала права тех и других землевладельцев. Отметим именно указ с боярским приговором от 19 июля 1700 г., предписывавший передачу поместья в вотчину детям, если оно было прежде за отцом в поместье, потом было дано сыну в вотчину, а от него было возвращено его отцу⁵². Поводом для этого указа послужил конкретный прецедент, связанный со спором помещика со своими родственниками, предметом которого явились земли, данные в свое время его отцу за Чигиринскую службу в поместье и переданные затем сыну уже в качестве вотчинного владения. Вопрос был решен в пользу признания этого владения вотчинным, а не условным — поместным. Прецедент признавался правовой основой для решения подобных вопросов в будущем: "да и вперед Великий государь указал и бояре приговорили: который отец сыну поступится поместьем, а сыну его дано будет в вотчину, и после того справлено будет за отцом попрежнему, а тех отцов не станет, и после их смерти от детей челобитье было; и такие вотчины за детьми, за сновьями и дочерьми и за родственники справлявать в вотчину ж, и давать те вотчины по Уложению и по новоуказным статьям, кто ближе"⁵³. Этот указ был передан в Поместный приказ для записи в книгу, причем предусматривался пересмотр и предшествующих дел подобного рода — "а которые дела вершены до сего

в.г.указу, и тем быть так". Фактически этот законодательный акт явился новым шагом в процессе сближения правового статуса вотчин и поместий, которые могли предаваться теперь по наследству практически на равных основаниях. Ссылка на Уложение и новоуказные статьи подчеркивала преемственность законодательной политики в этом вопросе, а важность документа для феодальных верхов подчеркивается наличием традиционной и не характерной вообще говоря для петровских указов формулы "великий государь указал и бояре приговорили". В других законодательных документах начала века прослеживается стремление закрепить за владельцами их имения, препятствовать их отчуждению по различным конкретным поводам. Именно в этой перспективе можно рассматривать указ о наказаниях за нанесенное кому-либо оскорбление. Рассматривая такие поступки как противоправные действия, подлежащие наказанию, закон в то же время категорически запрещает конфискацию в качестве этой меры поместий и вотчин ответчика⁵⁴. Прослеживается стремление правительства держать под контролем действия, связанные с конфискацией феодальных владений. Отметим здесь указ о запрещении конфисковать земли церковных феодалов — патриаршие, архиерейские и монастырские вотчины в казну за причитающиеся с них недоимки. Указ создавал прецедент по конкретному поводу, когда конфискованная патриаршая вотчина (с. Караш с деревнями) была возвращена, новый владелец "выведен вон", а крестьяне освобождены⁵⁵. Поводом для такого решения явилось то, что конфискация вотчины была произведена без ведения канцелярии Сената. Развитие событий внешней и внутренней политики России первого десятилетия XVIII в. отодвинуло на второй план вопросы урегулирования земельного права.

Изучая законодательные акты петровского времени в хронологической последовательности часто можно заметить, что реализация идеи законодателя находит полное выражение не в одном, а в целой серии указов. В данном случае отметим, что 1713—1714 гг. были временем, когда в поле зрения Петра оказалась деятельность Поместного приказа и проводимая им политика в поместно-вотчинном вопросе. Остановимся на этом под-

робнее, поскольку здесь заложены те противоречия, которые позволяют лучше понять исторические условия и обстановку создания основного законодательного документа петровского правительства по вопросу поместно-вотчинного землевладения, каким является именной указ 23 марта 1714 г. "О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах". В 1713-1714 гг. выяснились факты бесконтрольного распределения земельных владений администрацией Поместного приказа с ведома думного дьяка, представлявшего, по-видимому, интересы боярской аристократии. Об этом мы узнаем из указа 14 мая 1714 г. Дело состояло в том, что в 1713 г. "в разных месяцах и числах" от обер-фискала с товарищи поступили сообщения о том, что в нарушение царского указа 23 января 1698 г., согласно которому "выморочных поместий и вотчин жилых и пустых челобитчикам и чужеродцам никому раздавать не велено", думный дьяк Автамон Иванов и дьяки Поместного приказа роздали своевольно многие такие деревни. Была затребована ведомость об этих раздачах и дьяк Поместного приказа Андриян Ратманов с товарищи представили ведомость в канцелярию Сената. Согласно этим сведениям оказалось, что за это время в разных городах и уездах было роздано значительное число земельных владений — "деревень жилых и пустых разных чинов людям — жилого 5267 четвертей без полуосьмины, двор помещиков, по переписным книгам крестьянских 250 дворов с третью. А по отказным — 257 дворов с третью, пустых три двора, деловых людей двор да с семьями 8 семей, пуского 2953 четверти и 3 четверика, а порознь не написаны"⁵⁶. Получив такие данные, Петр приказал эти поместья и вотчины, розданные по распоряжению Автамона Иванова и по дьячим пометам, а не по именным указам, "взять по прежнему на себя" и "приписать к таким же выморочным поместьям и вотчинам, а припасы помещиковы и доходы собирать в Поместный приказ и записывать в книги особ статью и подавать в ведение канцелярии Сената". Было приказано также послать в соответствующие губернии подъячих Поместного приказа с наказами, чтобы провести опись этих поместий и вотчин "при сторонних людях", а описные книги привести в приказ.

Выявленные нарушения имели следствием смену администрации приказа. Указом 29 ноября 1713 г. Поместный приказ велело было возглавить паредворцу Кирилу Лаврентьеву сыну Чичерину с дьяками Осипом Метлиным и Емельяном Небезиным, а прежние дьяки Осип Татаринов, Андриян Ратманов и Никифор Румянцев были отставлены от дел⁵⁷. Поместный приказ официально передавался в ведение канцелярии Сената. Внимание к статусу и делопроизводству Поместного приказа становится постоянным. Особым указом 17 марта 1714 г. предписывалось поместные дела "паки собрать попрежнему в Москве, а к 1715 г. судей и подьячих с делами перевести сюда" (т.е. в Петербург). Равным образом было поступлено и с Судным приказом. Это распоряжение приобретает особый смысл в связи с тем, что в этих же числах марта состоялся петровский указ (18 марта, издан 25 марта 1714 г.) о порядке наследования движимых и недвижимых имуществ⁵⁸. Сама хронология показывает, что работа над этим знаменитым указом связана с распоряжением о поместно-вотчинном делопроизводстве и дальнейшей судьбе Поместного приказа, предполагаемом переводе этого учреждения в новую столицу. Можно предположить, что выяснившиеся факты бесконтрольного распределения земельных владений администрацией Поместного приказа с ведома думного дьяка показали, что процесс присвоения государственных имуществ частными лицами продолжается, хотя государство не поощряет его, как это было в предшествующий период, а напротив, стремится к его ограничению и контролю. В дальнейшем эта тенденция постоянно находится в поле зрения петровского законодательства, получая свое отражение в наказах воеводам и губернаторам, в регламентах ряда коллегий, которым предписывалось, как мы увидим позднее, постоянно контролировать и пресекать возможные подобные злоупотребления. Одной из мер этого контроля в последнее время явилась на наш взгляд, особая судьба Поместного приказа, как учреждения, сосредоточивавшего основную массу поместно-вотчинной документации. Он был выделен в качестве особой структурной части и продолжал свое существование при Артилл-коллегии, а затем в качестве особой Вотчинной кол-

легии. Отметим здесь следующие два момента: значимость Поместного приказа, а затем Вотчинной коллегии как самостоятельного учреждения, проводившего в жизнь политику по отношению к феодальному землевладению; особая важность делопроизводительной документации этих учреждений, поскольку она не просто отражала их деятельность, как любого учреждения, но представляла самостоятельный правовой интерес, закрепляя и фиксируя права землевладения господствующего класса. Именно с этой точки зрения понятен интерес петровского законодательства к поместной документации, ее сбору, контролю над ней и ее судьба в дальнейшем. Вотчинная коллегия просуществовала с 1721 г. по 1786 г., а с ликвидацией ее был образован Поместно-вотчинный архив, документация которого служила для справок по земельным спорам в течение длительного времени. С 1765 г., когда стало проводиться Генеральное межевание земель, и по мере его проведения справочная работа этого рода перемещается в Межевой архив, Поместно-вотчинный архив постепенно утрачивает свое практическое значение. Таким образом, интерес петровского законодательства к положению дел в Поместном архиве в 1713–1714 гг. был случаен.

В этой перспективе следует выделить тот круг проблем, который был связан с подготовкой и изданием указа о майорате 1714 г. В историографии этот указ рассматривается обычно как окончательное закрепление слияния поместья и вотчины в единое правовое понятие недвижимых имуществ. Отмечается также, что указ этот имел целью обеспечение государства служилым элементом из дворянства, что он был заимствован из западного законодательства, плохо подходил к русской действительности, а потому и не прижился. Подчеркивается при этом, что русская знать испокон веку привыкла распределять наследуемое имущество равномерно всем детям. Однако, на наш взгляд данная проблема гораздо сложнее. Рассматриваемый законодательный акт характерен и важен во многих отношениях. Проанализируем те из них, которые важны для изучения социальной структуры петровского государства, позиции самого этого го-

сударства в решении стоящих проблем. Петр исходит из того, что крупное землевладение экономически более выгодно, чем раздробленное. Исходя из государственного интереса, он отмечает, что "податей так исправно не могут платить двести дворов в казну и помещику, как тысяча дворов". Разделение имений между всеми наследниками увеличивает число помещиков в возрастающей прогрессии и соответственно возрастает их доля в получении земельной ренты. Закон о майорате, определяя необходимость передачи наследия одному наследнику, имел целью ограничить численность землевладельцев стабильной постоянной цифрой. Это была попытка законодательного ограничения класса помещиков существующей стабильной численностью и препятствования ее бесконтрольному возрастанию. Отметим, что подобное ограничение было в определенной степени заложено в поместной системе, а также сословной иерархии Государева двора, где регламентация численности состава привилегированных лиц оставалась прерогативой государственной власти (путем пожалования). Наряду с наследованием владений "испокон веку" была и другая тенденция, направленная к регламентации состава феодальных верхов и даже их численности, независимо от демографического фактора. С этой точки зрения боярские книги, боярские списки и другие учетные документы и сама система местничества (очень жесткая) выступают не только как привилегия определенных слоев правящего класса, но и как система сословного регулирования. Поколебленная отменой местничества, имевшей объективные экономические причины, и постепенным отмиранием старого чиновного деления, а позднее вытесненная окончательно Табелью о рангах, эта ограничивающая система перестала функционировать. Альтернативой ей становился стихийный рост численности привилегированных слоев землевладельцев в зависимости от демографического фактора. В этой ситуации указ Петра может рассматриваться как попытка законодательного регулирования этих социальных противоречий и их видимых последствий: "И тако далее умножясь, в такую бедность придут, что сами однодворцами застать могут, и знатная фамилия вместо славы, поселя-

не будут, как уже много тех экземпляров (образов) есть в российском народе". Возможно, что государство в этой перспективе в первую очередь волновало уменьшение количества податей в казну, что и было непосредственно выражено в указе (Статья I "О податях"). Однако, в нем нашел отражение и другой важный вопрос — о резерве для пополнения сословия чиновников, офицеров и других чинов. В указе прямо говорилось о том, что не получившие наследства члены семей смогут "хлеба своего искать службою, учением, торгами и прочим", что расценивалось как средство обеспечения государственной пользы. Отметим, что в качестве социального резерва правительство рассматривало прежде всего представителей дворянства, хотя и не исключало занятий торговлей и другими родами деятельности.

Встает вопрос о социальной сущности майората вообще и особенностях его проявления в России изучаемого времени, отражения в законодательных источниках. Майорат — это форма наследования недвижимости, при которой она переходит полностью к старшему из наследников и направленная на сохранение целостности крупных земельных владений. Майорат получил широкое распространение в западноевропейском феодальном праве — английском, французском и немецком. Там его экономический смысл можно интерпретировать, исходя из факта ограниченного количества пригодных для земледелия и вообще приносящих феодальную ренту земельных угодий. Уже в средние века и в начале нового времени нехватка земли приняла острые формы. Экологическим кризисом были вызваны отчасти процессы колонизации, крестовые походы; можно напомнить и о драме английского огораживания, когда "овцы съели людей", ряд других фактов подобного рода, отраженных в фольклоре и других источниках. Различие экологических условий Западной Европы и России нельзя не учитывать при объяснении способов и темпов разрешения социальных противоречий (вширь и вглубь). Напомним, что законодательство охраны дикой природы (рубка леса, охота на оленей и т.п.), которое прослеживается в Англии, да и других странах Запада уже в раннем

средневековье, в России появляются значительно позже, далеко не для всех территорий и не в таком завершённом виде. С этой точки зрения петровские указы, например, об охране лесов и запрещении рубки заповедных лесов относились прежде всего к вновь осваиваемой территории Северо-Запада или носили частный характер, связанный с кораблестроением. В Западно-европейских условиях жесткое соблюдение правил приоритетного единонаследия представляется экономически обусловленным. В России рассматриваемого периода процесс усиления земельной тесноты только еще обозначился и, как в предшествующий период, земля почти не имеет самостоятельной ценности без творцов земельной ренты — работающих на ней крестьян. Такова экономическая и социальная основа того факта, что майорат не получил в России распространения в допетровскую эпоху. Возникнув исторически, майорат выступает в Западной Европе и как регулирующий механизм в обеспечении экономического положения феодальной аристократии. Его практическая действительность проявляется, в частности, в том факте, что он пережил феодальный строй и имел устойчивую тенденцию восстанавливаться даже после чрезвычайно сильных социальных потрясений. После того, напр., как Великая французская революция отменила сословные привилегии в 1790 г., Наполеон снова восстановил их (сенатус-консультом 28 флореаля XII года), причем его особое внимание было при этом уделено обеспечению экономического положения новой знати. Именно этой цели отвечало возрождение майоратов (согласно сенатус-консульту 14 августа 1806 г.) в связи с вновь учреждаемыми наследственными титулами (декрет 1 марта 1808 г.)⁵⁹. После реставрации Бурбонов институт майората не был отмечен, причем неоднократно возрождался после ряда революций вплоть до установления Третьей республики.

Таким образом, закон о майорате 1714 г. показывает несомненную дальновидность государства, заметившего назревавшую опасность раздробления земельного фонда, экономически невыгодного с точки зрения казны, что особенно ощущалось в условиях напряженного бюджета петровского времени, а в пер-

спективе ведущего к деградации правящего класса. Однако, выгодные для феодалов в длительной исторической перспективе меры приходят в противоречие с временными, узко понятными сословными интересами. Закон о майорате был чрезвычайно враждебно встречен русским дворянством, поскольку он ограничивал уже завоеванные им права распоряжения земельной собственностью, а впоследствии был отменен. Процесс дробления недвижимых имуществ продолжался, следствием чего было нарастающее усиление эксплуатации крестьянства, которое должно было обеспечивать, наряду с растущими повинностями государству, все возрастающее число представителей помещичьего класса. Происходило именно то, о чем Петр говорил в своем указе: "Например, ежели кто имел тысячу дворов и пять сынов - имел дом довольной, трапезу славную, обхождение с людьми ясное; когда по смерти его разделится детям его, что уже только по двести дворов достанется, которые, помня славу отца своего и честь рода, не захотят сирот жить... то уже с бедных подданных будет пять столов, а не один, и двести дворов принуждены будут едва ли не то же нести, как тысяча несла (а государственные подати податями) от чего не разоренья ли суть людям, и вред интересам государственным?"⁶⁰. Дальновидная законодательная инициатива не смогла противостоять негосударственному мышлению помещиков. Следствием было экономическое ослабление помещичьего хозяйства, рост отчуждения помещиков. Их хозяйство, нестабильное в длительной перспективе, постоянно дробившееся, все более выявляло экономическую несостоятельность. Живым примером этого процесса является, напр., судьба владения деда К.Д.Кавелина, который в XVIII в. имел 500 душ крестьян и 17 детей, которые в результате разделения имения по наследству, стали мелкопоместными дворянами⁶¹. Отражение этого процесса в его кульминации находим в литературе и публицистике, в типах помещиков Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Бесперспективность запоздалых попыток сохранить целостность экономики помещичьего хозяйства, разрушающих семейные и человеческие узы, запечатлена в произведениях потомка одного из древнейших аристократических

родов — М.Е.Салтыкова-Щедрина в его Головлевах.

Закон о майорате 1714 г. устанавливал передачу всего недвижимого имущества старшему сыну или же старшей дочери в наследство, а при их отсутствии — передачу этого имущества одному из членов семьи. Выполнение этого указа должно было обеспечиваться тем, что часть имения, переданного с нарушением указа, отдавалась донositелю. Закон предусматривал также определенные ограничения выкупа поместий и вотчин наследниками, что, в соответствии с законодательством предшествующего времени способствовало возвращению временно утраченных владений роду. По указу 1714 г. выкуп вотчин и поместий (или "недвижимого имущества") разрешался только ближним родственникам, а не их детям ("кадетам их"). Высвобождавшиеся резервы дворян предусматривалось широко использовать на военной и гражданской государственной службе. Для них оставались открытыми и другие занятия: "когда кто из кадетов дворянских фамилий захотят итти в чин купеческий или какое знатное художество... в белые священники, то тем, которые в сие вышписанное вступят, не ставить ни в какое бесчестье им и их фамилиям, ни словесно ни письменно". По смыслу указа занятие торговлей и промыслами не сопровождалось переходом в другие сословия, что было важно специально оговорить. Эта оговорка, в то же время, свидетельствует о фактически существовавшей системе социальных ценностей дворянства по отношению к другим сословиям и видам деятельности, кроме военной и гражданской службы. Важным внутренним мотивом государства при проведении данной меры была надежда на привлечение необеспеченных земель дворян на государственную службу. Однако, этот же мотив, только в противоположном смысле в дальнейшем использовался дворянством для последующей аргументации нецелесообразности майоратного наследования, при котором необеспеченные дворяне не могли должным образом нести военную и гражданскую службу. Указ по примеру предшествующего законодательства о поместьях и вотчинах детально рассматривал различные правовые ситуации, связанные с порядком наследования родственниками различных поколений. Предметом

регламентации становились ситуации, возникающие в связи с новым порядком наследования и права других членов семьи в условиях майората. Важно подчеркнуть, что при рассмотрении всех этих вопросов в отношении поместий и вотчин правовой статус их был одинаков, более того, в законе появилась новая формулировка о "недвижимых имениях", что уравнивало статус поместья и вотчины. Тем самым длительный процесс сближения этих двух форм земельной собственности был завершен и закреплен юридически. Условный служилый характер дворянского поместного владения был окончательно ликвидирован, что явилось экономической основой консолидации боярства и дворянства в единый класс-сословие феодального общества.

В петровском законодательстве последующего времени прослеживается, с одной стороны, пассивное противодействие феодальных владельцев попытке законодательным путем ограничить их права на бесконтрольное распоряжение земельной собственностью. С другой стороны, законодательство отражает стремление петровской администрации бороться против различных форм этого противодействия. В этом отношении интерес представляет инструкция или наказ воеводам, подготовленная в январе 1719 г. в процессе проведения реформ государственного управления⁶². Инструкция типовая и ее можно рассматривать как документ, выражающий основные направления правительственной политики, которую местная администрация должна была проводить в конкретных условиях подведомственного региона. Это придает особую значимость разделу, характеризующему политику в отношении к поместью-вотчинному и дворцовому землевладению, осуществление которой в регионе вменялось под присягой в обязанность местной администрации. Рассмотрим положения инструкции по отношению к местным землевладельцам. В наказе выделяется три основных положения по этому вопросу. Прежде всего, контроль за правильным ведением помещичьего хозяйства: под этим понимается такая деятельность помещиков, которая обеспечивает положение крестьян, при котором они сохраняют возможность платить государственные подати без недоимок. В случае, если владельцы из-за пьянства или других причин разоряют вотчины, "бьют и мучают" крестьян,

вынуждая их к бегству и опустошая владения, это положение должно быть пресечено властями путем законной передачи имущества другим собственникам. Таким образом должна обеспечиваться контролем государства эффективная, с точки зрения государственного интереса эксплуатации крестьян. Под контроль местной власти ставится далее реальное осуществление указа о майорате, которому Петр придавал важное значение, отдавая в то же время себе ясный отчет в том, что его выполнению оказывается сильное, хотя и не открытое противодействие. В обязанность местных властей вменяется — не допускать разделения имений между наследниками по частям, различных форм обхода закона ("подлогов"), практиковавшихся прежде всего при оформлении прав наследования. Наказ предусматривает еще одну сферу земельных противоречий, которая не должна была выходить из под наблюдения местной администрации. Дело касается захвата дворцовых и государственных земель в частное владение. Допетровское законодательство отразило активное распределение в виде пожалований различным группировкам феодальных верхов и отдельным представителям. Петровское законодательство заметно отличается тем, что документы законодательного характера в нем практически не посвящаются разработке этих вопросов, что можно истолковать как стремление правительства сохранить в неприкосновенности этот земельный фонд. Рассматриваемый типовой наказ воеводам подтверждает это предположение. В нем предписывается следить за неукоснительным и своевременным возвратом маенностей или дворов пожалованных частным лицам пожизненно или на срок, чтобы "онне к государству в таком же образе возвращены были". Более того, в случае выдачи правительством патента на государственную маенность местные власти обязывались проследить, не противоречит ли это отделению владения от дворцовых волостей "государственным уставам", сделать представление в Камер-коллегию об этом и без получения от нее указа такую маенность во владение не отдавать. Местная администрация, таким образом, должна была выступать как контролирующая инстанция на пути перехода дворцовых или государственных земель в частное владение. Эта же мысль прослеживается и в

других законодательных документах, прежде всего инструкциях земским комиссарам в губерниях и провинциях, созданных в то же самое время — в январе 1719 г.⁶³. В наказе на этом, более узком и практическом уровне, нежели в наказе воеводам, но с той же настойчивостью и последовательностью проводится обязанность контроля местной администрации за целостностью государственного землевладения, за пресечением попыток незаконного присвоения местными владельцами земель или угодий государства: "А ежели кто впредь дерзнет без указа и без дач из государственных волостей сел и деревень, рек, озер и рыбных ловель, лесов и прочего, что себе своевольно присовокупить и во владение взять, и не может своего владения достоверными крепостями и другими какими письменными свидетельствами доказать", то земский комиссар обязывался сообщить об этом губернатору или воеводе, а тот в Камер-коллегию, которая была правомочна решать эти вопросы. Таким образом, земский комиссар в известной мере дублировал контроль высшей местной администрации по вопросам землевладения. Такова по крайней мере была идея, лежавшая в основе данной законодательной нормы.

Введение майората вызвало большое сопротивление помещиков и вотчинников. Ряд последующих указов Петра позволяет лучше понять его позицию в этом вопросе и стремление преодолеть сопротивление землевладельцев, которое, как видно из источников, он вполне основательно предполагал. Специальным указом от 27 марта 1714 г. губернаторам предписывалось исполнение указа о майорате, наблюдение за его неуклонным исполнением⁶⁴. Этот подтвердительный указ интересен тем, что обращает внимание губернаторов на необходимость пресечения обходных путей, предполагаемых нарушений: к их числу законодатель относит попытки обойти указ о майорате с помощью фальсификации дат, "чтобы задними числами не делали"; главное внимание при этом обращалось на 16 статью указа о майорате, в которой предписывалось, сталкиваясь с конкретными ситуациями, непредусмотренными ранее, согласовывать решения по ним с Сенатом, "дабы не дать злым вымышленникам свои мины устроить". Подтвердительный указ прямо предупреждал, что раз-

личные попытки обойти указ о майорате, в частности, представив раздел имения в виде покупки, должны строго пресекаться, а решения согласовываться с верховной властью. Очень примечательна формулировка написанного лично Петром указа о том, что "обычай есть проклятым ябедникам все указы своими вымыслами портить". Опасения нарушения указа с помощью всякого рода казуистики и использования других указов для его обхода оказались повидимому не напрасными. Об этом свидетельствует другой законодательный памятник, созданный позднее и по другому поводу и в то же время недвусмысленно упоминающий о нарушениях указа о майорате. Это указ Сенату от 17 апреля 1722 г., созданный в период проведения в жизнь Генерального регламента. Петр подчеркнул в нем, что главное для государственного управления есть "крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить или ими играть как в карты, прибирая масть к масти, чего в свете так нет, как у нас было, а отчасти еще есть, и зело тщатся всякие мины чинить под фортецию правды"⁶⁵. В качестве примера Петр привел практику Поместного приказа, в котором допускаются всякие ухищрения для обхода закона о майорате: "сочинять указ на указ, дабы в мутной воде удобнее рыбу ловить, как то чинится ныне в Поместном приказе, толкуя наш указ о наследстве противным образом". Интересно здесь упоминание Поместного приказа — в 1722 г., после коллежской реформы и не просто упоминание, а своего рода оценка его пассивного противодействия нововведениям с помощью манипулирования указами в интересах феодального землевладения. Отметим, что именно в Поместном приказе велись сложные, но малорезультативные работы по обобщению послеуложенного законодательства по поместьям-вотчинным делам, а ведь именно по этим вопросам в три предшествующих царствования накопилось огромное количество разнообразных, а подчас и противоречивых "новоуказных статей", главной целью которых являлась защита интересов феодальных землевладельцев. Поместный приказ, в период коллежской реформы сохранившийся в качестве особого учреждения под управлением Юстиц-коллегии, остался по существу органом сос-

ловного характера. Ряд петровских указов отразил особую, присущую ему социально-психологическую атмосферу. В 1719 г. между советниками-царедворцами, которые привлекались для работы по поместно-вотчинным вопросам в качестве экспертов и членами Юстиц-коллегии возник конфликт. Царедворцы возобновили местнические споры, претендуя на особое положение ввиду своей знатности и принадлежности к чинам Государева двора. Петровский указ 4 июня 1719 г. осудил эту практику, отмечая, что "прежде бывший место и случай древних невместностей весьма пресечены и старые разряды вечно отставлены, а вместо того - славное безместье и прочность полезная, на дела согласная ... учреждена"⁶⁶. Он предупреждал об ответственности тех советников, которые, ссылаясь на прежние разряды "учнут места те по особым своим прихотям вновь вчинять неделно". Конфликт знатных советников-царедворцев с менее знатными чиновниками Юстиц-коллегии - отзвук еще не сгладившихся внутрисословных противоречий, прежних привилегий боярской аристократии. Именно в этой атмосфере указ о майорате находил противодействие своему применению.

Сближение правового статуса поместья и вотчины, прав тех и других землевладельцев находит в законодательстве дальнейшее развитие и завершение. Отметим именно указ с боярским приговором 19 июля 1700 г., определяющий порядок передачи поместных земель в вотчину наследникам⁶⁷. Эта тенденция нашла свое окончательное завершение в указе о майорате 1714 г. и сопутствующем ему законодательстве⁶⁸. В петровском законодательстве последующего времени прослеживается, с одной стороны, пассивное противодействие феодальных владельцев попытке законодательным путем ограничить их права на бесконтрольное распоряжение земельной собственностью. С другой стороны, законодательство отражает стремление петровской администрации бороться против различных форм этого противодействия. В этом отношении характерна инструкция или наказ воеводам, подготовленная в январе 1719 г. в процессе проведения реформ государственного управления⁶⁹. Эта типовая инструкция ставила под контроль местной власти реальное

осуществление указа о майорате, которому землевладельцы оказывали сильное, хотя и не открытое противодействие, в частности при осуществлении наследственного права.

Законодательство послепетровского времени позволяет проследить те направления, по которым петровские реформы в области земельного права и управления были подкреплены и продолжены, а по каким из них были предложены новые решения. Такое сопоставление возможно и по интересующему нас вопросу о поместно-вотчинном землевладении. Уже сам указ 1714 г. отмечал возможность сложных юридических казусов, которые потребуют дальнейшей законодательной разработки. В особенности сложен был вопрос о правах наследования других членов семьи следующих поколений и соотношении прав наследования, при которых имение должно было возвращаться в род жены или оставаться в роде мужа. Ряд уточнений такого рода был внесен уже петровскими указами 1716, 1719, 1720 и 1721 гг.

Острота противоречий, связанных с землевладением была очевидна для современников. Интересен анализ В.Н.Татищевым основных причин этих "междоусобных враждоб". Он выделяет пять проблем: противоречия, связанные с вопросом о наследовании движимых и недвижимых имений по петровским указам; злоупотребления по продаже и закладу деревень "обманом, насильством, подлогом и прочими образы"; завладение землями по неправильным дачам; неразмежевание земель; займы с залогами и без залогов⁷⁰. Перед нами интересный вопросник противоречий, возникавших в поместно-вотчинном землевладении, расположенных по иерархии значимости и несомненно реально существовавших, потому что они перечислялись в связи с задачами усовершенствования российского земельного законодательства. Попытка упорядочить законодательство по этому вопросу была предпринята при Екатерине I, утвердившей 28 мая 1725 г. развернутый документ под названием "Пункты"⁷¹, представленный Сенатом по инициативе Вотчинной коллегии. Пункты 1725 г. формулировали в виде вопросов ряд норм наследственного права, по которым последовательно давались соответствующие разъяснения.

Соотношение роста владельческих прав и усиления соци-

альных привилегий правящего класса составляет содержание внутренней политики и законодательства последующего периода. Главной целью притязаний дворянства явилась прежде всего отмена майората, нашедшая выражение в целом ряде последовательных уступок со стороны государства начиная с 30-х гг. 20 июня 1730 г. последовал указ о разделе земель однодворцев. Сенат добивался отмены майората для однодворцев, причем отмечал, что петровский указ о майорате 1714 г. не соответствует положению данной категории служилого населения, поскольку данная практика лишает младших наследников однодворца возможности платить налоги и нести повинности (подушный оклад и содержание ландмилиционных полков)⁷². Утверждение данного сенатского предложения означало изъятие из закона о майорате определенной категории населения. В конце 1730 г. Сенат принял новый шаг по наступлению на институт майората. В его докладе 9 декабря 1730 г. приводилось обоснование необходимости его полной отмены. Отметим, что в известном указе 17 марта 1731 г., которым был отменен майорат, острый вопрос о дворянской службе был опущен. Сопоставление текста доклада Сената и окончательного указа свидетельствует о том, что мотивирующая часть была изменена. Главный акцент был сделан на естественности равного раздела имущества между детьми со ссылками на закон божий и писания апостолов, а также Уложение, при котором отмена майората представляла как возврат к традиционному правовому порядку. Вопрос о дворянской службе при этом даже не ставился. Зато четко говорилось о тождестве поместий и вотчин, правовой статус которых уравнивался общим термином "недвижимые имущества". В условиях отступления от петровской внутренней политики Уложение выступает как символ допетровских порядков вообще, а в данном конкретном случае отмена майората трактуется как возврат к безраздельному владению вотчиной. Однако, на самом деле налицо подстановка под старое термины нового содержания. В Уложении, во-первых, владения связывались со службой сословий, а во-вторых, поместное владение носило условный характер и вопрос о его передаче по наследству был ограничен. Изучение послепетровского законодательства, в свою очередь, предста-

ет как продолжение этой тенденции, состоящей в расширении владельческих прав, которое идет параллельно с ростом социальных привилегий правящего класса. Эта тенденция достигает своего апогея ко второй половине XVIII в., когда дворянство уже отчетливо предстает консервативным и достаточно замкнутым феодальным классом с жесткой и негибкой сословной психологией, которая мешает ему активно воспринимать даже свои собственные перспективные интересы.

На фоне этой общей тенденции, достаточно четко и последовательно прослеживающейся в совокупности законодательных источников данного периода, разким диссонансом выступает эпоха петровских реформ в области поместно-вотчинного землевладения. Проблемы, которые стремилось решить, и во всяком случае, отразило петровское законодательство связаны прежде всего с земельной собственностью как основой экономического базиса. Будучи реальным политиком, Петр не посягал на кардинальные изменения в базисной сфере, да он и не был к этому готов субъективно. Однако, наметившиеся нежелательные тенденции уже давали себя знать, и в меру своих возможностей, администрация петровского времени стремилась их осмыслить, взять под контроль, и в определенной, прежде всего законодательной, форме деятельности им противодействовать. Это был вопрос о перспективах экономического развития крупных хозяйственных земельных владений — как вотчинных так и монастырских, дворцовых государственных земель. Однако, прежде всего, этот вопрос касался частновладельческих, поместно-вотчинных владений. Сложившаяся система наследования вотчинных владений, при которой каждое новое поколение стремилось к отделению своей части от родовых или общесемейных владений, вела в перспективе к распылению земельной собственности пропорционально демографическому росту численности правящего класса. До определенного времени другая форма собственности — служилое поместное землевладение являлось условной и находилось под контролем государства. Но уже начиная с Уложения и особенно бурно в последующие годы, шел процесс слияния этих форм землевладения, завершившийся законодательно в 1714 г. Таким образом, новое обширное количество земель

было вовлечено в орбиту практики наследования. Экономический смысл этого процесса объективно вел не просто к раздроблению более крупных владений на все более мелкие: невыгодное экономически, данное деление в перспективе не оставляло надежд на экономическую эффективность помещичьего хозяйства. Оно отчуждало помещиков от ведения хозяйства, не давало простора экономическому планированию на длительные сроки, вложению средств в серьезное улучшение хозяйства или промышленные заведения. Это отчуждало помещиков также от рационального ведения хозяйства, которое без длительной хозяйственной перспективы вырождалось в простую эксплуатацию природных условий (в конце концов приводившую к их истощению) и, наоборот, постоянно усиливало эксплуатацию крестьян. По существу, в этих условиях помещичья экономика могла развиваться лишь путем расширения земельных владений феодалов за счет новых земель, что и осуществлял правящий класс в течение всего XVIII в. наступлением на крестьянские наделы, в свою очередь подрывая тем самым крестьянское хозяйство — основу своего благосостояния; путем увеличения барщины и оброка, в перспективе беспредельного, а потому становящегося экономически все более абсурдным; путем расширения частных владений за счет дворцовых государственных земель, которые расхищались феодальной олигархией; путем вытеснения более слабых владельцев сильнейшими; путем нажима на монастырское землевладение, которое становилось объектом борьбы за феодальную ренту с феодалами и государством.

Петровское законодательство, отражая данные противоречия, показывает также те пути и возможности, которые имелись в распоряжении правительственной администрации для их ограничения. С указанной точки зрения приобретает особое значение анализ закона о майорате 1714 г. и сопутствующего ему законодательства, которое, будучи хорошо известно в историографии, не стало, однако, предметом рассмотрения именно с этой, главной своей стороны. Закон стремился сохранить при равном числе владений стабильное число землевладельцев и тем самым создать возможность ведения хозяйства с перспективой и более

эффективно, используя преимущества крупного феодального землевладения перед мелким. Вместе с тем, закон открывал возможность для создания нового служилого элемента из дворянства, что соответствовало стремлению Петра к превращению дворянства в более открытый и социально активный класс. Это была дальновидная политика, которая, однако, в реальных исторических условиях России оказалась утопией.

- 1 Развитие русского права в XV - первой половине XVII в. М. 1986.
- 2 Медушевский А.Н. Делопроизводственные документы высших государственных учреждений и методы их изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М. 1985.
- 3 Маньков А.Г. Уложение 1649 г. - кодекс феодального права России. Л. 1980; Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра I. М 1945; Памятники русского права. М.1956-1961. Вып. IV-УШ; Российское законодательство X-XX вв. М. 1985. Т.Ш.
- 4 ПСЗ. Т. I. № 8. Май 1649 г.
- 5 Там же. № II. Июнь 1649 г.
- 6 Там же. № I3. Июль 1649 г.
- 7 Там же. № 14. 6 июля 1649 г., № 15, 6 июля 1649 г., № 16, 6 июля 1649 г., № 42, 31 июля 1650 г., № 34, декабрь 1650 г., № 64, 27 июня 1651 г. и др.
- 8 ПСЗ. Т. I. № 20, 17 декабря 1649 г., № 26, 9 февраля 1650 г., № 27, февраль 1650 г., № 30, 24 апреля 1650 г., № 63, 25 апреля 1651 г., № 73, 1651 г.
- 9 Там же. № 489. С.855.
- 10 Там же. № 32 и № 33.
- 11 Там же. № 46.
- 12 Там же. № 28 и 29, № 37, 38, 59-62, 74 и др.
- 13 Там же. № 212.
- 14 Там же. Т. II. № 630.
- 15 Там же. № 633. С.16-31.
- 16 Там же. № 814, 20 марта 1680 г.
- 17 Там же. № 700. С.110-138.
- 18 Там же. № 640.
- 19 Там же. № 643.
- 20 Там же. № 695.
- 21 Там же. № 697, 719.
- 22 Там же. № 724, 725, 726, 754, 757, 784, 786-789.
- 23 Там же. № 637, 638, 654, 671, 673, 684, 690.
- 24 Там же. № 701, 1677 г.
- 25 Там же. № 860.
- 26 Там же. № 909. С.308.
- 27 Там же. № 632 и № 633 (14 апреля 1676 г.); № 705, 1677 г., № 734, 1677 г., № 893, 1681 г.
- 28 Там же. № 749 (1678 г.), 752, 753, 758, 761-766 (1679 г.), 803 (1680 г.).

- 29 Там же. № 905 (1682 г.).
 30 Там же. № 699.
 31 Там же. № 731 (1678 г.).
 32 Там же. №№ 703, 716, 720, 769 (1677-1678 гг.).
 33 Там же. № 727 (1678 г.), № 967 (1682 г.).
 34 Там же. № 641 (1676 г.).
 35 Там же. № 708, 768, 985, 997.
 36 Там же. № 707 (1677 г.).
 37 Там же. № 866 (1681 г.).
 38 Там же. № 926. С.404.
 39 Там же. № 1074. С.590-617.
 40 Там же. №№ 934 (1682 г.), 1029 (1683 г.), С.551, 1232 (1687 г.) и др.
 41 ПСЗ. Т.П. № 1240. С.852.
 42 Там же. №№ 922, 933, 962 и др.
 43 Там же. № 1382 (1690 г.). С.80.
 44 Там же. № 1236 (1687 г.). С.848.
 45 Там же.
 46 ПСЗ. Т.Ш. № 1428 (20 декабря 1691 г.). С.121.
 47 Там же. № 1328 (8 января 1689 г.). С.1.
 48 Там же. № 1382. С.80.
 49 Там же. № 1714 (3 ноября 1699 г.). С.666.
 50 Там же. № 1376. С.63.
 51 Там же. № 1376 (7 апреля 1790 г.). С.63.
 52 Там же. Т.У. № 1807. С.73-74.
 53 Там же. С.74.
 54 Там же. № 1796 (7 июня 1700 г.).
 55 Там же. Т.У. № 2662 (4 апреля 1713 г.).
 56 Там же. Т.2804. С.103-104.
 57 Там же. № 2743. С.72.
 58 Там же. № 2789, 2789.
 59 Коркунов Н.М. Сравнительный очерк государственного права иностранных держав. СПб. 1890. С.80.
 60 ПСЗ. Т.У. № 2789.
 61 Кавелин К.Д. Монографии по русской истории. СПб., 1904.
 62 ПСЗ. Т.У. № 3294. С.624-647.
 63 Там же. № 3296. С.632-647.
 64 Там же. № 2789. См., также: Воскресенский Н.А. Законодательные акты Петра. М.-Л. 1945. С.40. № 17.
 65 Воскресенский Н.А. Указ. соч. № 132. С.107.
 66 ПСЗ. Т.У. № 3384. С.713-714.
 67 Там же. № 1807. С.73-74.
 68 Там же. № 2789.
 69 Там же. № 3294. С.624-647.
 70 Воскресенский Н.А. Указ. соч. № 68. С.70-71.
 71 ПСЗ. Т.УП. № 4722. С.493.
 72 ПСЗ. Т.УШ. № 5579. С.295.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГУБЕРНАТОРОВ ЦЕНТРА РОССИИ
50-60-х ГОДОВ XIX ВЕКА В ОСВЕЩЕНИИ МЕМУАРИСТОВ

Исследование российского чиновничества, т. е. особого, по выражению В. И. Ленина, слоя лиц, специализировавшихся на управлении и поставленных в "привилегированное положение перед народом"¹, в первую очередь важно для правильного и глубокого понимания различных аспектов внутренней политики самодержавия.

Однако, успешная комплексная разработка данной проблемы зависит от степени разработанности её источниковой базы, которая до настоящего времени изучена далеко не полно.

Одним из источников изучения чиновничества, важным элементом источниковой базы является мемуарная литература. Под "мемуарным произведением" разумеется "связный, внутренне законченный в сюжетно-тематическом отношении мемуарный текст, объединенный общим замыслом и существующий в форме традиционного мемуарного повествования или каких-либо иных видов источников"². Ценность мемуаров как исторических источников состоит прежде всего в том, что они, погружая читателя в неповторимую атмосферу прошедших событий, в отличие от официальной документации, дают возможность почувствовать живую атмосферу, дух изучаемой эпохи, взглянуть на происходившее, так сказать изнутри, глазами его участника, очевидца и современника.

Чиновничьи мемуары, т. е. произведения, созданные лицами, служившими в разных звеньях бюрократического аппарата, отразившие эпизоды служебной деятельности мемуаристов, равно как и воспоминания о чиновничестве, написанные выходцами из других сословий и званий, например, купечеством, представителями интеллигенции, которым по роду своей деятельности или ввиду каких-либо личных, интимных и общественных связей доводилось вращаться в чиновной среде, содержат порой уникальный, часто отсутствующий в других источниках ма-

териал, позволяющий обогатить и расширить наши представления о внутреннем мире человечества, выявить свойственные его различным слоям интересы, привычки, настроения, черты характера, быта, нравы, отношение к службе, правительству, царю, другим сословиям, наконец, к обществу в целом.

Вместе с тем надо признать, что как чиновничьи воспоминания, так и мемуары о чиновниках, хотя многократно и привлекались советскими историками в исследованиях, посвященных различным аспектам внутренней политики самодержавия³, специальному источниковедческому рассмотрению (если не считать поднимающие источниковедческие проблемы редакторские предварения к мемуарам, опубликованным в советское время⁴) до сих пор не подвергались. Исключение здесь составляют лишь воспоминания С.Ю.Витте⁵. Из работ, имеющих непосредственное отношение к теме исследования, заслуживает внимания статья В.Г.Чернухи⁶, содержащая краткий обзор и археографическую характеристику воспоминаний, вышедших из-под пера столичной (московской) бюрократии второй половины XIX века.

Как видим, вопрос об изучении чиновничьих мемуаров в нашей литературе лишь поставлен, но еще не решен, хотя потребность в этом назрела уже давно.

Настоящая статья, не претендуя на освещение всего комплекса вопросов источниковедческой характеристики мемуаров, содержит лишь попытку обследовать имеющийся корпус опубликованных воспоминаний, запечатлевших деятельность губернской бюрократии и изложить итоги этого изучения. Объектом изучения выступает мемуарная литература о высших представителях губернской бюрократии в лице генерал-губернаторов и губернаторов, служивших в Московской и Калужской губерниях в 50-60-х годах XIX века, в период, ставший поворотным, переломным пунктом в истории страны.

Генерал-губернаторы и губернаторы, несмотря на различия в служебных обязанностях (первый считался главой высшего административного надзора за губернским управлением, второй возглавлял это управление) в сановной иерархии Российской империи, считались фигурами весьма значительными,

наделенными огромной властью, осуществляемой именем самого царя, на местах определявшие стиль и быт всего служившего в губернии чиновничества, по крайней мере в его губернском звене. Чиновничество, служившее в Московской губернии, олицетворяло собой, так сказать, быт, нравы и психологию столичной бюрократии, сложившиеся под влиянием особого, присущего столице привилегированного уклада жизни. Калужское чиновничество, наоборот, воплощало в себе наиболее типичные черты местной провинциальной бюрократии центра России.

Корпус мемуарных источников, положенных в основу работы, отобран с учетом тех отличительных, присущих только мемуарному жанру видовых признаков, которые были выявлены и охарактеризованы А.Г.Тартаковским применительно к комплексу воспоминаний об эпохе 1812 года⁷. Таких признаков по мнению автора три: открыто выраженное личностное начало, ретроспективный характер воссоздания действительности и авторская память как специфическое средство восстановления событий прошлого.

Регистрация мемуарных произведений проводилась по изданному под редакцией П.А.Зайончковского библиографическому указателю⁸. Учету подлежало всякое приводимое в справочнике название, в аннотации к которому зафиксирована фамилия интересующего нас чиновника⁹. В круг отобранных произведений включена вся совокупность учтенных справочником мемуарных повествований о названных чиновниках, а не только произведения, отражающие период их административной службы в Московской и Калужской губерниях. Такой широкий подход к отбору воспоминаний позволяет глубже и полнее понять, объективнее оценить личность администратора, точнее нарисовать его социальный облик, черты характера, поведения. Указанным способом выявлено 56 написанных в форме традиционного мемуарного повествования произведений, изданных как в самой России, так и за её пределами. Отметим, что учитывались лишь первичные публикации мемуаров, т.е. первые полные их издания. Повторные издания мемуаров, а также публикации с некоторыми несущественными авторскими добавлениями и уточнениями, сделанными, равно, как и публикации произведений, в отрывках, сок-

ращенном виде, в работе не учитывались¹⁰.

Забегая немного вперед, укажем, что более 2/3 учтенных произведений опубликовано на страницах журналов "Исторический вестник", "Русский архив", "Русская старина" и "Голос минувшего". Мы попытались проверить, насколько полно справочник регистрирует воспоминания, опубликованные в органах исторической периодики, и произвели просмотр названных журналов за всё время их существования. Сразу отметим, что нам не удалось выявить ни одного произведения, специально посвященного чиновничеству, которое не было бы учтено справочником. В то же время, мы выявили еще 13 ранее незарегистрированных мемуарных произведений, содержащих о чиновничестве косвенные свидетельства и замечания. Повторное обращение к справочнику показало, что все вновь выявленные воспоминания указателем учитываются¹¹. Но невключение их в общий корпус источников при первоначальном отборе произошло ввиду неполноты ряда аннотаций указателя, отсутствия в них фамилий лиц, представляющих для нас первостепенный интерес. Подобного рода пропуски, встречающиеся в справочнике, носят единичный характер и вытекают прежде всего из-за невозможности отразить в одной короткой аннотации всей многоплановой проблематики мемуарных произведений, а потому не могут рассматриваться как недостаток этого фундаментального, признанного специалистами уникального библиографического издания.

Таким образом, корпус мемуарных памятников, отобранных по указателю, в совокупности составляет 70 произведений.

Кроме воспоминаний, изданных отдельными книгами, напечатанных в сборниках и журнальной прессе, в корпус источников привлечены также два произведения, впервые опубликованные в газетной периодике¹².

Подводя итоги выявления мемуарных произведений, отметим, что в общей сложности мы располагаем корпусом воспоминаний, состоящим из 72 произведений. Из них: 27 специально посвящены чиновничеству (I, № 6, 10, 13, 14, 17, 30, 32-34, 36, 39-41, 44, 46; II, № 4, 5, 7, 9, 10, 14, 15, 17, 19-21, 24), 6 включают целиком посвященные ему главы (I, № 5, 7,

28, 31, 43; II, № 23), 39 содержат о чиновничестве мемуарные свидетельства (I, № I-4, 8, 9, II, I2, I5, I6, I8-27, 29, 35, 37, 38, 42, 45, 47; II, № I-3, 6, 8, II-I3, I6, I8, 22, 25). Полный их список приводится в перечнях приложения. Первый перечень включает произведения о московском чиновничестве, второй - о калужском. Думается, что основной корпус источников по рассматриваемой теме и в первую очередь произведений, специально посвященных чиновничеству, опубликованных в журналах, сборниках, вышедших отдельными книгами, выявлен с достаточной полнотой. В то же время цифра - 72 произведения - не может считаться окончательной. Не исключено, что есть не учтенные здесь произведения, содержащие о чиновничестве косвенные свидетельства или даже газетные публикации, специально посвященные ему.

Основной фонд мемуарных публикаций падает на дореволюционный период - 68 произведений. На советское время приходятся лишь единичные издания мемуаров, всего 4 произведения (I, № 2, 5, 9, 42)^{I3-I4}, первое из которых опубликовано в отрывках. В дореволюционное время мемуары выходили отдельными книгами, печатались в юбилейных и тематических сборниках, появлялись, правда, чрезвычайно редко, в газетах. Однако подавляющее большинство произведений увидело свет на страницах журнальной периодики - 54 произведения. Дореволюционные публикации воспоминаний, как правило, выходили без каких-либо редакторских и публикаторских предисловий и послесловий. В нашем материале предварения имеют менее 20 произведений. Приводимые в них отрывочные сведения лишь отчасти и весьма односторонне характеризуют публикуемое произведение. Преимущественное внимание авторы более или менее развернутых предисловий уделяли личности мемуариста, сообщали о нем почерпнутые чаще всего из самого мемуарного текста биографические сведения, рассказывали о его служебной карьере, давали оценку его деятельности на литературном поприще (I, № 3, 8, II, I6, 35, 40; II, № I4, I7, 2I). Источниковедческие вопросы авторами предварений почти не поднимались, археографические принципы издания не оговаривались. Все дело в

том, что цель, преследуемая редакторами (издателями) мемуаров, была более, чем скромная. Она состояла как справедливо заметила В.Г.Чернуха, отнюдь не в вооружении "историка для его работы тщательно изданным источником, а предоставление массовому читателю, интересующемуся историей, занимательного и поучительного чтения"¹⁵. Стремление редактора во что бы то ни стало обеспечить коммерческий успех изданию толкало его на сознательное сокращение и урезывание авторского текста, исключение из него малозначимых и неинтересных для широкой читательской аудитории фрагментов.

Редакционные введения к публикациям мемуаров, вышедшим в советский период, заметно отличаются от дореволюционных предварений. И дело здесь не только в их развернутости, в широком диапазоне поднимаемых вопросов, требующих от публикаторов-редакторов проведения специальных источниковедческих разысканий, но и в глубине и полноте рассмотрения некоторых из них. Однако, несмотря на положительные моменты, вводные статьи к советским изданиям мемуаров, в целом, не выходят за рамки биографических очерков, подробным образом знакомящих читателей с автором публикуемого произведения, дополненные сведениями археографического порядка.

Корпус выявленных мемуарных памятников принадлежит перу более 60-ти мемуаристов, 7 из которых являются авторами двух и более произведений. Из 72 произведений, 7 опубликовано анонимно, под криптонимами и псевдонимом. Авторство 5 произведений (I, № 25; II, № 7, 16, 19, 24) установлено составителями указателя ИИРДВ, одно воспоминание (I, № 30) атрибутировано при подготовке настоящей работы, произведение, опубликованное под криптонимом "Н.Н.", атрибутировать не удалось. Проблема атрибуции, как видим, применительно к отобранной мемуарной литературе не представляет сколько-нибудь серьезных затруднений источниковедческого порядка.

Диапазон авторов мемуаров довольно широк и разнообразен как по социальному происхождению, профессиональному положению, образовательному уровню, так и по языку, манере и стилю воссоздания событий прошлого. Более половины произведе-

ний вышло из-под пера чиновничества, занимавшего различные ступени бюрократической иерархии: от губернских канцелярий, включая службу по выборам дворянства, до Сената и Государственного Совета. Среди мемуаристов есть известные государственные, общественные и литературные деятели. В их числе публицист П.Н.Обнинский, член общества истории и древностей Российских М.Д.Бутурлин, сын известного военного историка и библиофила Д.П.Бутурлина, член Государственного Совета, директор Публичной библиотеки М.А.Корф, начальник управления железных дорог, сенатор А.И.Дельвиг, двоюродный брат поэта А.А.Дельвига, профессора Московского университета – историк Б.Н.Чичерин и экономист А.И.Чупров. Мемуары, написанные известными в литературных, бюрократических и общественных кругах деятелями, составляют лишь малую долю общего корпуса произведений. Большинство же воспоминаний принадлежит перу малоизвестных и совсем неизвестных читательской публике авторов, о жизни и трудах которых до нас не дошло почти никаких сведений. Об их деятельности мы имеем подчас весьма поверхностное, приблизительное представление, складывающееся, главным образом, на основе отрывочных данных, почерпнутых из самих произведений.

Несмотря на, казалось бы, весомый удельный вес зарегистрированных мемуаров, включая собственноручно составленные записки губернаторов, они позволяют охарактеризовать не всех, а лишь 14 из 20 служивших в данное время чиновников и при том далеко не в равной степени. Так, на генерал-губернатора Закревского приходится 21 произведение (I, № 4, 6-8, 10-12, 14, 16, 17, 19, 21-23, 27, 31, 37, 41-43; II, № I. 1898. № I, 10), калужского губернатора Архимовича – 14 (II, № 2-5, 8-16, 24), московского губернатора Синельникова – 11 (I, № 13, 18, 24, 25, 31-34, 36, 38, 47), что в совокупности составляет более половины всего учтенного числа произведений. Количество произведений, освещающих деятельность других представителей губернской бюрократии – московских генерал-губернаторов Долгорукова, Тучкова, калужских губернаторов Д.Н.Толстого и Булгакова соответственно: 8 (I, № 5, 15, 20, 22, 26, 43, 45, 46), 7 (I, № 3, 22, 30, 31, 39, 40, 44), 6 (II,

№ I, I4, I9-22) и 4(П, № 6, I4, I8, 25). Наконец, о 7 чиновниках сведения содержатся всего в I-3 произведениях: Казначееве (I, № II; П, № 7), Капнисте (I, № I, 29, 35), Лерхе (П, № 23), Офросимове (I, № 22, 28), Сиверсе (I, № 2, 9), Смирнове (П, № I7) и Е.П.Толстом (П, № I4). Деятельность 6 губернаторов (Баранова, Корнилова, Оболенского, Спасского, Фонвизина и Щербатова) осталась вне поля зрения мемуаристов, сведения о них в мемуарах мы не находим.

Выявленные мемуарные произведения образуют комплекс различных по объему, форме, содержанию, идейной направленности и информативности мемуарных источников, в котором четко можно наметить 4 большие группы. К первой принадлежат произведения, написанные самими губернаторами, рассказывающие о различных сторонах их служебной, а иногда и частной жизни. В нашем материале насчитывается 8 мемуаров, вышедших из-под пера 4 губернаторов: Синельникова (I, № 32-34), Казначеева (П, № 7), Смирнова (П, № I7) и Д.Н.Толстого (П, № I9-2I). Одно произведение составлено генерал-губернатором П.А.Тучковым (I, № 40). Вторую группу образуют пространные автобиографические повествования, охватывающие, как правило, несколько десятилетий жизненного пути их авторов и, как вкрапление в общий сюжет повествования, содержащие сведения о многих представителях чиновного мира. В третью группу произведений входят мемуары, освещающие какой-либо эпизод, отдельный случай или период служебной деятельности сановника. Наконец, четвертую группу воспоминаний составляют произведения, авторы которых преимущественное внимание уделяют не описанию событийной стороны жизни представителей губернской бюрократии, а содержат штрихи к их портретным зарисовкам, позволяющие шире и полнее представить внутренний мир чиновничества. Несмотря на известную условность, данная классификация служит определенным методическим ориентиром в ходе дальнейшего повествования.

Собственноручно написанные записки губернаторов по широте охвата, полноте отображения различных сторон их жизненного пути, уровня авторского самопознания весьма разно-

образны. Одни из них посвящены описанию конкретного исторического события (I, № 33), другие содержат отрывочные характеристики известных всей России литературных деятелей, с которыми мемуариста связывала личная дружба (II, № 17)¹⁶. Наконец, третьи освещают какой-либо отдельный этап, отрезок службы автора (I, № 40; II, № 19-21) или его служебную карьеру в целом (I, № 32, 34; II, № 7). Наибольший интерес представляют произведения, посвященные не отдельно взятому событию, а отражающие значительный во временном плане период служебной деятельности чиновничества. Неоценимое их значение состоит в том, что они позволяют, и при том довольно полно, воссоздать не только модель служебной карьеры сановника, запечатлеть незафиксированные в официальных документах малоизвестные факты биографии, но и запечатлеть его духовный облик, выявить отношение к различным сторонам социальной действительности. К таким произведениям прежде всего относятся автобиографические воспоминания губернаторов Синельникова (I, № 32, 34) и Казначеева (II, № 7), отражающие весь период служебной карьеры их авторов, а также мемуары Д.Н.Толстого (II, № 19-21), затрагивающие некоторые периоды его служебной биографии и личной жизни.

Вторую группу источников в количестве 27 произведений (I, № 1-4, 8, 9, 11, 12, 16, 19, 21-23, 26-29, 31, 35, 38, 42, 47; II, № 1, 3, 12, 22, 25), как было отмечено, составляют развернутые автобиографические повествования мемуаристов, в той или иной связи касающиеся служебной деятельности чиновничества, написанные лицами, занимавшими самое разное служебное положение. Среди них высокопоставленные царские сановники, чиновники губернского звена, профессиональные литераторы, журналисты, представители торгово-промышленных и деловых кругов. Содержащиеся в автобиографиях различные по объему и содержанию мемуарные свидетельства о чиновничестве включают широкий спектр самых различных характеристик - от описания свойств характера, привычек, поступков и т.п. представителей служилой бюрократии, сообщения сведений биографического порядка, до освещения в разных ракурсах отдельных периодов их служебной карьеры. Первостепенный интерес для нас пред-

ставляют воспоминания, содержащие развернутые свидетельства о чиновничестве. В первую очередь к ним следует отнести рассказывающие о деятельности московского военного генерал-губернатора Закревского, заслуживающие доверия воспоминания Дельвига (I, № 8), опубликованные спустя четверть века после смерти автора, жизнеописания выходцев из купечества Вишнякова (I, № 4) и Найденова (I, № 21), изданные для ограниченного круга читателей, близких к роду составителей. В основу написания этих воспоминаний положены как личные впечатления мемуаристов, так и рассказы других участников и очевидцев событий, а также ходившие в обществе слухи, анекдоты, наконец, рассказы самого Закревского (у Дельвига). Для Дельвига и Найденова преобладающим источником информации являются их собственные воспоминания, мемуары Вишнякова почти целиком построены на показаниях современников описываемого.

По сравнению с богатыми фактологической стороной воспоминаниями Дельвига, Вишнякова и Найденова, другие произведения рассматриваемого комплекса содержат свидетельства, аккумулирующие более скудную информацию о чиновничестве. Одни из них ограничиваются преимущественно замечаниями и оценками общего порядка на деятельность и личность представителей губернской знати (I, № 11, 19, 22, 27, 29, 31, 42¹⁷, 47), другие (I, № 1, 2¹⁸, 3, 9, 23, 26, 28; II, № 3) включают отрывочные свидетельства, отражающие лишь типичные черты характера, нравы, поступки чиновничества. Наконец, третьи заключают разрозненные сведения биографического характера или освещают какие-либо особенно заметные, запомнившиеся события и случаи из служебной практики чиновников (I, № 12, 16, 35; II, № 12, 22, 25).

Особо следует сказать о стоящих несколько в стороне от основной массы произведений автобиографических записках М.Д. Бутурлина (II, № 1) и П.П.Суворова (I, № 38). В воспоминаниях Бутурлина, служившего в 50-х годах чиновником при губернаторе Толстом сначала в Рязанской, а затем Калужской губерниях, хорошо знавшего губернатора как в служебной, так и интимной обстановке, мы найдем немало свидетельств, метко ха-

рактизирующих не только личные качества, привычки, занятия губернатора, но и раскрывающие его отношение к служебному долгу, своим сослуживцам, крепостному праву и т.д., т.е. сведения, отчасти отсутствующие в других мемуарных источниках. Записки Суворова, другого не менее известного в литературных кругах, чем Бутурлин, автора, заключают пространные, основанные на личных впечатлениях, частично дополненных показаниями других очевидцев, свидетельства, раскрывающие шаги практической деятельности Синельникова на посту генерал-губернатора Восточной Сибири. Записки Суворова по охвату событий из сибирской жизни Синельникова, полноте описания некоторых из них могут быть поставлены в один ряд с мемуарами Дельвига, Вишнякова и Найденова.

Третью группу мемуарной литературы, насчитывающую 17 произведений (I, № 6, 7, 13, 17, 18, 25, 36, 37, 45; II, № 6, 9, 11, 13, 15, 16) образуют воспоминания, авторы которых первостепенное внимание уделяют событийной стороне жизни чиновничества, т.е. описанию отдельного случая, эпизода или периода службы, без особого их анализа. С точки зрения заключенной информации включенные в данный комплекс произведения, — кстати сказать, запечатлевшие деятельность всего четырех лиц: В.А.Арцимовича (II, № 4, 5, 9, 11, 13, 15, 16), П.А.Булгакова (II, № 6), А.А.Закревского (I, № 6, 7, 17, 37) и Н.П.Синельникова (I, № 13, 18, 25, 36) — весьма разнообразны и неравноценны. Лишь в части воспоминаний заключена действительно ценная первичная информация. Отметим в этой связи воспоминания, освещающие губернаторскую деятельность Синельникова в Воронежской губернии (1857–1859 гг.) и его службу на посту генерал-губернатора Восточной Сибири (1871–1873 гг.), составленные непосредственными очевидцами его деятельности Н.Кельшом (I, № 13), П.С.Слетовым (I, № 36) и А.Падериным (I, № 25), отчасти восполняющие фактологические пробелы собственных записок Синельникова. Сюда также надо причислить серию воспоминаний о калужском губернаторе Арцимовиче, охвативших его губернаторство в Калужской губернии в 1858–1862 гг. (II, № 4, 9, 13, 15, 16) и службу на посту члена комиссии по урегулированию крестьянского быта в Царстве Польском в

1864—1865 гг. (П, № 5). Воспоминания об Арцимовиче написаны его бывшими сослуживцами П.Н.Грешищевым, Г.П.Ермолаевым, А.А.Муромцевым и Н.В.Сахаровым, лицами хорошо знавшими губернатора не только в официальной служебной, но и домашней обстановке, полностью разделявшими его взгляды и образ действий. Среди мемуаров, рассказывающих о деятельности Арцимовича в Калуге, выделяются произведения, проливающие свет на его разностороннюю, плодотворную деятельность по подготовке и реализации "Положений 19 февраля 1861 г." (П, № 4, 9, 13, 15) и особенно насыщенные богатой достоверной информацией воспоминания чиновника его канцелярии Сахарова (П, № 15), вместе с другими губернскими служащими участвовавшего в обнародовании и раздаче "Положений" в Калужской губернии.

Половину произведений группы составляют мемуары, содержащие описание одного или нескольких (I, № 6, 7, 17, 18, 37, 45; П, № 6, II), отчасти малозначительных, а частично уже известных по другим воспоминаниям сюжетов. Из всей совокупности перечисленных названий можно отметить всего лишь одно произведение — мемуары Г.М.Максимова (I, № 18), в которых приводятся небезынтересные факты о деятельности Н.П.Синельникова на посту директора им же основанного Красносельского театра.

Наконец, последний четвертый комплекс источников, состоящий из 19 произведений (I, № 5, 10, 14, 15, 20, 24, 30, 39, 41, 43, 44, 46; П, № 2, 8, 10, 14, 18, 23, 42), образуют воспоминания, запечатлевшие портреты, образы, характеристики представителей бюрократических кругов или отдельные к ним штрихи и зарисовки, основанные как на собственных воспоминаниях мемуаристов, так и показаниях других очевидцев, раскрывающие внутренний мир чиновничества. Среди них, в первую очередь, должны быть выделены воспоминания, содержащие развернутые характеристики чиновников, фиксирующие свойства характера (I, № 5, 15, 39, 46; П, № 24) и воспроизводящие целостные образы, типы представителей губернской администрации. К последним относятся воспоминания П.Н.Обнинского (П, № 10), посвященные губернатору Арцимовичу, самос-

тоятельный, завершённый очерк о новгородском (бывшем калужском) губернаторе Э.В.Лерхе в "воспоминаниях шестидесятника" Н.Н.Фирсова (II, № 23), очерки о калужских губернаторах Н.В.Сахарова (II, № 14). В этих произведениях мемуаристы рисуют не просто психологически точные портреты своих персонажей, но и воспроизводят типизированные образы высшей администрации губернского звена. Воспоминания Обнинского, написанные живым, образным языком, охватывают не весь, а только заключительный период губернаторства Арцимовича в Калуге (1861-1862 гг.), совпавший с началом службы самого автора мировым посредником в Калужской губернии. Основой для воссоздания событий прошлого в мемуарах служит авторская память. Но человеческая память, как известно, с течением времени слабеет, прежде яркие образы утрачивают былую свежесть или вовсе забываются. Примечательна в этом смысле оговорка, которой сопроводил одну из своих публикаций автор: "Память, насыщенная через край массой быстро сменявшихся впечатлений, уже не в силах справиться с разбегающимся в разные стороны и ускользающим из-под рук когда-то богатым, а теперь нищенски-обшипанным материалом" (II, № II. С.119). Значительные пробелы в памяти заставили Обнинского по существу отказаться от воссоздания фактической стороны деятельности Арцимовича и перенести весь центр тяжести в описании на воспроизведение общей характеристики и оценки личности Арцимовича как губернатора.

К мемуарам Обнинского очень близки, живо и талантливо написанные преимущественно по личным наблюдениям, воспоминания другого общественного деятеля, писателя Фирсова (II, № 23) и очерки Сахарова (II, № 14). В течение 60-х годов Фирсов занимал ряд должностей по выборам дворянства в Новгородской губернии, что дало ему возможность сблизиться со многими высокопоставленными должностными лицами губернии, не исключая самих "хозяев губернии". Одним из них был губернатор Э.В.Лерхе, управляющий в течение 18 лет Новгородской губернией (1864-1882 гг.). Широкая осведомленность, тонкая наблюдательность автора, личное общение с губернатором, позволили ему в деталях, близко к действительности воссоздать

особый тип "будничного" губернатора пореформенной эпохи. Мемуары Сахарова в отличие от воспоминаний Обнинского и Фирсова содержат хотя и очень скудные, но чрезвычайно важные, в основе своей верные сведения, позволяющие, правда, лишь отчасти, воссоздать целую галерею наиболее распространенных, можно сказать, характерных для дореформенной эпохи типов губернских администраторов: Е.П. и Д.Н.Толстых, П.А.Булгакова и губернатора переходного периода В.А.Арцимовича.

Половина произведений группы (I, № 14, 20, 24, 30, 43, 44; II, № 2, 8, 18), по сравнению с только что отмеченными, включает лишь отрывочные, расплывчатые наброски к портретным зарисовкам чиновничества, выражающиеся в отображении наиболее ярких, характерных черточек характера, особенностей поведения, поступков, частично описания внешности, воззрений и т.д.

Завершая сжатый обзор мемуарных источников, нельзя не указать еще на два, заслуживающих определенного внимания, написанных в форме биографических очерков произведения, посвященных московскому генерал-губернатору Закревскому (I, № 10, 41). Особенность этих воспоминаний в том, что в них сквозь призму апологетических воззрений авторов, запечатлен не только сам образ воинствующего реакционера николаевской эпохи, но и содержатся экскурсы в его служебную биографию, к сожалению, ввиду их краткости и отрывочности не имеющие особого значения. Авторами очерков являются чиновники канцелярии генерал-губернатора: А.В.Фигнер, племянник известного партизана Отечественной войны 1812 года А.С.Фигнера, участвовавшего вместе с Закревским в Турецкой кампании 1810 года, и князь Д.В.Друцкой-Соколинский - зять генерал-губернатора. Оба мемуариста, как видим, принадлежали к ближайшему окружению Закревского, хорошо знали его как в служебной, так и в неофициальной обстановке. Это обстоятельство, надо полагать, повлияло не только на личную осведомленность мемуаристов, предоставив в их руки большой фактический материал, но и наложило определенный верноподданнический отпечаток на их произведения. В первую очередь это касается пространного повествования Друцкого-Соколинского, содержащего, пожалуй, са-

мую развернутую, но в то же время явно идеализированную характеристику Закревского.

Мемуарные произведения при условии использования всей совокупности заключенных в них данных в ряде случаев могут служить одним из ценных источников для изучения высших представителей губернской бюрократии. В этом нетрудно убедиться, рассмотрев под углом зрения пригодности в качестве исторического источника лишь один (учитывая объем настоящей статьи) из комплексов мемуарных произведений, посвященных, так сказать, губернатору средней руки. Например, воспоминания о губернаторе Н.П.Синельникове (1805-1892), служившем в Московской губернии в 1855-1857 гг.

Корпус мемуарных источников о Синельникове с нашей точки зрения является достаточно представительным для освещения как практической деятельности, так и самой личности администратора. В общей сложности в нашем распоряжении имеется 11 воспоминаний, прямо или косвенно отражающих его служебную деятельность (I, № 13, 18, 24, 25, 31-34, 36, 38, 47). Из них 3 произведения (I, № 32-34) принадлежат перу самого Синельникова. Содержащиеся в мемуарах сведения позволяют воссоздать прежде всего служебную биографию, модель карьеры губернатора. В этой связи первостепенное значение имеют автобиографические повествования губернатора (I, № 32, 34), в частности, изданные посмертно его записки (I, № 34), в которых особенно рельефно и достоверно, с пространными комментариями отражены главнейшие вехи служебной карьеры мемуариста — от службы адъютантом при штабе одного из полков военных поселенцев — до генерал-губернатора Восточной Сибири. Помимо фиксации поворотных кульминационных точек своей служебной карьеры, Синельников рассказывает и о выполнении им разовых служебных поручений (I, № 32. С.126-127; № 33. № 5. С.373-376). Содержащиеся в мемуарах подобного рода сведения, высказываемые мимоходом, ценны в том отношении, что они, как это не покажется на первый взгляд странным, не всегда отражены в официальных документах, например, формулярных списках.

Несмотря на значительный объем записок Синельникова (I,

№ 34), посвященных исключительно описанию его служебной деятельности (о личной, семейной жизни в них упоминается лишь вскользь, так сказать, между прочим), далеко не все периоды многосторонней службы губернатора, по разным причинам, получили одинаковое освещение. Неполно освещена в записках служба Синельникова в военных поселениях. На что указал еще в предварении к ним их публикатор Суворов, объяснив это невозможностью для автора в преклонном возрасте, когда писались воспоминания, восстановить в памяти "все впечатления бытия" (I, № 34. № I. С. 39). В действительности, как нам кажется, это объясняется не только забывчивостью верноподданного мемуариста, сколько его желанием обойти молчанием порочные стороны явно непригодной системы, введенной человеком, как он пишет "беспредельной преданности государю, безгранично ему доверявшему" (I, № 34. № I. С. 46). Не получили достаточного освещения, по собственному признанию автора, но уже по другой причине (в связи с потерей при нередких переездах части записок), продолжительный период его службы при штабе гвардейского корпуса, а также некоторые другие, менее заметные моменты его биографии. В то же время, последующий отрезок службы Синельникова, губернаторство во Владимирской, Воронежской губерниях и особенно деятельность в Восточной Сибири, нашел относительно подробное и точное освещение на страницах его увлекательных записок.

Комплекс выявленных мемуарных источников содержит богатый, соответствующий действительности материал для изучения практической деятельности Синельникова как администратора. В мемуарах Синельников изображен человеком деятельным, энергичным, инициативным, обладающим большими администраторскими способностями¹⁹, всегда стремившийся к точному, беспрекословному исполнению воплощенной в законе воли и желаний высшей власти. Стараясь максимально использовать предоставленные ему как "хозяину губернии" полномочия, он, в отличие от большинства других губернаторов, живо интересуясь всеми нуждами вверенной ему губернии, принимал деятельное участие в развитии и благоустройстве губернских городов, занимался

строительством административных и общественных зданий, дорог, мостов, устройством торговых лавок, улиц, площадей, садов, скверов для массовых гуляний и праздников, открывал театры и т.д. Подробные достоверные сведения об этих и многих других мероприятиях можно получить как из личных записок Синельникова (I, № 34), так и воспоминаний очевидцев его деятельности: Кельша (I, № 13), Падерина (I, № 25), Слетова (I, № 36) и Суворова (I, № 38).

В течение всего периода своей административной службы Синельников придерживался определенного стиля и методов управления. К сожалению, заключенные в мемуарах на этот счет сведения позволяют получить лишь частичное об этом представление. Синельников сразу же по приезде в губернию на общем собрании губернских служащих, не представляя никакой заранее составленной программы, как обычно это делали губернаторы, ограничивался личным знакомством с каждым из чиновников и его служебными обязанностями (I, № 34. № 2. С.383). В дальнейшем хорошее знание губернатором личных и деловых качеств служащих помогало ему лучше организовать исполнение ими служебных обязанностей и своих личных поручений. Записки Синельникова, близко к истине, почти фотографически, с точностью до часа, фиксируют служебный день губернатора, порядок выполнения им как администратором непомерно большого, трудно поддающегося описанию круга губернаторских обязанностей (I, № 34, № 2. С.383-384), что дает возможность получить совершенно очевидное представление как о выработанном в течение многих лет ритме его повседневной служебной деятельности, так и отношении к служебному долгу.

С целью контроля за состоянием делопроизводства в подведомственных учреждениях Синельников согласно установленному законом правилу производил ревизии уездных канцелярий. Некоторый небогатый материал об этом мы находим в его записках (I, № 34). Отличительной чертой проводимых губернатором ревизий была их внезапность, неожиданность как для провинциальных чиновников, так и обывателей. Этим губернатор надеялся как-то подтолкнуть нерадивых, равнодушных и безразличных к службе чиновников, ускорить прохождение дел в канцеля-

риях. Объектом ревизий в первую очередь были те учреждения, в которых "замечалась медленность, упущения или неверное направление дел" (I, № 34. № 2. С.384). Рассматривая ревизии как своего рода средство для устранения волокиты, бесконтрольности, пассивности в деятельности чиновничества с одной стороны и "ужихренний торговцев" (I, № 34. № 3. С.733) с другой, Синельников при освещении своего 8-летнего пребывания на посту губернатора в 4-х губерниях, в то же время, не даёт подробного описания ни одной из организованных им ревизий. Умалчивают об этом и авторы других произведений.

Как явствует из мемуаров (I, № 25. С.934; № 38, № I. С. 95; № 34, № 2. С.384; № 3. С.729), Синельников немало времени уделял разбору всевозможных жалоб, поступающих от просителей, которых принимал и в праздничные дни. Такое отношение Синельникова к обывателям, рассмотрение их просьб, восстановление поправленных прав, вытекало из его твердого убеждения в необходимости воспитания народа в духе уважения к закону и верности самодержавной власти, непосредственным выразителем воли и желаний которой на местах являлся губернатор. Только "при управлении, основанном на правде и любви, — заключал губернатор, — века не поколеблют преданности его (т.е. народа — В.И.) государю и родине" (I, № 34, № 2. С. 385). Справедливое (в рамках существующего закона) урегулирование Синельниковым возникавших недоразумений, с одной стороны, как следует из воспоминаний (I, № 13, 25, 36, 38), поднимало авторитет и популярность губернатора, а с другой — обременяло лишними, не относящимися к его компетенции просьбами, часть из которых губернатор рассматривал.

Для поддержания спокойствия и порядка Синельников вынужден был принимать срочные меры по снижению цен на хлеб, вести борьбу против скупщиков, спекулянтов, в отдельных случаях наказывать самым строгим образом нарушителей общественного порядка, изгонять со службы лживых, нечестных чиновников и т.д. (I, № 13, 25, 34, 36, 38). В особых случаях для сохранения в неприкосновенности устоев самодержавно-дворянской монархии губернатор прибегал к "особым методам управления". Так, губернаторствуя в Воронежской губернии, в

в период развернувшейся в стране подготовки крестьянской реформы, Синельников, по собственному признанию, для предупреждения крестьянских брожений и возмущений уже в самом начале возникновения беспорядков применял энергичные и суровые меры наказания, а по необходимости открыто подавлял крестьянские выступления (I, № 34, № 3. С. 734). Еще более наглядно сказанное подтверждают те страницы записок Синельникова, которые запечатлели его деятельность в должности интенданта I армии в Царстве Польском (I, № 34, № 4. С. 45-57). Заключение в мемуарах сведения вполне определенно дают понять, что Синельников, как надежный охранитель престола, в разгар начавшихся в Польше в 1861 году волнений и беспорядков выступил открытым сторонником наиболее жестких форм их подавления.

По свидетельству очевидцев, Синельников был непримиримым противником лихоимства, казнокрадства и других весьма распространенных, считавшихся обычными с точки зрения чиновной морали негативных явлений. Мемуарная литература, надо заметить, не богата конкретными примерами, рассказывающими о преследовании Синельниковым взяточников и казнокрадов. В ней упоминаются лишь единичные имевшие место в служебной практике губернатора случаи обличения им незаконных действий чиновников (I, № 13, 25, 36, 38). Мемуары ценны информацией иного рода. Они позволяют явственно увидеть, каким образом Синельников считал возможным если не полное искоренение царивших в чиновной среде злоупотреблений, то хотя бы ограничение их до разумных пределов. Подробные сведения об этом содержатся в VII и VIII главах его записок, отражающих службу в Восточной Сибири. И это не случайно. Взятничество, казнокрадство, массовые незаконные поборы с населения в Сибири в силу особых, объективных обстоятельств (отдаленность от центра, бесконтрольность за действием местной администрации, низкое жалование чиновников при чрезвычайно трудных условиях их существования, острый недостаток честных, хорошо знающих свое дело служащих и т.п.) имели под собой настолько благоприятную почву для быстрого произрастания

и распространения, что делали по существу невозможной и практически бесполезной в тогдашних условиях какую-либо борьбу за их искоренение. Мемуары (I, № 34) содержат не только описания и характеристики некоторых из введенных Синельниковым мер борьбы против лихоимства, впрочем как и других, имевших под собой благоприятную почву для быстрого произрастания негативных явлений, но и в какой-то степени (что немаловажно) обобщают и отчасти правильно объясняют безуспешность его деятельности в этом направлении.

Мемуарные произведения дают некоторый материал для характеристики личностных качеств и свойств характера Синельникова. В корпусе источников мы, правда, не найдем произведения, содержащего развернутую, целостную его характеристику. Она может быть воспроизведена на основе отдельных, часто разрозненных, зафиксированных в разных воспоминаниях сведений. Передавая характерные черты личности губернатора, мемуаристы представляли своего героя с позиции "лучших чувств" к нему, опускали, как правило, присущие ему слабости и недостатки. Лишь в части произведений помимо лестных отзывов проскальзывают, так сказать, и отрицательные стороны его характера. Только учет всех заключенных в мемуарах свидетельств позволяет нарисовать объективную характеристику личности губернатора.

При рассмотрении мемуарных источников о Синельникове нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что в них получила отражение почти исключительно его служебная деятельность. Складывается впечатление, что мемуаристов как будто вовсе не интересовала личная жизнь губернатора. Во всяком случае, сведений об этом в мемуарах приводится очень мало. Из внеслужебных интересов и привычек губернатора подробно и правильно освещается в воспоминаниях отношении Синельникова к театральному искусству (I, № 13, 18). Его отнюдь не дилетантская деятельность в этой области живо раскрыта в заслуживающих доверия мемуарах артиста Г.М.Максимова (I, № 18). Загруженность повседневной служебной работой, требовавшей большой самоотдачи, не позволяла Синельникову отдавать себя личным интересам. Этим обстоятельством, надо думать, и объяс-

няется факт очень скромного отражения в мемуарной литературе внеслужебных интересов губернатора.

Наконец, последнее о чем следует сказать при рассмотрении корпуса источников о губернаторе Синельникове - в какой мере содержащиеся в них сведения отражают период его службы на посту Московского губернатора. Служба Синельникова в Московской губернии запечатлена всего в двух произведениях: его собственных записках (I, № 34, № 3. С.721-729) и мемуарах И.В.Селиванова (I, № 31, 1880. № 8. С.730-734). Повествование Синельникова о службе в столице на общем фоне его административной деятельности выглядит довольно мрачно, пессимистически. В мемуарах отсутствуют материалы, свидетельствующие об активной, энергичной московской деятельности губернатора. Автор приводит лишь отдельные факты, отражающие его пребывание на этой должности, итоги ревизий подведомственных учреждений, деятельность по подготовке столицы к коронации Александра II (обеспечение войск провиантом, фуражом, устройство лагеря на Ходынском поле и т.д.), короткое описание обеда, данного столичным купечеством в честь вновь коронованного императора. Воспоминание Селиванова, по сравнению с собственноручными мемуарами Синельникова, еще менее богато фактическими сведениями о периоде его московского губернаторства и вряд ли может представлять в этом отношении какой-либо интерес.

Столь неполное, фрагментарное отображение в мемуарах и, в частности, личных записках Синельникова результатов его деятельности в Московской губернии объясняется отнюдь не стремлением авторов скрыть от широкой публики какие-то стороны служебной биографии губернатора, а причинами совершенно иного характера. Помимо губернаторов в Москве существовал еще институт генерал-губернаторов, который образывая "искусственное средостение между губернской администрацией и верховной властью"²⁰, ставил губернаторскую власть в зависимое от себя положение. Особенно заметно эта отрицательная тенденция проявлялась, когда генерал-губернатором становился человек, составлявший во всех отношениях коренную противоположность губернатору, лицо бездарное, ограниченное, не

умеющее оценивать человека по его действительным заслугам. Именно таким генерал-губернатором был граф Закревский, при котором губернаторствовал в Москве Синельников. В условиях открытого деспотизма и произвола Закревского активная личность Синельникова явно не находила выход своим замыслам и намерениям. "Благодаря своей подневольной зависимости, - вспоминал Синельников, - я ничего не мог сделать для Московской губернии хорошего и полезного" (I, № 34, № 3. С.727).

Подведем итоги. Краткий обзор корпуса мемуарной литературы, отразившей деятельность главных губернских администраторов, вышедшей отдельными книгами, опубликованной в сборниках, журналах, частично газетах, объединяет самые разнообразные произведения с разной степенью полноты охватывающие примерно 2/3 личного оостава служившего в рассматриваемое время чиновничества. Содержащаяся в мемуарах информация о чиновничестве весьма многообразна - от описания личностных качеств, освещения разных направлений и сторон практической деятельности до характеристики образов, распространенных типов представителей губернской администрации. Уровень насыщенности мемуаров данной информацией далеко не одинаков. Примерно треть произведений заключает очень скудные, отрывочные сведения, лишь частично, односторонне характеризующие чиновничество. Пределы использования таких произведений довольно ограничены. Они могут послужить известным подспорьем только при уточнении и дополнении фактов, почерпнутых из других источников. В то же время, как показал сжатый обзор корпуса воспоминаний о московском губернаторе Синельникове, мемуары, несмотря на присущие им пробелы и недостатки, в отдельных случаях можно рассматривать как один из важнейших источников для характеристики высшей губернской администрации. Они могут быть использованы для изучения биографий, моделей карьер, отчасти стиля и методов административного руководства, наконец, духовного облика чиновной бюрократии.

1 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.2. С.455.

2 Тартаковский А.Г. 1812 год и русский мемуаристика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980. С.44.

- 3 Зайончковский П.А. Кривис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964; он же. Российское самодержавие в конце XIX в. М., 1970; он же. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978; Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. М., 1984; Оржиховский И.В. Внутренняя политика российского самодержавия в 1866–1878 гг. (Усиление реакционно-охранительных начал). Автореф. докт. дисс. Л., 1974; Чернуха В.Г. Крестьянский вопрос в правительственной политике России (60–70-е годы). Л., 1972; она же. Внутренняя политика царизма с середины 50-х годов до начала 80-х годов XIX в. Л., 1978 и др.
- 4 См., например, вводные статьи к мемуарам Ф.Ф.Вигеля, А.И. Дельвига, А.М.Достоевского (Вигель Ф.Ф. Записки. М., 1928. Т.1; Дельвиг А.И. Полвека русской жизни 1820–1870. М.–Л., 1930. Т.1; Достоевский А.М. Воспоминания. Л., 1930) и др.
- 5 Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Опыт критики мемуаров С.Ю. Витте (в связи с его публицистической деятельностью в 1907–1915 гг.) // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М.–Л., 1963. Вып.5. С.298–374; Сидоров А.Л. Граф С.Ю.Витте и его "Воспоминания" // Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т.1. С.Ш–LXX; он же. К вопросу о характеристике текста и источников "Воспоминаний" С.Ю. Витте // Сидоров А.Л. Исторические предпосылки Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1970. С.187–216; Ткаченко М.А. Фонд С.Ю.Витте в ЦИА СССР и задачи критики "Воспоминаний" С.Ю.Витте // Некоторые вопросы историографии и источниковедения истории СССР. М., 1977. С.186–197; он же. "Воспоминания" Витте. Вопросы источниковедческого анализа. Автореф. канд. дисс. М., 1979; Ананьич Б.В. О рукописях и тексте мемуаров С.Ю.Витте // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т.ХП. С.183–204.
- 6 Чернуха В.Г. Мемуары столичного чиновничества второй половины XIX в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т.ХIV. С.195–216.
- 7 Тартаковский А.Г. Указ, соч. С.26–39.
- 8 История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный каталог книг и публикаций в журналах (далее – ИДРДВ). М., 1977. Т.П (1801–1856 гг.). Ч.1; М., 1978. Т.П (1801–1856 гг.). Ч.П; М., 1979. Т.Ш (1857–1894 гг.). Ч.1; М., 1980. Т.Ш (1857–1894 гг.). Ч.2; М., 1982. Т.Ш (1857–1894 гг.). Ч.4.
- 9 В 50–60-х годах XIX века Московской губернией управляли следующие генерал-губернаторы и губернаторы: А.А.Закревский (1848–1859 гг.), П.А.Тучков (1859–1864 гг.), М.А. Офросимов (1864–1865 гг.), В.А.Долгоруков (1865–1891 гг.), И.В.Калнинст (1844–1855 гг.), Н.П.Синельников (1855–1857 гг.), И.А.Шербаков (1857–1859 гг.), Ф.П.Корнилов (1859–1861 гг.), А.В.Оболенский (1861–1866 гг.), А.К.Сиверс (1867 г.), А.И.Баранов (1868 г.), И.С.Фонвизин (1868–1869 гг.), Калужской – Н.М.Смирнов (1845–1851 гг.), Е.П. Толстой (1851–1854 гг.), П.А.Булгаков (1854–1856 гг.), Л.Н.Толстой (1856–1858 гг.), В.А.Арипович (1858–1862

- гг.), Э.В.Лерхе (1863-1864 гг.), В.Н.Спасский (1864-1868 гг.), А.Г.Казначеев (1868-1871 гг.) // Список высшим чиновам государственного, губернского и епархиального управления. 1850-1865, 1867-1869. СПб., б.г. Данные справочника опубликованы с некоторыми уточнениями автора.
- 10 Лишь однажды, ввиду невозможности установить место и время первой публикации, мы воспользовались повторным изданием произведения. Речь идет о воспоминании И.Ф.Горбунова "Перед лицом графа Закревского. (Из моей автобиографии)" // Горбунов И.Ф. Собр.соч. СПб., 1907. Т.3. С. 53-56.
- 11 ИДРДВ. Т.2. № 10, 12, 83, 186, 218, 830, 2446, 2763, 3056, 3568; Т.3. № 2379, 2406, 2457. К перечисленным журнальным публикациям добавим еще изданное отдельной книгой воспоминание Н.Найденова (Т.3. № 119), содержащее 15 страниц текста о московском генерал-губернаторе Закревском.
- 12 Короленко В.Г. Эпизод (памяти В.М.Соболевского) // Русские ведомости. 1913. № III; Чупров А.И. По поводу юбилея В.А.Аризмовича. Там же. 1891. № 161. Попутно заметим, что в библиографии П.А.Зайончковского, не регистрирующей газетные публикации, учтены повторные публикации этих произведений (ИДРДВ. Т.3. № 3983, 2514).
- 13 Далее сноски на приводимые в перечнях приложения произведения в тексте работы в скобках. Римская цифра обозначает номер перечня, арабская - порядковый номер заключенного в нем произведения.
- 14 Воспоминание В.Голицына (I, № 5), лишь по формально-хронологическому признаку может быть отнесено к произведениям советской эпохи. Во всех других отношениях оно не отличается от основной массы дореволюционных публикаций, поэтому правильнее рассматривать его в рамках публикаций этого периода.
- 15 Чернуха В.Г. Указ.статья. С.198.
- 16 Посмертно опубликованные записки Н.М.Смирнова состоят из нескольких несвязанных между собой фрагментов, из которых только два, касающиеся А.С.Пушкина и М.Ю.Лермонтова, по нашему мнению, можно причислить к мемуарным повествованиям.
- 17 Приведенные в Перечне I воспоминания Б.Н.Чичерина, охватывающие 40-50-е годы XIX в., представляют одну из трех посмертно изданных частей его автобиографических записок.
- 18 Помимо опубликованных в сборнике отрывков из мемуаров Балдина, по машинописной копии произведения, хранящегося в ЦГАЛИ СССР, мы прилекли и другие, опущенные в публикации, относящиеся к рассматриваемому вопросу фрагменты его воспоминаний.
- 19 Только в одном произведении, написанном неизвестным автором (I, № 47) содержится попытка изобразить Синельникова неспособным и непрактичным администратором (С.90).
- 20 Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. С.145.

Перечень I

1. Арсеньев И.А. [1886 г.] "Слово живое о неживых. (Из моих воспоминаний)" // Исторический вестник. 1887. Т.27. № 3. С.555-570; Т.28. № 4. С.68-89.
2. Баллин Н.П. 1890-1904 гг. "50 лет моей жизни. (Развитие моих социальных стремлений)" // Революционная ситуация в России в 1859-1861 гг. М., 1970. С.295-341; ЦГАЛИ СССР. Ф.1337. Оп.2. Д.3.
3. Беркут Н.К. [60-70-е годы] "Записки Н.К.Беркута" // Исторический вестник. 1911. Т.126. № 12. С.876-905.
4. Вишняков Н.П. 1907 г. "Сведения о купеческом роде Вишняковых. Ч.3 и последняя (1848-1854)". М., 1911.
5. Голицын В.М. [1915-1919 гг.] "Москва в семидесяти годах" // Голос минувшего. 1919. № 5/12. С.111-162.
6. Горбунов И.Ф. "Перед лицом графа Закревского (Из моей автобиографии)" // Собр. соч. СПб., 1907. Т.3. С.53-56.
7. Давыдов В.Д. [1871 г.] "Из памятных записок В.Д.Давыдова" // Русский архив. 1871. Кн.1. № 5/6. Стб.0948-0964.
8. Дельвиг А.И. [1871-1886 гг.] "Мои воспоминания". М., 1913. Т.2-3.

* В перечнях мемуары расположены по алфавиту фамилий их авторов. Если произведения публиковались в нескольких частях, книгах и выпусках, то в перечни включались только те из них, которые имеют непосредственное отношение к теме исследования. Установленные автором временные рамки создания мемуаров даны в квадратных скобках ([]). Работы, время написания которых неизвестно, никак не обозначены. В квадратные скобки заключены также и фамилии авторов воспоминаний, атрибутируемые при подготовке настоящей работы. Авторские и издательские названия заключены в кавычки (" "). Неавторская атрибуция и датировка произведений в перечнях специально не оговариваются.

9. Достоевский А.М. [1895–1896 гг.] "Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского". М., 1930.
10. Друцкой-Соколинский Д.В. 22 июня 1901 г. "Из моих воспоминаний" // Русский архив. 1901. Кн. I. № 4. С. 661–690.
11. Загоскин С.М. [90-е годы] "Воспоминания С.М. Загоскина" // Исторический вестник. 1900. Т. 79. № 2. С. 489–530; Т. 80. № 5. С. 403–429; № 6. С. 790–815.
12. Каменская М.Ф. [1891–1894 гг.] "Воспоминания М.Ф. Каменской" // Исторический вестник. 1894. Т. 57. № 9. С. 628–652.
13. Кельш Н. [1893 г.] "Воспоминания о Н.П. Синельникове" // Исторический вестник. 1893. Т. 54. № 12. С. 876–880.
14. Кокарев В.А. 2 июля 1885 г. 10 сентября 1885 г. "Воспоминания давно прошедшего, вызванные показаниями графа Закревского" // Русский архив. 1885. Кн. 3. № 9. С. 154–157; № 10. С. 263–272.
15. Короленко В.Г. [10–14 мая 1913 г.] "Эпизод (памяти В.М. Соболевского)" // Русские ведомости. 1913. № III.
16. Корф М.А. "Из записок барона (впоследствии графа) М.А. Корфа" // Русская старина. 1900. Т. 101. № 3. С. 545–538.
17. Кулеша С.Е. [1879 г.] "А.С. Хомяков и гр. А.А. Закревский" // Русская старина. 1879. Т. 26. № II. С. 537–538.
18. Максимов Г.М. [Середина 70-х годов] "Свет и тени петербургской драматической труппы за прошедшие тридцать лет (1846–1875)". СПб., 1878.
19. Манн К.А. [70-е годы – декабрь 1882 г.] "Воспоминания К.А. Манна" // Исторический вестник. 1917. Т. 147. № 2. С. 308–338.
20. Марковников В.В. 2 августа (19 июля) 1899 г. "Черта из жизни высокопреосвященного митрополита Иннокентия. (Необычайная химическая экспертиза)" // Русский архив. 1899. Кн. 3. № II. С. 469–475.
21. Найденов Н.А. [1903 г.] "Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном". М., 1903. Кн. I.
22. Никифоров Д.И. [2-я половина 90-х годов] "Москва в царствование императора Александра II". М., 1904.

23. Оболенский Д.Д. [1892-1893 гг.] "Наброски из прошлого" // Исторический вестник. 1893. Т.54. № II. С.349-374.
24. Обручев В.А. [1906-1907 гг.] "Из пережитого" // Вестник Европы. 1907. № 6. С.565-595.
25. Падерин А. [1897 г.] "Записки сибиряка" // Исторический вестник. 1898. Т.73. № 9. С.925-937.
26. Пеликан А.А. [1906-1914 гг.] "Во второй половине XIX века" // Голос минувшего. 1915, № I. С.146-163.
27. Пржецлавский О.А. [1874 г.] "Воспоминания О.А.Пржецлавского" // Русская старина. 1874. Т.II, № 12. С.665-698.
28. Решетов Н.А. 18 октября 1886 г. "Люди и дела давно минувших дней" // Русский архив. 1886. Кн.3. № 12. С.497-515.
29. Салов И.А. [Середина 90-х годов] "Умчавшиеся годы. (Из моих воспоминаний)" // Русская мысль. 1897. Кн.9. С.56-81.
30. [Селиванов И.В.] [70-е годы 1882 г.] "Граф С.Г.Строганов и П.А.Тучков. 1864. Из записной книжки чиновника-москвича" // Русский архив. 1905. Кн.I. № I. С.70-95.
31. Селиванов И.В. 30 ноября 1880 г. "Записки дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя, судьи и председателя палаты" // Русская старина. 1880. Т.28. № 8. С. 725-752; 1881 г. Т.31. № 8. С.531-546.
32. Синельников Н.П. 16 сентября 1880 г. Автобиография // Знакомые. Альбом М.И.Семевского, издателя-редактора исторического журнала Русская старина. Книга автобиографических заметок 850 лиц. - Воспоминания. - Стихотворения. - Эпиграммы. - Шутки. - Подписи. 1867-1888. СПб., 1888. С.124-127.
33. Синельников Н.П. 4 марта 1879 г. "Встреча с повстанцами 10-го января 1863 г." // Русская старина. 1879. Т.24. № 4. С.790-791.
34. Синельников Н.П. [1874-1892 гг.] "Записки сенатора Н.П. Синельникова" // Исторический вестник. 1895. Т.59. №1. С.39-75; № 2. С.380-397; № 3. С.721-736; Т.60. № 4. С. 45-57; № 5. С.373-387; № 6. С.693-711; Т.61. № 7. С.27-46.

35. Скалон С.В. [1859 г.] "Воспоминания С.В.Скалон. (Урожденной Капнист)" // Исторический вестник. 1891. Т.44. № 6. С.599-625.
36. Слетов П.С. [1892 г.] "Воспоминания о Н.П.Синельникове" // Исторический вестник. 1893. Т.51. № 1. С.231-237.
37. Соловьев С.М. "Любительские спектакли в Москве. Из воспоминаний отставного режиссера" // Русский архив. 1874. Кн.1. № 1. С.203-222.
38. Суворов П.П. Июль 1894 г. "Записки о прошлом" // Русское обозрение. 1893. Т.24. № 12. С.683-699; 1894. Т.25. №1. С.92-105; № 2. С.721-736; Т.26. № 4. С.582-601; Т.27. № 6. С.555-570.
39. Сушков Н.В. 5 февраля 1864 г. "Воспоминания о Павле Алексеевиче Тучкове" // Душеполезное чтение. 1864. Ч.1. №2. С.31-57.
40. Тучков П.А. "Главные черты моей жизни. Записки Павла Алексеевича Тучкова" // Русская старина. 1881. Т.32. № 11. С.455-511.
41. Фигнер А.В. [1885 г.] "Воспоминания о графе А.А.Закревском" // Исторический вестник. 1885. Т.20. № 6. С.665-671.
42. Чичерин Б.Н. [конец 90-х - 1904 г.] "Москва сороковых годов". М., 1929.
43. Шатилов Н. [1912-1914 гг.] "Из недавнего прошлого" // Голос минувшего. 1916. № 1. С.165-196; № 9. С.21-39.
44. Шипов С.П. [1864 г. - 2-я половина 60-х годов] "Воспоминание генерал-адъютанта С.П.Шипова о московском генерал-губернаторе П.А.Тучкове" // Русский архив. 1883. Кн. 1. № 2. С.303-307.
45. Щетинин Б.А. [1908 г.] "Арестованный по ошибке. (Из воспоминаний)" // Исторический вестник. 1908. Т.114, № 12. С.931-940.
46. Щетинин Б.А. [1916 г.] "Хозяин Москвы. (Из недавнего прошлого)" // Исторический вестник. 1917. Т.148. № 5/6. С.451-462.
47. Анонимное. Н.Н. /1913-1914 гг./ "Из впечатлений минувшего века" // Еврейская старина. 1915. Т.8. № 1. С.85-99.

Перечень П.

1. Бутурлин М.Д. 1867-1876 гг. "Воспоминания, автобиография, исторические мне события и слышанные от старожил, портреты, впечатления, артистические сведения, литературные заметки и фамильная летопись" // Русский архив. 1897. Кн.3. № 11. С.313-367; № 12. С.517-597; 1898. Кн.1. №1. С.125-164; 1898. Кн.2; № 7. С.406-444; № 8. С.522-589; Кн.3. № 10. С.153-222.
2. Бутурлин М.Д. [1875-1876 гг.] "1861-й год. Эпизод из истории калужского крестьянства" // Русский архив. 1876. Кн.3. № 10. С.245-254.
3. Венюков М.И. Октябрь 1882 г. "Из воспоминаний". Амстердам. 1895. Кн.1.
4. Грешницев П.Н. Воспоминания о В.А.Арцимовиче" // В.А.Арцимович. Воспоминания.-Характеристики (далее - В.А.Арцимович). СПб., 1904. С.614-620.
5. Ермолаев Г.П. [2 марта - 19 октября 1893 г.] Письмо о деятельности В.А.Арцимовича в Царстве Польском // В.А. Арцимович. С.624-627.
6. Иксуль В.(Соковнина). "К характеристике императора Александра П. (Из воспоминаний моей матери)" // Исторический вестник. 1904. Т.96. № 4. С.104-117.
7. Казначеев А.Г. 24-го апреля 1881 г. "Между строками одного формулярного списка 1823-1881 гг." // Русская старина. 1881. Т.32. № 12. С.817-880.
8. Ковалевский Е.П. [1911-1912 гг.] "Воспоминания о М.Е.Ковалевском" // Исторический вестник. 1912. Т.128. № 5. С.546-563.
9. Муромцев А.А. "Мои воспоминания о Викторе Антоновиче Арцимовиче" // В.А.Арцимович. С.608-613.
10. Обнинский П.Н. [1893 г.] "Виктор Антонович Арцимович в Калуге в 1861-1863 годах" // Русская старина. 1897. Т. 90. № 4. С.103-119.
11. Обнинский П.Н. [1891 г.] "Из воспоминаний юриста" // Русский архив. 1892. Кн.1. № 1. С.98-133.
12. Покровский Н.Н. "Отжившие бюрократические порядки. (К

- вопросу о реформе Правительствующего Сената)" // Русская старина. 1910. Т.144. № II. С.349-364.
13. Сахаров Н.В. 18 марта 1884 г. "Дело генерала Мальцева" // В.А.Арцимович. С.407-518.
14. Сахаров Н.В. [2-я половина 90-х годов] "Калужские губернаторы. (Из воспоминаний Н.В.Сахарова)" // Русский архив. 1916. Кн.1. № 1/3. С.213-234.
15. Сахаров Н.В. [1899 г.] "Объявление воли в Калужской губернии. (Из материалов к биографии В.А.Арцимовича)" // Русская мысль. 1899. № 9. С.1-33.
16. Сахаров Н.В. 28 февраля 1894 г. "Школа А.Ф.Вырской" // Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М.,1897. С.343-354.
17. Смирнов Н.М. "Из памятных заметок" // Русский архив. 1882. Кн.1. № 2. С.227-244.
18. Соколова А.И. [1910-1911 гг.] "Встречи и знакомства" // Исторический вестник. 1911. Т.123. № 3. С.919-936.
19. Толстой Д.Н. [Середина 40-х годов] "Автобиография обыкновенного человека" // Иллюстрация. 1848. № 33. С.129-134.
20. Толстой Д.Н. [1881 г.] "Дай оглянись" // Русский архив 1881. Кн.2. № 3. С.163-176.
21. Толстой Д.Н. 12 марта 1864 г. 28 марта 1872 г. "Записки графа Дмитрия Николаевича Толстого" // Русский архив. 1885. Кн.2. № 5. С.50-70.
22. Толстой М.В. [конец 70-х годов - 1880 г.] "Мои воспоминания" // Русский архив. 1881. Кн.2. № 3. С.42-131; Кн.3. № 5. С.113-172; № 6. С.423-432.
23. Фирсов Н.Н. (Л.Рускин) [1906-1907 гг.] "Силуэты времени реформ. (Воспоминания шестидесятника)" // Исторический вестник. 1910. Т.119. № 3. С.863-878.
24. Чупров А.И. 16-го июня 1891 г. "По поводу юбилея В.А. Арцимовича" // Русские ведомости. 1891. № 164.
25. Щербачёв Г.Д. [2-я половина 80-х годов] "Из воспоминаний Григория Дмитриевича Щербачёва" // Русский архив. 1891. Кн.1. № 2. С.29-76.

ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ПОРЕФОРМЕННОГО КРЕСТЬЯНСТВА
В ПУБЛИЦИСТИКЕ Г.И.УСПЕНСКОГО

Анализ литературы, посвященной крестьянскому движению второй половины XIX века, четко обнаруживает необходимость поиска того источниковедческого материала, который отражает изменения в общественном сознании крестьянства в пореформенный период. Нам представляется, что все те источники, которые так или иначе привлекаются для изучения пореформенного крестьянства, должны быть рассмотрены под углом зрения этой задачи. Вместе с тем имеется корпус источников, который в последние десятилетия выпал из поля зрения исследователей. Это русская публицистика, в центре внимания которой стояло крестьянство и крестьянский вопрос второй половины XIX века.

Крестьянский вопрос в пореформенной России был важнейшим в общественной и политической жизни. Таким он стал и в литературе. В 1870-х годах, в связи с подъемом русского освободительного движения и революционной ситуацией 1879-1880 гг., внимание к положению крестьянства особенно обострилось. Этот интерес породил классическую "деревенскую", пользуясь современным термином, художественную публицистику. Ярчайшим представителем ее был Г.И.Успенский.

Г.Успенский, как писатель, чутко относившийся к запросам своего времени, не мог пройти мимо коренного вопроса эпохи. Уже в 60-х годах Г.И.Успенскому было ясно, что проведенные царским самодержавием реформы не принесли действительного облегчения крестьянским массам. В это время он знакомится со взглядами народников. Солидаризируясь с ними по ряду вопросов теории, Успенский, как писатель-реалист, воспитанный на идеях революционной демократии, видел, что народническая теория носит умозрительный, абстрактный характер, не опирается на фактические знания русской, особенно крестьянской жизни. Отрицательно относясь к капитализму, не желая его торжества в России, Успенский пытается найти силы, которые могли бы направить развитие России по иному пути.

Не находя этих сил в городе, Успенский полагает, что такой силой могло бы быть крестьянство. Так возникает решение Успенского поближе воочию узнать народную жизнь, изучить процессы, в ней происходящие. О переходе к новому этапу своей жизни и творчества он рассказал в "Автобиографии": "Затем подлинная правда жизни повлекла меня к источнику, т.е. к мужику"¹. С этой целью он уезжает в деревню, где работает в должности письмоводителя сельского ссудно-сберегательного товарищества, волостным писарем. Наблюдения над крестьянской жизнью в деревне послужили основным материалом для очерков, составивших циклы: "Из деревенского дневника", "Крестьяне и крестьянский труд", "Власть земли", а также отдельные рассказы и очерки тех же лет ("Непорванные связи", "Малые ребята", "Равнение "под одно", "Без определенных занятий" и др.).

В своих произведениях Успенский сумел точно увидеть те изменения, которые происходили в деревне в психологии крестьянства после реформы 1861 года. В очерках представлена крестьянская масса, чрезвычайно разнообразная и многоликая, со всем обилием социальных оттенков, которые возникли в пореформенной деревне. Мы узнали о "коштаных", "мироедах", кабатчиках, мельниках-арендаторах. Писатель рисует крестьянский быт с его "типичными деревенскими случаями", с огромной детской смертностью, глубоким горем и безысходной бедностью. Неизбежно крестьянин должен искать заработок помимо земли: "ловить рубль" у себя же в деревне, уходить на отхожие промыслы, оставляя дома "биться" жену и малолетних детей. Нарисованная в очерках картина пореформенной жизни замечательно иллюстрирует живым жизненным материалом многочисленные статистические труды и исследования того времени. Так публицист "Отечественных записок" писал о новгородском крестьянине: "Без отхожих промыслов громадная масса новгородского населения гибла бы с голоду, и даже то жалкое земледелие, которое теперь все-таки держится кое-как, не могло бы существовать без отхода..."². В своих очерках Успенский использует не только статистические данные, но и делопроизводственные документы различных канцелярий, сообщения периодиче-

ской печати. Особенностью использования документа у Успенского является введение документальных данных не только в публицистические рассуждения, но и в образные картины действительности; документ под пером писателя становился "живым". "Живыми" в творчестве Успенского становились и цифры. Обращение к цифрам у Успенского мы находим почти во всех его крестьянских очерках. Герой очерков "Волей-неволей" говорит о цифровых данных, характеризующих народную жизнь: "...это боль, спрессованная в маленькую цифру... мне понятна; она, потрясая мой ум, развивает тот зародыш жалости, который уже есть во мне, к пониманию общих, всечеловеческих бед, гонит к ним, обязывает сосредоточить внимание только на них..."³. Писатель считал важным подчеркнуть документальную основу своих очерков: здесь и газетные известия о событиях происходящей войны, и указы о солдатском наборе, и записки старшины Полуптичкина, и "копии с учета" волостного старшины и писаря. В очерках часто сохраняются все особенности документа, его формы, вплоть до орфографии и пунктуации.

В.И. Ленин в черновых материалах к реферату "Аграрная программа социалистов-революционеров и социал-демократов (1903 г.) сопоставляет воззрения Энгельса по аграрному вопросу с крестьянскими очерками Успенского, в которых дан "анализ всех общинных иллюзий" и в которых писатель показывает, что "психика мужика определяется не формой землевладения, а условиями производства". В.И. Ленин заключает, что эти произведения Успенского звучат "в одно слово с Энгельсом"⁴. Сопоставление лучших страниц Успенского с воззрениями Энгельса говорит о том, насколько высоко ценил В.И. Ленин очерки Успенского о пореформенной русской деревне. "Самый наблюдательный, самый умный, самый талантливый из всех народников-беллетристов Г. Успенский, - писал Плеханов, - взявшись указать нам "совершенно определенные" "реальные формы народного дела", совсем незаметно для самого себя пришел к тому, что подписал смертный приговор народничеству и всем "программам" и планам практической деятельности, хотя отчасти с ним связанным"⁵. На большое общественное значение

творчества Успенского и на очерки о деревне указывала ленинская "Искра" в статье "По поводу смерти Г.И.Успенского". "Его деревенские очерки конца 70-х годов, — говорилось в статье, — совпадая с личными впечатлениями ходивших в народ революционеров, содействовали крушению первоначального анархически-бунтарского народничества"⁶. В.И.Ленин неоднократно обращается к произведениям Г.Успенского и делает ссылки на его крестьянские очерки. В труде "Экономическое содержание народничества (1894—1895 гг.)" дается следующая характеристика крестьянина: "Раз крестьянин становится товарным производителем (а таковыми стали уже все крестьяне), то "нравственность" его неизбежно уже будет "обоснована на рубле", и винить его за это не приходится, так как самые условия жизни заставляют ловить этот рубль всяческими торговыми ухищрениями". К этой характеристике следует сноска: "Ср. Успенского"⁷. Совершенно ясно, что здесь подразумеваются очерки из "Деревенского дневника". В работе "Капитализм в сельском хозяйстве" (1899), характеризуя индивидуализм крестьян, В.И.Ленин также ссылается на сочинения Успенского: "Мелкому производителю (и ремесленнику, и крестьянину), — пишет Ленин, — мешают перейти к коллективному производству крайне слабое развитие солидарности, дисциплины, их изолированность, их "фанатизм собственников", констатируемый не только среди западно-европейских крестьян, но, — добавим от себя, — и среди русских, "общинных" крестьян (вспомните А.Н.Энгельгардта и Гл.Успенского)"⁸.

Использование Лениным произведений Г.Успенского при написании фундаментальных работ свидетельствует о высокой источниковой ценности наблюдений писателя, что позволяет рассматривать его произведения как серьезный источник изучения общественного сознания крестьянства II половины XIX века.

Рассмотрим подробнее совокупность этих произведений с точки зрения наших исследовательских интересов.

Полное собрание сочинений Г.И.Успенского включает в себя все основные произведения, написанные автором, начиная с 1861 года и кончая 1892 годом. В данное собрание вошли

также письма писателя издателям, жене, друзьям. Уже среди ранних произведений Успенского в I, 2, 3 томах имеются несколько очерков и рассказов, посвященных дореформенной и пореформенной деревне, жизни мужика. Деревня еще мало была знакома писателю, но все же вопросы, с ней связанные, занимали его внимание. Картины крепостного прошлого возникают порой в очерках из чиновничьей жизни — в рассказах бывших крепостных. В "Отрывке из автобиографии" Успенский писал: "В детстве я много пережил и перевидал крестьянских бедствий, и взяточничество царило повсюду; рекрутские наборы, волостные старшины, писаря и вся тяжёбая волокита были мне хорошо известны"⁹. В 4, 5, 6, 7, 8 томах помещены 18 циклов, 15 очерков и рассказов. Из этого материала в качестве объекта источниковедческого анализа я беру следующие циклы, очерки и рассказы: "Из деревенского дневника", "Без определенных занятий", "Непорванные связи", "Крестьяне и крестьянский труд", "Власть земли", "Бог грехам терпит", "Через пень-колоду", "Кой про что", "Живые цифры", "Мельком", а также очерки и рассказы: "Мученики мелкого кредита", "Овца без стада", "Малые ребята", "Из деревенских заметок о волостном суде", "Не случись", "Дождуть некогда", "На минутку". Я попытаюсь установить территориальный охват, время, описанное в материале, и систему вопросов, затронутую в публикациях.

Анализ всей совокупности взятых циклов и очерков дает возможность выделить произведения о динамике общественного сознания крестьян Новгородской и Самарской губерний 70—80 годов, но их типичность позволит ряд наблюдений распространить на все крестьянство. Уже сами названия циклов говорят нам о том, что Успенский обратился к важнейшим вопросам формирования общественного сознания крестьянства в процессе их отношения к труду, земле, семье, богатству, общине, отходничеству, городу, торговле. Картины крестьянской жизни, отраженные в его публицистике, на основе большого фактического материала раскрыли всю иллюзорность утверждения народников о незыблемости сельской общины, об "искусственности" проникавших в деревню товарно-денежных отношений и связанного с этим расслоения крестьянства. В циклах очерков

Успенский углубляет общую социальную характеристику деревни в условиях развивающегося капитализма и показывает процесс дальнейшей дифференциации деревни, роста кулачества и вместе с тем растущей нищеты крестьянских масс. В очерке "Равнение "под одно" писатель указывает, что кулак "есть результат общего расстройтва деревенского организма, он есть цвет, корень которого в земле, в глубине всей совокупности условий народной жизни"¹⁰.

Изображение кулачества как органического порождения самой деревенской действительности является совершенно отличным от народничества, представления о кулаке как явлении внешнем и искусственном, которое господствовало в произведениях писателей-народников (Наумова, Засодимского, Златовратского и др.). Глубоко критическая по отношению к народничеству позиция Успенского, выраженная в очерке "Равнение "под одно", и других произведениях этой поры, была впоследствии отмечена Лениным. В работе "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов" он приводит в собственном переводе известную цитату из книги И.А.Гурвича "Экономическое положение русской деревни": "Народник 70-х годов, - очень метко говорит Гурвич, - не имел никакого представления о классовом антагонизме внутри самого крестьянства, ограничивая этот антагонизм исключительно отношениями между "эксплуататором" - кулаком или мироедом - и его жертвой, крестьянином, пропитанным коммунистическим духом. Глеб Успенский одиноко стоял со своим скептицизмом, отвечая иронической улыбкой на общую иллюзию. Со своим превосходным знанием крестьянства и со своим громадным артистическим талантом, проникавшим до самой сути явлений, он не мог не видеть, что индивидуализм сделался основой экономических отношений не только между ростовщиком и должником, но между крестьянами вообще". См. его статью "Равнение "под-одно" в Русской мысли" 1882 г. № I"¹¹.

Формирование общественного сознания русского крестьянства пореформенного периода обусловлено прежде всего социально-экономическими факторами. Однако, исторические особенности группового сознания крестьянства наложили свой отпечаток

на все его поступки и часто постичь социальное, экономическое, демографическое и политическое поведение крестьянства можно только с учетом своеобразия его восприятия и мышления. Построенное на таком прочном основании, как веление самой природы, миросозерцание крестьянина создает свою стройную систему сельскохозяйственных, семейных и общественных отношений. На них построены отношения юридические, а опытом, вытекающим из них, объясняются и оправдываются и высшие государственные порядки. Объяснение высшего государственного порядка производилось на основе сельскохозяйственного опыта. Этот опыт в силу того, что крестьянское сознание находилось на уровне обыденного или традиционного сознания, не распространялся на Россию вообще, а замыкался на своем крестьянском мире. Вот эта узость кругозора, психологическая невозможность для крестьянина оторваться от маленького личного или деревенского практического опыта, увидеть смысл в событиях, происходящих за околицей своего сада, приводили к тому, что крестьянин не только пропускал мимо себя великие исторические события, но и вообще не интересовался тем, что делается в стране.

Рассмотрим намеченные нами элементы социальной психологии крестьян. Успенский фиксирует крестьянское отношение к труду, его значение для народа и общества в целом. Отмечая, что "труд крестьянина имеет умственный характер в большей степени, чем труд рабочего мануфактуры, подчиненного разделению труда", Маркс делает следующий вывод: "Если городской рабочий более развит, чем сельский, то это обусловлено лишь тем обстоятельством, что характер его труда заставляет его жить в обществе, тогда как труд земледельца заставляет его общаться с природой"¹². Об этом же говорит и Глеб Успенский. "Мы все сами", - говорит мужик; он сам добывает хлеб, сам добывает кожу на сапоги, овчину на тулуп; он сам тклет себе рубашку, словом - он все сам. Умственная деятельность его постоянно в работе, постоянно в наблюдении, потому что этого требует разнообразие его деятельности... Все сам - этого довольно, чтобы представить себе, что в мужицкой крестьянской избе сходятся в каждом из обитателей этой семьи тысячи.

всевозможных специальностей, что в ней царит постоянная умственная деятельность, что в ней — бездна знаний..."¹³.

Отмечая энциклопедичность крестьянина в крестьянском труде, Г.Успенский говорит о мимолетности результата этого труда. Он пишет: "Крестьянская пословица говорит: "лето работает на зиму, а зима на лето". И точно: летом с утра до ночи без передышки бьется с косьбой, с жнивом, а зимой скотина съест сено, а люди хлеб, весну и осень идут хлопоты готовить пашню для людей и животных, летом соберут, что даст пашня, а зимой съедят. Труд постоянный и никакого результата, кроме навоза, да и того не остается, ибо и он идет в землю, земля ест навоз, люди и скот едят, что дает земля"¹⁴. И далее: "...меня поражает и бесплодность труда, бесплодность по отношению к человеку, к его слезам, радостям и зубовному его скрежету. Именно в человеческом-то смысле или, говоря точнее, "в расчете-то на человека" бесплодность неустанного труда оказывается поразительно"¹⁵. Особенность постановки темы труда в крестьянских очерках Успенского начала 80-х годов состоит в том, что писатель, все глубже постигая суть народного миросозерцания, пришел к выводу о труде не только как тяжелой необходимости, как условия материального существования, но и как внутренней потребности человека, как фактора, обеспечивающего полноту нравственного, духовного бытия человека. "Для меня стало совершенно ясным, — говорится в очерках "Крестьянин и крестьянский труд", что творчество в земледельческом труде, поэзия его, его многосторонность составляют для громадного большинства нашего крестьянства жизненный интерес, источник работы мысли, источник взглядов на все окружающее его, источник едва ли не всех его отношений, частных и общественных"¹⁶.

Но Успенский не может не видеть, что капитализм, проникающий в деревню, изменил отношение крестьянина к труду, ужесточил его патриархальные черты. Успенский не соглашается с неизбежностью разложения крестьянства — разложения, обусловленного процессом капиталистического развития. "Этот новорожденный пролетариат, — пишет Успенский, — решительно мог бы не существовать на нашей земле, если бы миллионы

мероприятий, направленных в сторону народа, дорожили народным миросоверцанием...»¹⁷.

Вот как характеризовала то новое, что увидел Успенский в деревне, В. Фигнер: "Искренний и правдивый, не допускающий никакой придумки, зоркий и тонкий наблюдатель деревенской жизни", он "рисовал иное". Он показывал "каторжный физический труд, еле-еле дающий возможность быть сытым". Он видел "полную разъединенность интересов деревни, неспособность к общему усилию для улучшения своей жизни; рисовал рабскую подчиненность природе, господствующей над волей крестьянина; "власть земли" делала его не только рабом своего труда, но и приучала к подчинению, к рабству перед всяким крупным и мелким начальством"¹⁸.

Та патриархальная гармония крестьянина с природой, что поэтизировала крестьянский труд, силой новых обстоятельств превращает крестьянина в раба "природы", отдает его на милость "власти земли". Таким образом, труд как фактор самоутверждения крестьянина — а это глубинный тезис крестьянского самосознания — превращается в средство его угнетения и унижения. Это тонко отмеченная черта кризиса патриархального взгляда крестьянина на труд.

Отношение к собственности составляет важнейший аспект экономического поведения крестьянина. Под отношением к собственности имеется в виду отношение к богатству, деньгам, средствам производства, представление об источниках и назначении собственности. В русской пореформенной деревне все еще превалировал патриархальный тип имущественных отношений. Но уже начал заявлять о себе и буржуазный тип. О них пишет Г. Успенский. Для патриархального отношения к собственности характерен потребительский подход к ней. Собственность предназначена для того, чтобы кормить человека, обеспечивать его средствами к жизни. Накопление богатства не имеет смысла, так как владение большой собственностью не является гарантией признания, авторитета, общественного веса, не помогает оно и осуществлению главных целей жизни.

Современники считали, что всем видам собственности крестьяне предпочитали землю. "Народ все-таки считает капитал

чем-то более шатким, чем земля, чем-то, что может скорее, чем земля, выскользнуть из рук, хотя бы благодаря соблазнам, которым он подвергает"¹⁹. Земля, по понятиям крестьянина, — "истинная кормилица, источник радостей, горестей, счастья и несчастья, всех его молитв и благодарностей к богу..."²⁰ — пишет Г.Успенский. "Родная, святая, вечная вдова! — рыдала бедная женщина, страстно прижимаясь к родной земле, — побереги, не оставь меня с малыши детушками! Дай мне силу твою, молчаливую, великую, неизменную! Помоги мне их выкормить, вырастить, тебя любить научить"²¹.

Успенский, отмечая, как развивающийся капитализм вторгается в деревню и нарушает веками установленный порядок, священное отношение к земле, приводит слова Ивана Афанасьева о противоречиях, раздиравших крестьян. "Как же я брошу землю, помилуйте, сделайте милость, — говорит крестьянин, — ну пойду я на заработок; а как же земля-то останется? Ведь мы землей всю жизнь живем". Иван Афанасьев — такой истинный земледелец, истинный "крестьянин", что самый лучший заработок не в силах был бы заглушить в нем тоски по земле, по тому разнообразию явлений, которыми окружен труд земледельца, связывающий его душу и мысль и с небом, и с землей, и с солнцем красным, и с зорями ясными..."²².

Двойственный характер землевладения и землепользования крестьян наложила отпечаток на отношение к земле. Г.И.Успенский отмечал реальные результаты этой двойственности в практике переделов общественных земель. Земля делится по душам, по справедливости. "Но далее, — пишет Успенский, — на сцену выступает, во-первых, взаимное соглашение, во-вторых, нужда... и в действительности вышло так, что некоторые из получивших землю пошли домой или вовсе без земли, или с правом только на худую землю, тогда как другие с тем же правом на хорошую землю"²³.

А вот что пишет об отношении крестьянина к личной собственности, Успенский: "И вот этот бесспорно умный, с сильной волей человек вдруг запьянствовал и с каждым днем стал терять образ и подобие даже простого деревенского человека... Разоренье, распродажа по самой ничтожной цене всего имущества,

до последней порошинки, как своего, так и жениного, — и все это следовало с необыкновенной быстротой... В его доме с пустым двором и воротами, снятыми и пропитыми, было мертво, пусто и темно²⁴. Такое отношение Успенский объяснял нерасчетливостью хозяйствования, наивной беспечностью, недостаточной культурой развитости земледельца как результат долгого господства крепостного права, его атрибутов — барщины и оброка. Он писал: "...что барщина в конечном итоге приучила крестьянина к "работе не на себя". И далее: "Этот коренной принцип барщины укреплялся в народе всевозможными средствами, и в конце концов все это вместе взятое выработало совершенно определенный идеал для существа носящего название мужик. Идеал требовал, во-первых, беспрекословного исполнения чужих требований; во-вторых, требовал, чтобы у исполнителя было глубоко вкоренено убеждение в том, что все остальное, все его житишко со всеми жivotишками составляют дела, не стоящие внимания"²⁵.

Успенский обращает внимание на то, как относятся крестьяне и к собственности общины, и в этой связи приводит следующий пример. Мельница. У мельницы телеги с зерном, на телегах — крестьяне, старые и молодые. На горе — новенький дом арендатора. В окне он сам — пьет чай. Крестьяне со злостью смотрят на купца. "Глянь, говорит один из ожидающих: — ишь, красномордый чорт, чай поет". И дальше разговор между крестьянами о том, как грабит их арендатор, как новый "амбар" построил. "И действительно, обидно смотреть, — пишет далее Успенский, — как этот человек сидит, пьет чай и получает деньги. Но о том, чтобы кому-нибудь из мирян пришла мысль самим взять, да выстроить амбар, самим назначить человека мирского, который бы смотрел за мельницей, представляя отчет миру — об этом никто не заикается: нет "на такие" действительно общественные дела ни выработанных порядков, ни ритуалов. И поверьте, это тоже барщинный результат. Крестьянин может только копошиться в своей нуждешке или проявлять свои дарования у кабака, настоящие же доходные дела делает другой; мужику хорошо, если достанется при этом "положенный" по питейному регламенту стаканчик вина, а уж подлинный доход —

это дело не мужицкое. Это как бы свыше предназначено для лиц, совершенно деревне посторонних..."²⁶

Успенский также говорит и об отношении крестьян к господской собственности. В некоторых случаях, как пишет об этом Успенский, крестьяне создавали условия для того, чтобы новый хозяин имения уехал из деревни в виду невозможности вести хозяйство. Так, например, они не делали дороги. "Пусть он побьется с дорогой, пусть его возы с сеном завязнут в болоте; пусть у него земля лежит даром — небось поживет, поживет впустую, потратит сам свои деньги и на дорогу и на канавы, разорится, уедет..., а как уедет — тут и хозяйствуй в лесу, руби, продавай дрова и т.д."²⁷

Но вот другой, также характерный пример. Успенский пишет: "В деревне оказались сломанными замки в трех амбарах и из одного увезено до десяти четвертей ржи. Вся деревня поднялась на ноги, потому что это — событие небывалое, старики не упомнят ничего подобного; не прочь многие крестьяне попользоваться за счет "барина", но чтобы крестьяне воровали друг у друга — это явление весьма редкое"²⁸.

Много внимания в своих произведениях уделял Г. Успенский вопросам семейных отношений, роли женщины в крестьянской семье. Автор отмечает, что крестьянская семья чаще складывалась не по любви, а по необходимости. В семье мужа нужна была работница, причем она должна быть выносливой, сильной, здоровой, готовой взять на себя все заботы по дому. "Теперича выписали меня — женись! — говорит один из героев Г. Успенского. — Мясоеду осталось мало — успевай! Хлопочут насчет невесты, ищут... Ведь у нас, сам знаешь, семейка-то немаленькая; ежели хоть месяц без работницы останутся, так и то разор. Одной скотины, коров восемь голов, да телят, да овец, лошадей четыре... Вот и надобно жениться..."²⁹

А вот другой вид расчета. Успенский пишет: "Из десяти браков прошлой зимой никак не менее половины сделаны именно во имя самого сухого расчета. Парень женится, "привяжет к себе" жену, поживет неделю и в Петербург. Едет в спокойном состоянии духа: "привязал" — и будет кому деньги посылать. "...До святой он уже не будет дома, потому — "пост",

"мы чтим закон" и т.д., в после святой опять уйдет до осени, потому - "дачи начинаются", "торгуем по дачам: зелень, фрукты... да и жене много работы в поле, в огороде... Не до этого, помилуйте!.." Осенью придет, принесет деньги, опять недельку поживет - и опять пост, опять невозможно: "закон", надо в Питер, "зима, торговля...", "уж опять, стало быть, до мясоеда..."³⁰

Итак, - отмечает Г.Успенский, - в большую зажиточную семью приходит невестка. Здесь возникают новые проблемы. Это отцовский деспотизм, не дающий возможности новой семье жить самостоятельно. И далее Г.Успенский пишет: "В доме, при жизни крутого отца - хозяина, между тем шел старый порядок, царил деспотизм отца. Отец отбирал деньги, зарабатываемые братьями. Один зарабатывал больше, а другой - меньше, зарабатывали на разном, а жили под властью отца равно... Семейный деспотизм давит, и все без толку: с крестьянством, с овсом и сеном, с пашней не угнаться за Черемухиным, а семейный деспотизм не уменьшается, а растет, потому что растут платежи, растет количество требующихся денег, растет необходимость труда, чтобы не растратиться..."³¹ Остается только два выхода: или ждать смерти отца и выделиться, или выделиться при жизни отца. Чаще всего, - замечает Успенский, - выход семьи ставит ее в трудное положение. "Теперь все надо добывать самому, от пищи до сапога и кнута. Жена Алексея понимала всю тяжесть предстоящего ей жития и во время нашего посещения только и говорила, что об этих тягостях: теперь сама и за детьми, и за скотиной, и в поле, и в доме; обо всем сама думай, сама шей, сама стряпай, мой и т.д."³²

Характерным для многих семей крестьян было жестокое отношение мужа к жене и детям. Успенский приводит много примеров, заимствованных из статьи Лудмера, напечатанной в "Юридическом вестнике" № 5, в которых рассказывается об избиении жены и детей, о продаже последнего имущества за стакан вина. Приведя примеры бесчеловечного отношения мужа к семье, Успенский делает вывод о природе этих явлений. Он пишет: "Он, женатый, семейный, с детьми не имеет ни земли, ни дров, ни скота: все эти насущные нужды разрешаются драньем в волостном

правлении за недоимки, продажею скотины, то есть унижением нравственным и еще большим упадком материальным. К чему тут приложить руки? Чем кормить семью, вообще что делать с собой? Ведь любовь к семье можно проявлять каким-нибудь реальным делом, в труде для нее, в заботах о ее тепле, сытости, но тут нет возможности проявить себя ни в чем подобном. Что же удивительного, что человек начинает просто-таки не понимать самого себя, не понимать своей семьи, считать жену и детей злодеями, извергами, которых мало сжечь на огне, заморозить на морозе, изодрать железным гвоздем, потому что они хотят жить, варить что-то в печи, разговаривать, плакать, радоваться... Все это упрекает его в своем несчастии, в нищете, в голоде, в холоде, тянет из него душу каждую минуту, тогда как он ничего не может"³².

В связи с вышесказанным следует рассмотреть, как характеризует Успенский женщину как жену, работницу, кормилицу семьи. В рассказе "Ноль целых" он пишет о семье, в которой умирает еще не старая хозяйка. Оставшиеся отец и сын не способны поддержать хозяйство — оно приходит в упадок. Принимается решение о женитьбе сына, чтобы в дом вошла молодая хозяйка. "Со второго дня свадьбы все соседи, все прохожие почувствовали, что в холодном и пустом доме как в котле, под которым до сих пор не было дров, начинал разгораться горячий огонь... Именно "баба" дала смысл всей многосложности труда, составляющего жизнь крестьянского дома. Всем нужно быть сытыми, одетыми, обутыми; нужно ждать детей, потом ходить за ними, одевать, обувать, нянчить, растить, беречь"³⁴.

Успенский отмечает, что женщина в своем тяжелейшем повседневном труде сохраняла гармонию с природой. "Не ведаю почему, припомнилось мне, как я однажды, проезжая мимо сенокоса в жаркий летний день, засмотрелся на одну деревенскую бабу, которая ворошила сено: вся она, вся ее фигура с подобранной юбкой, голыми ногами, красным повойником на маковке, с этими граблями в руках, которыми она перебрасывала сухое сено, справа налево, была так легка, изящна, так "жила", а не работала, жила в полной гармонии с природой, с солнцем, ветерком, с этим сеном, со всем ландшафтом, с

которым были слиты и ее тело, и ее душа (как я думал), что я долго-долго смотрел на нее, думал и чувствовал только одно: "как хорошо"³⁵.

Или вот женщина несет воду на коромысле: "Она идет стройно, легко и легко одна рука лежит на коромысле, а другая упирается в край ведра... Вода в ведрах не плещется, лежит смиренно, слушается Варвары, точно знает, кто несет"³⁶. Но женщина, продолжает Успенский, не только хранитель домашнего очага — она и общественница. "Она вот теперь беременна, а ей надобно сегодня ночью идти молотить; неразрывность трудовой жизни сделает то, что пойдет молотить муж, а она за него исполнит обязанности ночного караульщика. Сидеть у ворот и стучать в колотушку ей легче и по силам"³⁷.

В то же время Успенский отмечает и всю тяжесть женского труда. "Женский труд в крестьянской семье и хозяйстве ужасен, поистине ужасен. Глубокого уважения достойна всякая крестьянская женщина, потому что эпитет "мученица", право, не преувеличение по отношению почти ко всякой крестьянской женщине"³⁸. В своих произведениях Успенский отмечает, что "земля нужна крестьянской женщине не для единого хлеба, а для обороны своего человеческого достоинства от гибели, неизбежной при необходимости бросить деревню и идти на заработки"³⁹. Он считает это новым явлением в крестьянской жизни и приводит тому множество примеров. "Крестьянка деревни Нападовки, Федосья Дергачева, жаловалась на своего дядю Петра Дергача, требуя от него части владеемой им земли...". Крестьянка города Липовцы, Евдокия Загородная, жалуются на своего свекра, который, после смерти ее мужа, не дает снохе и двум внучатам (девочке — 10, сыну — 1 год) ни поля, ни пахотной земли...". Крестьянка деревни Нападовка, Марья Калашникова, жаловалась на своего свекра и требовала земли не для себя, а для своих дочерей, оставшихся после смерти ее мужа"⁴⁰. Все это дает, — пишет Успенский, — весьма существенное основание для того, чтобы видеть, какое важное значение в жизни крестьянской женщины имеет земля"⁴¹.

Г. Успенский очень подробно рассматривает в своих произведениях роль общины в деревне, процессы, происходящие

внутри ее. Он считает, что в общине в 70-80-е годы наблюдалось полное отсутствие нравственной связи в отличие от общины дореформенного периода. Он сравнивает роль общины до отмены крепостного права и после нее. Успенский пишет: "При крепостном праве фантазии господина-владельца, одинаково обязательные для всех, сплачивали деревенский народ взаимным сознанием нравственных несчастий. Господская фантазия имела право вломиться в деревенскую семью и по произволу распорядиться личностью человека; могла "взять" человека и отдать в науку, в музыканты, в повара, в портные; могла "взять" и женить или выдать замуж, не обращая внимания на "человека". Ежеминутная возможность таких фантазий связывала мир одинаковым принижением человеческой личности; как "у людей", а не у государственных работников, у них была общая мысль, общая нравственная забота... Теперь уж никто не вломится в семью, кроме начальства, которое приходит с солдатами; теперь всякий отвечает за себя, распорядись сам как знаешь; но связь "нравственного гнета" не заменилась сознанием необходимости "общего благополучия", общего облегчения жизни, так как на место произвола не пришло ни знание, ни развитие, ни даже доброе слово. Привычка трепетать, видеть в себе векового работника, привычка, ничем и никем не разрушаемая, держит крестьянина и до сих пор в своей власти"⁴². Успенский еще продолжает идеализировать общину, возлагает на нее большие надежды: "...общинное, дружное хозяйство - не только спасение от нищеты, а есть единственная общественная форма, могущая обеспечить всеобщее благосостояние. Так должен думать всякий, кто знает, что лучшей земли нет в свете, что из таких природных богатств, в соединении с общинным дружным владением ими, может выходить только добро и что наделенная ими община может только улучшить свое благосостояние"⁴³.

Но под давлением фактов действительности Успенский приходит к мысли о разрушении общины, о потере ее первоначальных функций. Он развивает мысль о потере нравственной связи между членами общины и говорит об одиночестве крестьян, оставшихся один на один со своими проблемами. "фиктивно соеди-

ненные в общество круговой порукою при исполнении многочисленных общественных обязанностей, большею частью к тому же навязанными извне, они, не как общинники и государственные работники, а просто как люди — представлены каждый сам себе, каждый отвечает сам за себя, каждый сам за себя страдай, справляйся — если можешь, если не можешь — пропадай!"⁴⁴

"...Крестьянская душа одинока. В этом — то именно и заключается горе деревни: общественная мысль хлопочет о податях, о расходах на земства, на волость, на множество разновидностей всевозможных сборов или разрабатывает кабачный ритуал, и вот почему драма деревенской избы, тягота крепкой думы под соломенной крышей не выбралась из-под крыши на сходку"⁴⁵. "Стало быть, так угодно богу, если тысячи и миллионы народа бьются точно так же, как и мы, — вот как объясняет себе каждый крестьянский дом свое положение, поднимаясь на работу с петухами.

Но покорно подчиняясь велению свыше, крестьянин, сидящий на необитаемом острове, не может не действовать, не может не смотреть на себя иначе, как только в интересах этого необитаемого острова. Этих интересов, этих забот, которые тоже даны свыше, такая гибель и облегчить их какими-нибудь иными силами, кроме собственных, до такой степени кажется невероятным (никто не знает примера со дня рождения), что окружающие одну крестьянскую семью другие крестьянские семьи для первой будут также казаться такими же необитаемыми островами, населенными жителями, действующими и смотрящими на жизнь только во имя своих собственных забот... Попалась одному необитаемому острову работа, он захватит ее столько, что не в состоянии и выполнить, а уж соседнему острову не скажет!.. Если соседний остров послабее, победней, то, пожалуй, можно всучить ему работу, которая попалась, но вместо рубля заплатить слабому острову пятиалтынный, а восемьдесят пять копеек оставить у себя в кармане... Случись то же самое со слабым необитаемым островом — и он поступит так же точно, и оба будут полагать, что все это совершенно правильно, по-божьему, по-господнему..."⁴⁶

Таким образом, Г. Успенский одну из причин разрушения

общины видит в нарушении нравственной связи между членами общины. Второй причиной этого процесса он считает "власть денег". Причем он думает, что проникновение в деревню товарно-денежных отношений является искусственным процессом, не свойственным крестьянству, а потому чуждым. "Шибко" нуждается в деньгах и простой мужик и также желал бы заполучить в свои корявые руки какие-нибудь кредитные знаки; но, глядя на его старания в этом отношении, ясно видишь, что успеха они иметь не могут. Тайна этого неуспеха именно в том и состоит, что мужик - человек серый, что он еще не отвык от "крестьянства", не умеет жить иначе, как своим домом, своей семьей, и главное в том, что плохо понимает все происходящее за пределами его домишки... Ему грезятся не кущи, не капиталы, а деньжонки, рублишки, необходимые только для того, чтобы покрыть крышу, починить сапоги, отдать два рубля лавочнику... Если же он, то есть настоящий серый мужик, и сообразит, что хорошо было бы ему получить поболее, справиться сразу, и если к этому представится даже случай, то и тут не всегда он сумеет воспользоваться им, потому что сер, потому что еще "не насобачился", как говорят в деревне в похвалу развитым и умным людям"⁴⁷.

Однако, Успенский видит, как властно вторгаются в деревенскую жизнь товарно-денежные отношения и втягивают в свой водоворот крестьянина. "В прежние времена куль хлеба, положенный на телегу или в сани в помещичьем имении и отвезенный мужиками в город к купцу, здесь же у купца в амбаре большей частью и оканчивал свою биографию и уже в крайнем случае оказывался в Москве. ...В настоящее время количество народа, толпящегося около куля хлеба на пространстве, которое он пройдет от базара до корабля, до такой степени велико и разнообразно, что цена куля, оказавшегося на иностранном корабле, как высчитывали мне знатоки, вырастает на пять рублей против цены базарной, - и все эти пять рублей, по грошу, по полкопейке, по гривеннику, разбираются массой народа, который живет этими копейками и который за эти копейки и гривенники должен всю жизнь торчать около какой-нибудь частички дела, посвящая ей все свое внимание"⁴⁸.

В эпоху развития капитализма колоссально возрастает власть денег, которая завладела целиком деревней. Это отмечает Г.Успенский в произведении "Из деревенского дневника". "Каким-то тяжелым клубом свернулись все разнообразные отрасли общественной службы в сознании крестьянина, и, не распутывая этого клубка (так как распутать его почти невозможно), крестьянин определил его одним словом - "деньги". Вся куча повелительных наклонений низвергается в деревенскую глушь в виде простого требования денег и вообще каких-нибудь материальных расходов, но денег, денег - главным образом..."⁴⁹. И далее: "Обведя вокруг Москвы круг радиусом верст в четыреста, мы получим местность, в которой положение крестьянина и направление его мысли в общих чертах определится стремлением "добыть деньги", только добыть денег - больше ничего... В самом деле, никогда крестьянину не приходилось так много платить наличными деньгами, как теперь. Платить хлебом, тальками, курами, поросятами, как он в старые годы платил помещику, который все это мог сбыть оптом в губернский город или в Москву, - теперь не приходится: ни кур, ни холста, ни муки не возьмет ни одно волостное правление; нужны чистые деньги, кредитные билеты, и вот этих-то чистых денег и неоткуда взять крестьянину, настоящему деревенскому мужику"⁵⁰.

Отходничество давало хоть какие-то деньги для уплаты податей. Получившее особенно широкое распространение после реформы 1861 года, оно занимает внимание Г.Успенского. Вот как он говорит о причине распространения отходничества в России. "Толпы эти идут от "нехватки" за заработком"⁵¹. "Вот в такую минуту "рассчитав" все свои средства, однажды после уборки хлеба Гаврила увидел, что к будущей весне ему "нехватит" столько-то и столько-то и что недостающее необходимо где-нибудь и как-нибудь выработать. Он решился идти в извозчики в Петербург"⁵². После отмены крепостного права, - отмечает Успенский, - "земли стало меньше, но времени для ее обработки прибавилось, а вместе с тем получился остаток сил, прежде поглощавшийся исключительно земледельческим и своим и барским трудом. Этот остаток сил не остался

праздним и немедленно же пошел в обиход. Один из средних братьев поехал в Питер в зимние легковые извозчики; другой, тоже средний, сделался лесником и стал получать жалование, а вместе с заработком того и другого началось и разрушение стройности земледельческого семейного союза⁵³.

Успенский подробно останавливается на последствиях развития отходничества. "Хуже всего в этой случайности заработка то, что они разрушают общность деревенских интересов, деревенский "мир"... Там, где заработок мало-мальски хорош, там, где он дает больше денег, — пропадает даже и охота жить земледельческим трудом, тянуть эту крестьянскую лямку, не дающую ни единой копейки денег, которые именно и нужны. Является прямое желание уйти и от мира, и от деревни, и от земли, отплачиваясь от всего этого деньгами"⁵⁴. Успенский говорит здесь об отходничестве двух видов. Выше шел разговор о том, что крестьяне используют отходничество как возможность добыть немного денег для уплаты налогов. Но от земли они полностью не отрываются. И второе, о чем говорит Г.И.Успенский, когда крестьяне в результате полного разорения окончательно порывают с землей и уходят на заработки надолго, превращаясь постепенно в сельскохозяйственную наемную силу. "А эти огромнейшие, миллионные толпы рабочих, наводняющих весь русский юг, весь Кавказ, — что это, как не выражение глубочайшей потребности с помощью заработка собственных рук и собственного хребта выбраться из мучительно-фальшивых условий жизни, созданных "нехваткой", и освободить свою совесть от ненужного зла, обязательного там, где "нехватка" не считается просто "нехваткой", а затирается тяжелесными, режущими душу мероприятиями, от которых человек только "усталый раб"?"⁵⁵ Успенский подчеркивает нравственную сторону этого "народного шатания". Оно "обогащает его мысль познанием таких явлений в современных порядках жизни, о которых ему бы и во сне не приснилось"⁵⁶. Здесь мы подходим к тому процессу, на котором Успенский останавливается довольно подробно. Это разрушение общины, дифференциация крестьянства, возникновение и развитие в деревне класса кулачества. Успенский один из первых показал, что крестьянство,

в том числе общинное, перестало быть однородным, что оно дифференцируется, разлагается, выделяя, с одной стороны, из своей среды все более растущую массу деревенской бедноты, а с другой стороны, небольшую группу кулаков "мироедов", богатых за счет разорения и эксплуатации бедноты. "Ведь пора же знать, что сельское общество тогда было в самом деле самоуправляющейся крестьянской общиной, когда основанием средств к существованию всех ее обывателей были земля и исключительно для всех одинаковый земледельческий труд. Какие же это общинники теперь, — пишет далее Успенский, — если сосед наживает на ооседе капитал, скромную деревенскую копеечку на копеечку. Теперь же сосед, взявший мой овес по существующей цене и перепродавший его земству весной за двойную цену, явно наживает на мой счет, кладет в карман мои деньги, берет их за овес, моими трудами добытый"⁵⁷. Успенский дает меткую характеристику мироеду. "Мироед ест мир тем, что норовит его нравственно напугать, придавить. Ему мало, чтобы на него работали за долг, мало запутать человека из-за нужды и нажиться его трудами: он еще желает держать в руках совесть деревенского человека. На сходках он норовит осрамить провинившегося человека так, чтобы тот не знал, куда деться, и потом, за вино, конечно, помирует, но так помирует, что помилованный будет "чувствовать" свою зависимость от помиловавшего... Он силен, необыкновенно силен тем, что подрывает у человека, попавшего ему в лапы, веру в самого себя, ослабляет его духовную деятельность"⁵⁸.

Нами просмотрены все произведения Г.И.Успенского, вошедшие в указанное 9-томное собрание сочинений. В данной статье использовалась только та часть наблюдений Успенского, которая дает материал для суждения о процессе переориентации общественного сознания крестьян под влиянием условий жизни пореформенной деревни, позволяет судить о психологии личности, ее отношении к труду, собственности, семейным отношениям, к общине. Достоверность этих наблюдений, основанная на прекрасном знании пореформенной деревни, позволяет считать, что произведения Успенского могут быть включены в источниковую базу для изучения общественного сознания пореформенного крестьянства.

- 1 Успенский Г.И. Собр. соч. в 9-ти томах. М., 1957. Т.9. С.186.
- 2 Ангарский Б.П., Ленский Б. Отхожие неземледельческие промыслы в России. Отечественные записки, 1877. № 12. С.214.
- 3 Успенский Г.И. Собр. соч. Т.6. С.78.
- 4 Ленинский сборник. Т.ХІХ. С.279-280.
- 5 Цит. по сборнику "Искусство и литература". М., 1948. С.532.
- 6 Искра. № 20. 1902, 1 мая.
- 7 Ленин В.И. ПСС. Т.І. С.357.
- 8 Там же. Т.4. С.113.
- 9 Успенский Г.И. Полн. собр. соч. СПб., 1908. т.14, С.582.
- 10 Там же. Т.8. С.640.
- 11 Ленин В.И. ПСС. Т.І. С.262-263.
- 12 Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т.26. Ч.2-я. С.253.
- 13 Успенский Г.И. Собр. соч. Т.4. С.331.
- 14 Там же. Т.5. С.18.
- 15 Там же. С.19.
- 16 Там же. С.37.
- 17 Там же. С.100.
- 18 Фигнер В. Полн. собр. соч. Т.5. С.468-469.
- 19 Семенова Тянь-Шанская О.П. Жизнь Ивана. СПб., 1914. С.99.
- 20 Успенский Г.И. Собр. соч. Т.4. С.43.
- 21 Там же. Т.6. С.215.
- 22 Там же. Т.4. С.557.
- 23 Там же. С.44.
- 24 Там же. Т.7. С.227.
- 25 Там же. Т.4. С.190-191.
- 26 Там же. С.199-200.
- 27 Там же. Т.7. С.76.
- 28 Там же. Т.5. С.145.
- 29 Там же. Т.4. С.453.
- 30 Там же. Т.5. С.182.
- 31 Там же. С.188.
- 32 Там же. Т.4. С.457.
- 33 Там же. Т.7. С.413.
- 34 Там же. С.540.

- 35 Там же. С.236.
- 36 Там же. Т.5. С.281.
- 37 Там же. Т.7. С.542.
- 38 Там же. Т.5. С.183.
- 39 Там же. Т.8. С.519.
- 40 Там же. С.521.
- 41 Там же.
- 42 Там же. Т.4. С.117.
- 43 Там же. С.113.
- 44 Там же. С.116.
- 45 Там же. С.201.
- 46 Там же. С.554-555.
- 47 Там же. С.103-104.
- 48 Там же. Т.7. С.441.
- 49 Там же. Т.4. С.33.
- 50 Там же. С.33-34.
- 51 Там же. Т.7. С.60.
- 52 Там же. Т.5. С.191.
- 53 Там же. Т.4. С.448.
- 54 Там же. С.48.
- 55 Там же. Т.7. С.58-59.
- 56 Там же. С.60.
- 57 Там же. Т.5. С.143.
- 58 Там же. Т.4. С.218.